

Лицензия на издательскую деятельность редакции
выдана Госкомитетом по печати РФ ЛР № 040588 от
22.06.1998 г.

Свидетельство о регистрации журнала выдано
Госкомитетом по печати РФ № 01262 от 20.11.1998 г.

СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ ЗНАНИЯ № 4 — 2018 г.

Российское ежемесячное научно-образовательное издание

Издается с 1973 года

Прежние названия: «Научный коммунизм» (1973-1990 гг.);
«Социально-политические науки» (1990-1993 гг.); Социально-
политический журнал» (1993-1998 гг.); «Социально-гумани-
тарные знания» (с 1999 г.)

С момента создания Перечня ведущих рецензируемых
научных журналов ВАК Минобрнауки РФ журнал включен в
этот перечень согласно решению Президиума ВАК

Е-mail редакции: soc-gum-zhurnal@vandex.ru

Сайт в Интернете: <http://socgum-zhurnal.ru>

Журнал представлен в Научной электронной библиотеке
elibrary.ru и зарегистрирован в наукометрической базе РИНЦ
(Российский индекс научного цитирования)

Адрес редакции: 109240, Москва, ул. Верхняя Радищевская,
д. 16-18, к. 15

Телефоны редакции: 8(499) 713-61-95; 8(901) 183-61-95

© «Социально-гуманитарные знания», 2018

Редакционная коллегия:

Миронов Анатолий Васильевич – главный редактор, доктор социологических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ, почетный работник ВПО РФ, академик РАН, РАЕН, Международной академии наук (русская секция) и др., член Союза социологов, Союза журналистов, Союза писателей РФ (Москва)

Аванесова Галина Алексеевна – доктор философских наук, профессор, эксперт центра «Гражданское общество и социальные коммуникации» (кафедра ЮНЕСКО) РАНХиГС при Президенте РФ (Москва)

Андреев Эдуард Михайлович – зам. главного редактора, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник ИСПИ РАН (Москва)

Бабинов Юрий Александрович – доктор философских наук, профессор Севастопольского технического университета (Севастополь, Крым)

Балбеко Анатолий Михайлович – доктор педагогических наук, профессор, почетный работник ВПО РФ (Москва)

Владимирова Татьяна Николаевна – доктор педагогических наук, проректор МПГУ, директор Института журналистики, коммуникаций и медиаобразования, член Союза журналистов России (Москва)

Волков Юрий Григорьевич – доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, научный руководитель Института социологии и регионалистики ЮФУ (Ростов-на-Дону)

Иванов Вилен Николаевич – доктор философских наук, профессор, чл.-корр. РАН, советник РАН (Москва)

Editorial board:

Mironov Anatoliy Vasilievich – Editor in Chief, Dr. Sci. (Soc.), Prof., Honored worker of higher school of Russia, Russian Federation honorary worker of higher education, member of Russian Academy of Social Sciences, member of Russian Academy of Natural Sciences and International Academy of Sciences (Russian section) etc., member of Union of sociologists, the Union of journalists, the Union of writers of Russia (Moscow)

Avanesova Galina Alekseevna – Dr. Sci. (Philos.), Prof., civil society expert and social communication (UNESCO Chair) Russian presidential (Moscow)

Andreev Eduard Mikhailovich – Deputy Chief Editor, Dr. Sci. (Philos.), Prof., Chief researcher of the ISPR RAS (Moscow)

Babinov Yuriy Alexandrovich - Dr. Sci. (Phil.), Professor of the Technical University (Sevastopol, Crimea)

Balbeko Anatoliy Mihailovich – Dr. Sci. (Educ.), Prof., Russian Federation honorary worker of higher education (Moscow)

Vladimirova Tatyana Nikolaevna – Dr. Sci. (Educ.), prorector of Moscow State Pedagogical University, Director of the Institute of journalism, communications and media education, member of the Union of journalists of Russia (Moscow)

Volkov Yuriy Grigorievich – Dr. Sci. (Philos.), Prof., Honoured science worker of RF, supervisor of the Institute of Sociology and regional studies SFU (Rostov-on-Don)

Ivanov Vilen Nikolaevich – Dr. Sci. (Philos.), Prof., Corresponding member of the RAS, Counsellor of the RAS (Moscow)

Капицын Владимир Михайлович – доктор политических наук, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва)

Кара-Мурза Сергей Георгиевич – доктор химических наук, профессор, главный научный сотрудник ИСПИ РАН (Москва)

Карпухин Олег Иванович – доктор социологических наук, профессор Московского гуманитарного университета, Заслуженный деятель науки РФ

Кефели Игорь Федорович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии и социологии Балтийского государственного технического университета (Санкт-Петербург)

Козлова Оксана Николаевна – доктор социологических наук, профессор, директор Института социологии (Щецин, Польша)

Лазарева Юлия Васильевна – ответственный секретарь (Москва)

Макаров Анатолий Васильевич – кандидат философских наук, профессор, зав. кафедрой проектирования образовательных систем Республиканского института высшей школы (Беларусь, Минск)

Матюхин Андрей Викторович – доктор политических наук, профессор, зав. кафедрой философии и истории Московского финансово-промышленного университета (Москва)

Михайленок Олег Михайлович – доктор политических наук, профессор, руководитель отдела исследования социально-политических отношений Центра политологии и политической социологии Института социологии ФНИСЦ РАН (Москва)

Ореховская Наталья Анатольевна – доктор философских наук, профессор департамента социологии Финансового университета при Правительстве РФ (Москва)

Kapicyn Vladimir Mikhailovich – Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof. of Lomonosov Moscow State University (Moscow)

Kara-Murza Sergey Georgievich – Dr. Sci (Chemic.), Prof., Chief researcher of the ISPR RAS (Moscow)

Karpukhin Oleg Ivanovich – Dr. Sci. (Soc.), Prof. of the Moscow University for the humanities, Honoured science worker of RF, (Moscow)

Kefeli Igor Fedorovich – Dr. Sci. (Phil.), Prof., Head of the Department of cultural studies and sociology at Baltic State Technical University (St. Petersburg)

Kozlova Oksana Nikolaevna – Dr. Sci. (Soc.), Prof., Director of the Institute of Sociology (Szczecin, Poland)

Lazareva Yulia Vasilievna – Executive Secretary (Moscow)

Makarov Anatoliy Vasilievich – Cand. Sci. (Philos.), Prof., Head of the Department of the educational systems planning of the Republican Institute of Higher Education (Belarus, Minsk)

Matyukhin Andrey Victorovich – Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof., Head of Department of philosophy and the history of the Moscow financial-industrial University (Moscow)

Mihajlenok Oleg Michailovich – Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof., Head of Department research on the socio-political relations Centre of politics and political sociology, Institute of Sociology FRSC RAS (Moscow)

Orehovskaya Natalya Anatolievna – Dr. Sci. (Philos.), Prof. Department of Sociology University of Finance under the Government of the Russian Federation (Moscow)

Павленок Петр Денисович – доктор философских наук, профессор Российского государственного социального университета (Москва)

Панферова Валентина

Васильевна – зам. главного редактора, кандидат философских наук, профессор, почетный работник ВПО РФ, член Международной федерации журналистов, профессор кафедры коммуникационного менеджмента, рекламы и связи с общественностью Института журналистики, коммуникаций и медиаобразования МПГУ (Москва)

Пуляев Вячеслав Тихонович – доктор экономических наук, профессор, президент Академии гуманитарных наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург)

Скворцов Николай Генрихович – доктор социологических наук, профессор, декан социологического факультета СПбГУ (Санкт-Петербург)

Субочев Николай Сергеевич – доктор социологических наук, профессор кафедры корпоративного управления РАНХиГС, почетный работник ВПО РФ (Волгоград)

Хазиев Валерий Семенович – доктор философских наук, профессор, почетный работник ВПО РФ, заведующий кафедрой философии, социологии, политологии БГПУ им. М. Акмуллы, директор научно-исследовательского центра развития исламского образования БГПУ им. М. Акмуллы (Уфа, Башкирия)

Ответственный редактор –
Алифанова Ирина Андреевна

Зав. редакцией, компьютерная верстка – **Миронова Елена Витальевна**

Pavlenok Petr Denisovich – Dr. Sci. (Philos.), Prof. of Russian State social university (Moscow)

Panferova Valentyna Vasilievna – Deputy Chief Editor, Cand. Sci. (Philos.), Prof., Russian Federation honorary worker of higher education, member of the International Federation of journalists, Prof. of Department of communication management, advertising and public relations of the Institute of journalism, communications and media education of Moscow State Pedagogical University (Moscow)

Pulyaev Vyacheslav Tihonovich – Dr. Sci. (Econ.), Prof., President of the Academy of Arts, Prof. of St. Petersburg State University (St. Petersburg)

Skvortsov Nikolay Genrikhovich – Dr. Sci. (Soc.), Prof., Dean of the Sociology Department of St. Petersburg State University (St. Petersburg)

Subochev Nikolay Sergeevich – Dr. Sci. (Soc.), Prof. of chair of the corporate governance at RANEPa, Russian Federation honorary worker of higher education (Volgograd)

Haziev Valeriy Semenovich – Dr. Sci. (Philos.), Prof., Russian Federation honorary worker of higher education, Head of the Department of philosophy, sociology, political science, Director of the Research Centre for development of Islamic education Bashkir State Pedagogical University by the name of M. Akmullah (Ufa, Bashkortostan)

Executive editor – **Alifanova Irina Andreevna**

Secretary of the editorial staff, computer layout – **Mironova Elena Vitalievna**

СОЦИАЛЬНО- ГУМАНИТАРНЫЕ ЗНАНИЯ

Научно-образовательное издание

2018 4

СОДЕРЖАНИЕ

• Общество вчера, сегодня, завтра

В.А. Васильев – Творческая эволюция взглядов К. Маркса (к 200-летию со дня рождения)..... 7

Ю.Г. Жеглова – Проблемы формирования внешнеполитического имиджа Российской Федерации..... 20

Г.Д. Чесноков – Материалистическое понимание истории и критика "наших критиков"..... 27

• Наука, культура и образование на грани тысячелетий

Н.Е. Осипов, Р.В. Михайлова – Об эволюции технологической роли науки в современном обществе..... 38

И.М. Лоскутова, М.В. Синяев – Кризис института социального государства и образовательные стратегии в обществе риска..... 49

• Преподавателю социально-гуманитарных дисциплин

А.Ю. Шадже, С.З. Мамий – Образование в условиях вызовов новой реальности..... 57

А.В. Галухин – Концепция форм знания П. Хирста, когнитивно-эпистемическая матрица общего образования..... 66

Е.Ю. Новикова – Отчуждение в труде как междисциплинарная проблема..... 83

С.И. Железнякова – Современные задачи преподавания философии... 88

• Человек и общество

Ж.Ю. Данкова – Формирование аналитических компетенций государственных служащих..... 95

О.И. Дивиченко, И.А. Демененко – Предпринимательский климат как фактор конкурентного преимущества региона..... 102

М.Н. Реутова, И.В. Шавырина – Мотивация благотворительности: альтруизм или взаимность ожиданий..... 108

С.В. Назаренко – Формы социального контроля в условиях военной службы..... 114

• Актуальные проблемы современной политики

М.А. Родионов, Т.А. Волкова – Политические элиты и национальная идентичность..... 126

Э.Э. Шульц – Теоретическая база цветных революций..... 138

Т.В. Зверева, С.А. Мельков, А.Ю. Лябах – Проблематизация политических рисков перехода к цифровой экономике..... 147

• Дискуссионная трибуна

В.В. Люблинский – Социально-политические аспекты технологической трансформации общества.....	157
Г.А. Малышева – О влиянии цифровизации на общественно-политическое развитие в России.....	164
Э.С. Шиманская – Добровольчество как сетевая институция российского общества в XXI веке.....	170
Л.В. Макушина – Социально-трудовые отношения: новые реалии – новые риски.....	178
О.Г. Щенина – Многомерный характер развития сетевого общества.....	185
А.В. Назаренко – Новая реальность – новая «заботливость», новые политические альянсы и новая «архаика».....	192

• Научные сообщения

Н.С. Кулешова, А.А. Бурьгин – Особенности образования мусульманских государств.....	203
В.В. Борщенко – Особенности современного информационного пространства как среды формирования информационно-политических угроз.....	212
Ю.Н. Саямов – Международные отношения и глобальные социальные трансформации.....	219
Д.Ю. Кушнир – Анализ мультимедийных технологий и их влияние на массовое сознание аудитории.....	233
Г.Р. Байтурина – Трансформация веберовской концепции бюрократии в моделях Р. Мертона и А. Гоулднера.....	239

• Слово – молодым ученым

Р.А. Балданова – Политические и правовые особенности въезда и выезда в КНР.....	245
И.Д. Ван – Закредитованность населения как один из показателей социально-экономического развития Республики Бурятия.....	252
О.А. Самусева – Молодежная политика в КНР, России и США.....	261
Н.М. Адави – Эволюция терроризма: от группировок к государству.....	267
И Чжэн – Сотрудничество России и Китая в БРИКС.....	273
Ю.В. Смородина – «Умная сила» во внешней политике США: гуманитарный и политический аспекты.....	278
К.Х. Абу Айша – Конфликтный потенциал Ближнего Востока в свете принципа неделимости международной безопасности.....	284
В.Е. Зиненко – Приоритетные направления современной государственной молодежной политики.....	289

• На книжную полку

В.Н. Иванов – "Социологический ренессанс..." в русле проекта "Аргументы истины".....	295
---	-----

В.А. ВАСИЛЬЕВ
*доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры философских наук
Московского государственного
лингвистического университета***

Творческая эволюция взглядов К. Маркса (к 200-летию со дня рождения)

Анализируя творческую эволюцию взглядов Карла Маркса, следует помнить известное высказывание: «Философия есть эпоха, выраженная в мысли». В нём содержатся два важных методологических аспекта.

Во-первых, социально-культурный аспект, требующий учитывать исторически конкретную объективную реальность, в которой живёт и творит великий мыслитель. В 1840-1850-х гг. в ряде европейских стран происходят революционные выступления пролетариата. Рабочие Лиона вышли на баррикады с требованием «Жить, работая, или умереть в борьбе», усиливались протестные движения ткачей в Англии, шахтёров в Силезии. Обостряющиеся социальные конфликты в Германии подрывали остатки феодальных отношений. Страна стояла на пороге буржуазной революции. Особенно показателен опыт парижских коммунаров, впервые в истории установивших диктатуру пролетариата. Не только бурная общественная практика, но и новейшие открытия в естественных науках (клеточное строение живых организмов, закон сохранения и превращения энергии, учение Дарвина), теоретические источники (немецкая классическая философия, английская политическая экономия, французский утопический социализм) давали огромный материал для их философского обобщения.

Во-вторых, гносеологический аспект, т. е. деятельность личности, которая вступает в противоборство с устаревшими, но господствующими в общественном сознании мировоззрен-

* Васильев Вячеслав Александрович, e-mail: hrof.Vasiliev@ro.ru

ческими доктринами и выдвигает прогрессивные социально-философские идеи. Данное методологическое требование подтверждается творческой эволюцией взглядов К. Маркса.

Натура Маркса романтическая, духовно одаренная, со своими переживаниями, интересами, удачами и поражениями. Ничто человеческое, как он сам говорил, ему не было чуждо. Молодым человеком пробует себя на литературном поприще, пишет драмы «Оуланен», «Скорпион и Феликс», трагедию «Суланен», стихи «Неистовые песни», в которых чувствуется образ самого автора, готового к подвигам:

*Не могу я жить в покое, если вся душа в огне,
Не могу я жить без боя и без бури, в полусне.
Так давайте в многотрудный и в далёкий путь пойдём,
Чтоб не жить нам жизнью скудной – в прозябании пустом.
Под ярмом постыдной лени не влачить нам жалкий век.
В дерзновенье и в стремленье полновластен человек.*

Маркс посвящает лирические стихи своей невесте Женни фон-Вестфален – девушке умной, образованной, первой красавицы Трира, которая станет его женой. Её родители имели широкие связи в высших кругах общества, старший брат занимал пост министра внутренних дел Пруссии (1850-1858 гг.). Маркс, получив юридическое образование, мог сделать прекрасную карьеру, жил бы в спокойствии и материальном достатке, но избрал путь борца за дело рабочего класса. Вместе с женой они пройдут жизненный путь во взаимной любви. Однако в их судьбе было и много драматизма, скитаний, были потери детей, средств к существованию. Преданный друг семьи Ф. Энгельс часто оказывал им финансовую помощь.

В юности Маркс готовился стать, как и его отец адвокатом. Окончив гимназию, он поступил в университет, сначала в Бонне, а затем в Берлине, где слушал курс юридических и финансовых наук, но больше всего его увлекали философия и история. В тот период гегелевская философия поддерживалась правительственными чиновниками, её преподавали в университетах и Маркс формировался в значительной степени под влиянием работ государственного философа. Учение Гегеля было внутренне противоречиво, что делало возможным использовать эту противоречивость различными группировками в политической и идеологической борьбе. «Правые гегельянцы» опирались

на консервативные идеи, которые оправдывали монархию. «Левые гегельянцы», в число которых входил Маркс, были решительными радикалами в политике и вольнодумцами в религии, не принимали гегелевский консерватизм, но усматривали в его диалектике принцип исторического развития.

Вопреки воле отца Маркс не желал быть адвокатом и готовил себя к профессорской деятельности. Но, обучаясь в университете, он наблюдал политическую и духовную цензуру, преследование преподавателей за их либерально-демократические, критические по отношению к религии и государству взгляды. Для получения диплома об окончании университета (1841 г.) Маркс представил рукопись на тему «Отличие натурфилософии Демокрита от натурфилософии Эпикура». Находясь ещё под влиянием гегелевской философии, он считал, что изучение атомарного материализма позволяет глубже понять историю греческой философии. В учении Эпикура им выделяется самопроизвольное отклонение атомов как показатель принципа самодвижения, который в переносе на человеческую деятельность проецирует связь необходимости и свободы.

В том же году выходит в свет работа Л. Фейербаха «Сущность христианства», в ней с позиции материалистической философии Бог предстаёт как фантастическое отражение человеческой сущности. В условиях прусского государства поставить под сомнение божественное происхождение религии, которая выступала духовной основой монархии, означало критику политики. Книга оказала позитивное влияние на мировоззрение Маркса. Он приветствовал материалистическую позицию Фейербаха, которая усилила его сомнение в истинности гегелевской философии, непосредственно связанной с религией. И в то же время Маркс осознаёт созерцательный характер материализма Фейербаха, отсутствие связи его учения с общественной практикой. Данная оценка содержится в «Тезисах о Фейербахе» (1845 г.), один из которых звучит так: «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его»¹.

Особое значение в творческой эволюции взглядов Маркса имеет его работа в «Рейнской газете» (1842-1843 гг.). В ней Маркс публикует статьи о свободе печати, о бедст-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 1.

венном положении крестьян-виноделов, о краже леса и др. В Германии усиливалась борьба между капиталистическим укладом и остатками феодального общинного землевладения. Суды были завалены уголовными делами о незаконном захвате земельных угодий, о нарушении неприкосновенности лесов. К Марксу как редактору газеты приходили крестьяне с жалобами на то, что они собирают в лесу хворост, чтобы обогреть свою хижину, но за подобное деяние их штрафуют или сажают в тюрьму. Маркс ещё с позиций гегелевского рационализма, в котором государство являлось воплощением разумной, нравственной идеи, образно раскрывает соотношение бедности и богатства. Дерево с его крепкими корнями принадлежит богатому, а бедняк инстинктивно тянется к обломанным сучьям как милостыне природы. Поэтому «как не подобает богатым претендовать на милостыню, раздаваемую на улице, точно так же не подобает им претендовать на эту *милостыню природы*. В *самой своей деятельности* беднота обретает свое право»¹.

Однако то, что утверждается в гегелевской философии права относительно прусской монархии как воплощения разума, замечает Маркс, не соответствует действительности. Крестьянин, обеспечивая себя хворостом, одновременно очищает лес и нарушает закон. Следовательно, юридические законы выражают не всеобщий интерес, а интересы собственника. Маркс ещё с чисто идеологических, нравственных позиций выступил с резкой критикой в защиту политически и социально обездоленных бедняков. Газета, являясь либерально-буржуазным органом, постепенно наполнялась революционно-демократическим содержанием. Прусское правительство поставило вопрос о её закрытии, и Маркс вынужден был покинуть редакцию. Потеряв работу, он эмигрировал во Францию, которая ещё сохраняла свои революционные традиции.

Реалии жизни, выступления рабочих за свои права подвели Маркса к пересмотру философско-мировоззренческих убеждений, направляли его интерес к более глубокому исследованию социально-экономических проблем. В 1844 г. под редакцией К. Маркса и А. Руге в Париже стал издаваться общественно-политический журнал «Немецко-французский ежегодник», который нелегально переправлялся в

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т.1, с. 130.

Германию. Из-за политической цензуры удалось издать только один номер. В нём Маркс опубликовал статью «К еврейскому вопросу» – об эмансипации евреев, лишенных в Германии политических прав. Некоторые его идейные товарищи считали, что человек должен принести в жертву «привилегию веры», чтобы иметь возможность получить всеобщие права человека. Так, например, поступил в своё время отец Маркса, приняв протестантизм. Для Маркса свобода выбора религии – это личное дело каждого гражданина и государство не должно влиять на его решение. Поэтому освобождение от идеологической цензуры и политического гнёта возможно только в результате буржуазной революции¹. Подобные идеологические призывы Маркс развивает в работе «Введение в критику гегелевской философии права». В ней рассматриваются отношения между частной собственностью, государством и гражданским обществом, демократией и конституционной монархией. Он пишет о всемирно-историческом назначении пролетариата, о роли революционной теории в преобразовании общества: «Оружие критики не может, конечно, заменить критики оружием, материальная сила должна быть опрокинута материальной же силой; но и теория становится материальной силой, как только она овладевает массами»².

Маркс окончательно порывает с абстрактной, оторванной от жизни гегелевской философией, переходит на позиции материализма, признав девиз: нужно исходить из «логики дела», а не из «дела логики». Он переоценивает назначение философии. Её роль не ограничивается познанием мира, а должна служить делу его преобразования с позиций рабочего класса. «Подобно тому, как философия находит в пролетариате своё *материальное* оружие, так и пролетариат находит в философии свое *духовное* оружие»³. Отныне Маркс действует как революционер-социалист, идеолог пролетариата.

Увлечённо занимаясь социальными интересами, экономикой, Маркс в «Экономическо-философских рукописях» (1844 г.) поднимает проблему отчуждения. В отличие от Гегеля, для которого отчуждение определяется мировым ду-

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 399.

² Там же, с. 422.

³ Там же, с. 428.

хом, процессом самопознания в соответствии с тождеством бытия и мышления, Маркс увязывает его с общественным разделением труда, с частной формой собственности. Созданный производителем товар отчуждается от него, становится самостоятельной силой, порой делающей человека зависимым от им же созданного продукта. Маркс выводит отчуждение из отношения рабочего к своему труду, который является общественным отношением.

Радикально новым в творческой эволюции Маркса становится разработка философско-диалектической методологии и использование ее при исследовании общественных отношений. Маркс погружается в критическое изучение работ социалистов-утопистов (А. Сен-Симон, Ш. Фурье, Р. Оуэн), экономистов-классиков (Д. Рикардо, А. Смит), в результате которого появляется начальное обоснование социализма, сущности и структуры экономических отношений. Эти разработки затем найдут своё воплощение в «Капитале».

В 1844 г. состоялась встреча К. Маркса с Ф. Энгельсом, который был ему известен как автор работы «Положение рабочего класса в Англии» и дружба с которым продолжалась до кончины Маркса. Показательна переписка друзей-единомышленников с сентября 1844 г. по 10 января 1883 г., она содержит 1386 писем. Это ценный материал о творческом сотрудничестве великих ученых. Совместно с Энгельсом пишутся работы «Святое семейство» (1845 г.), «Немецкая идеология» (1845-1846 гг.). В них показывается несостоятельность идеалистических воззрений на движущие силы человеческой истории, которые якобы определяются юридическими законами, сменой форм общественного сознания (религией, моралью). В противоположность подобным воззрениям выдвигается материалистическое понимание истории: не сознание определяет общественное бытие, а общественное бытие определяет общественное сознание. Человеческая история предстаёт не в виде абстрактных логических категорий, а как деятельность преследующего свои цели человека. Государство определяется экономическим строем и само оказывает воздействие на общественную жизнь¹.

В 1847 г. выходит книга «Нищета философии» – реакция на работу П. Прудона «Философия нищеты», в которой

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 102.

содержится претензия на новое слово в экономике, философии с позиций мелкого буржуа. Poleмика с Прудоном имела важное философско-методологическое, социально-политическое значение, ибо в Европе возрастало забастовочное движение рабочих, на которых идеология прудонизма оказывала своё влияние. Маркс подвергает жёсткой аргументированной критике мелкобуржуазные идеи Прудона. Критическая аргументация осуществляется на основе впервые разработанной научно-мировоззренческой системы с опорой на диалектику, с выявлением важнейших положений материалистического понимания истории. Философская позиция Маркса и Энгельса неразрывно связывалась с интересами пролетариата, в деятельности которого они принимали самое активное участие. Будучи членами общества «Союз коммунистов», они написали «Манифест Коммунистической партии», революционность которого начиналась словами: «Призрак бродит по Европе. Призрак коммунизма». Это была стратегическая программа объединения международного пролетариата для решения задач преобразования общественных отношений.

В Германии происходит буржуазная революция, и Маркс в 1848-1849 г. активно работает в «Новой рейнской газете», которая стала по своему содержанию революционно-демократической, массовой. Информация стекалась из различных стран, что делало газету политической трибуной европейского пролетариата. Совместно с Энгельсом было написано и опубликовано около 200 статей, заметок, посвященных важным политико-социальным проблемам. В одной из них Маркс предпринял яростную атаку против прусского монарха Фридриха-Вильгельма IV, характеризуя его как человека мстительного и жестокого, предателя национальных интересов. Против подобных тиранов, утверждал Маркс, пролетариат обрушит свой революционный гнев.

На страницах газеты впервые увидела свет работа Маркса «Наемный труд и капитал», в основу которой были положены лекции, прочитанные в декабре 1847 г. в Немецком рабочем обществе в Брюсселе. Она помогала классовому воспитанию пролетариата, давала экономически обоснованное теоретическое оружие в его справедливой борьбе, способствовала пропаганде идей научного социализма, служила идеологической основой международного объединения рабочих. После победы контрреволюции Маркс подвергся

судебному преследованию за призывы к вооруженному сопротивлению правительству, но был оправдан. Затем он эмигрировал в Англию, где жил до своей кончины.

Пролетарские идеи всё в большей степени овладевают Марксом. Он пристально изучает социальную структуру, анализирует классовые отношения, назначение классовой борьбы пролетариата. Следует отметить, что в общественном сознании сложилось мнение, что учение о классовой борьбе создано Марксом. Данное утверждение не совсем справедливо. Заслуга в обосновании борьбы классов как движущей силы человеческой истории принадлежит французским историографам Ф. Минье, О. Тьерри, Ф. Гизо. Что касается Маркса, то им были творчески развиты следующие важные положения: происхождение классов определяется не имущественным неравенством, а общественным разделением труда. Классовая борьба не заканчивается победой буржуазии, а доводится до диктатуры пролетариата, которая в свою очередь создает условия для отмирания всяких классов¹.

Новый этап творческого развития личности Маркса проявился в научно обоснованном видении материалистического понимания истории, которое содержится в работе «К критике политической экономии. Предисловие» (1859 г.): «В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения – производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще... На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или – что является только юридическим выражением последних – с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 427.

развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции... Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые более высокие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в недрах самого старого общества... Буржуазные производственные отношения являются последней антагонистической формой общественного процесса производства, антагонистической не в смысле индивидуального антагонизма, а в смысле антагонизма, вырастающего из общественных условий жизни индивидуумов; но развивающиеся в недрах буржуазного общества производительные силы создают вместе с тем материальные условия для разрешения этого антагонизма. Поэтому буржуазной общественной формацией завершается предыстория человеческого общества»¹.

В период оживления европейского демократического движения Маркс вновь погружается в практическую общественную деятельность, ставя задачу объединить международное рабочее движение вооружив его революционной теорией. Маркс принимает активное участие в создании I Интернационала (сентябрь 1864 г.). Он отдавал все свои силы делу Интернационала, что имело лично для него то печальное последствие, что вызвало задержку в работе для заработка и усилило прежнюю нужду².

В 1867 г. в Гамбурге публикуется первый том главного труда Маркса «Капитал», последующие тома будут изданы Энгельсом после смерти Маркса. В «Капитале» обосновывается сущность капиталистического производства, которая состоит в получении прибавочной стоимости. Увеличение прибавочной стоимости становится возможным при удлинении рабочего дня, что приводит к борьбе наёмных рабочих за его сокращение, или в результате употребления части прибавочной стоимости не на причуды капиталиста, а на совершенствование производства. Накопление капитала ускоряет вытеснение рабочих машинным производством, создавая два противоположных социальных полюса: на

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 13, с. 6-8.

² См.: Мering Ф. Карл Маркс. Его жизнь и деятельность. М., 1934, с. 286.

одном скапливается богатство, на другом – нищета. «Централизация средств производства и обобществление труда достигают такого пункта, когда они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой. Она взрывается. Бьёт час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют»¹. Из экономических законов капиталистического производства делается вывод о замене его социализмом.

Учение Маркса о прибавочной стоимости – объективная основа капиталистической экономики, которая создаёт огромное социальное неравенство. Так, согласно журналу «Forbes» в 2018 г. совокупное состояние 102 российских бизнесменов оценивается в 410,8 млрд. долл. При том, что примерно 15% населения живёт за чертой бедности. В наиболее обеспеченных странах правительство стремится не допускать чрезмерной социальной дифференциации. Постоянно происходит информационная агитация о «классовом мире», реформаторская «подкормка» социальных слоёв, чтобы не допустить открытых политических выступлений, а если подобные происходят, то их жестоко подавляют.

О защите интересов экономически господствующего класса государственной машиной предупреждал ещё Маркс, анализируя гражданскую войну во Франции и опыт Парижской коммуны. Для защиты страны от прусского агрессора можно было вооружить рабочих, научив их военному искусству на самой войне. Но вооружить Париж значило поддержать революцию, что привело бы к победе рабочего над французским капиталистом. «Вынужденное выбирать между национальным долгом и классовыми интересами, правительство национальной обороны не колебалось ни минуты – оно превратилось в правительство национальной измены»². Оно объединилось с противником, чтобы совместно подавить восставших коммунаров.

Творчески анализируя революционные ситуации, Маркс и Энгельс предостерегали от такого развития событий, когда к власти могут прийти представители класса, для господства которого еще не созрели объективные условия. «Самым худшим из всего, что может предстать вождю крайней партии, является вынужденная необходимость

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 773.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 17, с. 321-322.

обладать властью в то время, когда движение еще недостаточно созрело для господства представляемого им класса и для проведения мер, обеспечивающих это господство»¹. Тогда выдвигаемая от имени этого класса политическая доктрина, не имея под собой реальной социально-экономической основы, обречена на поражение.

Когда произошло восстание граждан Парижа, Маркс понимал его обречённость на поражение, но приветствовал дерзновенную смелость Коммуны. Её члены были выбраны на основе всеобщего избирательного права. Они, как и все чиновники, были ответственны и в любое время сменяемы. Не только городское управление, но и вся инициатива, принадлежавшая доселе государству, перешла к Коммуне. Её первым декретом было уничтожение постоянного войска и замена его вооруженным народом. Начиная с членов Коммуны, сверху донизу, общественная служба должна была исполняться за *заработную плату рабочего*². Всякие привилегии высшим государственным чинам упразднились. Коммуна сделала правдой лозунг всех буржуазных революций – дешевое правительство. Были уничтожены две самые крупные статьи расходов: на постоянную армию и на чиновничество. Все учебные заведения стали бесплатными для народа и независимыми от церкви. Судейские чины, как и прочие должностные лица, должны были впредь избираться открыто, быть ответственными и сменяемыми. Принятые коммунарами декреты говорят о сломе буржуазной государственной машины и построении диктатуры пролетариата. Творчески проанализировав причины поражения Парижской коммуны, Маркс делает вывод о невозможности победы социалистической революции в отдельно взятой стране. Эта победа может быть достигнута только в результате одновременного осуществления революции во многих наиболее развитых в промышленном отношении капиталистических странах.

Творческий подход Маркса к возможной перспективе коренного изменения буржуазного уклада проявился в «Критике Готской программы» (1875 г.). В ней развивается учение о социалистической революции, о союзе рабочего класса с другими слоями трудящихся, о роли государства

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 7, с. 422-423.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 17, с. 342.

после взятия пролетариатом политической власти. «Между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного превращения первого во второе. Этому периоду соответствует и политический переходный период, и государство этого периода не может быть ничем иным, кроме как *революционной диктатурой пролетариата*»¹. Маркс формулирует две стадии становления коммунистической формации. На первой – общество только начинает выходить из капитализма и поэтому сохраняет ещё родимые пятна старого уклада. На второй стадии раскрываются основные черты коммунизма: «исчезнет порабощающее человека подчинение его разделению труда; когда труд перестанет быть только средством для жизни, а станет сам первой потребностью жизни; когда вместе с всесторонним развитием индивидов вырастут и производительные силы и все источники общественного богатства польются Полным потоком, лишь тогда... общество сможет написать на своём знамени: Каждый по способностям, каждому по потребностям!»².

Маркс прошёл сложный путь в своём творчестве как философ, экономист, революционер. Своим студенческим увлечением философией он был обязан гегелевскому учению, но вскоре осознал его консервативно-государственную пристрастность. С появлением антропологического материализма Л. Фейербаха Маркс становится активным сторонником его учения и в то же время позитивным критиком, усматривая недостаточно последовательное проведение материалистической философской линии до понимания человека и общества. Маркс творчески относился к философским, экономическим парадигмам своего времени и обогащал научную методологию, которая позволяла ему выявить сущность капиталистического производства, обосновать историческую необходимость коммунистической формации. Он соединял свои мировоззренческие убеждения с практикой общественных отношений, посвящая себя как учёного великому делу – служению рабочему классу.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 27.

² Там же, с. 20.

Васильев В.А. Творческая эволюция взглядов К. Маркса (к 200-летию со дня рождения). В статье анализируется творческая эволюция взглядов Маркса, его критическое отношение к философии Гегеля и Фейербаха. Маркс создает материалистическое понимание истории и пролетарскую идеологию, новый диалектический метод. Он применяется к исследованию классовой борьбы, сущности капитализма и построению коммунистической формации.

Ключевые слова: К. Маркс, творчество, философия, экономика, классы, капитализм.

Vasiliev V.A. The creative evolution of Marx's ideas (to 200 hundred years since birthday). In this article we analyze the creative evolution of Marx's ideas, his critical attitude to philosophic concepts of Hegel and Feuerbach. Marx creates materialistic comprehension of the History and proletarian ideology, a new dialectical method. This method is applied in research of class struggle, essence of capitalism and in development of communistic formation.

Keywords: K. Marx, creation, philosophy, economics, class, capitalism.

Ю.Г. ЖЕГЛОВА
*кандидат политических наук, заведующая
кафедрой связей с общественностью
Института международных отношений
и социально-политических наук ФГБОУ ВО
«Московский государственный
лингвистический университет»**

Проблемы формирования внешнеполитического имиджа Российской Федерации

Очевидно, что организационные и финансовые усилия, предпринимаемые для формирования внешнеполитического имиджа России за рубежом, не только не приносят ожидаемых результатов, но должны быть охарактеризованы как деятельность с отрицательным результатом. Иллюстрацией могут служить данные американского исследовательского центра Pew на август 2017 г., согласно которым (охвачено 37 стран из различных регионов мира) благоприятно относятся к России (медианное значение) 34% респондентов, в том числе 34% – в Африке и в Латинской Америке, 37% – в АТР, 35% – на Ближнем Востоке, 27% – в Европе и 29% – в США¹.

Объективные причины формирования именно такой ситуации можно систематизировать, сведя в четыре группы. Первая и самая главная связана с тем, что до сих пор нет консенсуса по поводу того, какой именно имидж в сознании мировой общественности необходимо формировать, какие при этом иметь в виду показатели и составляющие, какие выбирать каналы коммуникации и в целом – какова сверхзадача этой работы.

В дискурсе сосуществуют несколько наиболее часто используемых формулировок для обозначения имплицитно понимаемого феномена: имидж государства, имидж страны

* Жеглова Юлия Генриховна, e-mail: yzheglova@yandex.ru

¹ Publics Worldwide Unfavorable Toward Putin, Russia. [Электронный ресурс]: 2017. – 16 августа. – URL: <http://www.pewglobal.org/2017/08/16/publics-worldwide-unfavorable-toward-putin-russia/>

(страновой имидж), внешнеполитический имидж, внешний имидж, политический имидж, международный имидж. Понятия имидж государства, имидж страны (страновой имидж), внешний имидж, политический имидж, международный имидж, подразумевая и внешнеполитический аспект, на нем не концентрируются. При этом внешний имидж очевидно противопоставляется внутреннему, включает имидж внешнеполитический, но внешней политикой как сферой проявления не ограничивается. Термин «имидж государства» вне контекста не дает возможности определить, идет ли речь о внутри- или внешнеполитическом имидже или даже об имидже экологическом, экономическом, туристическом или, скажем, спортивном. Термин «политический имидж» не содержит отсылки к сфере именно внешней политики и чаще трактуется как имидж именно внутриполитический. Что касается термина «международный имидж», то он представляется наиболее близким к значению, содержащемуся в термине «внешнеполитический имидж», но не таким строгим, поскольку дает возможность, в частности, подразумевать представление иностранцев о стране в целом, а не в сфере внешнеполитической деятельности.

Исходя из очевидной необходимости уточнения понятия именно внешнеполитического имиджа государства, можно предложить его следующее понимание: это стереотипизированный, когнитивно-эмоциональный, инструментальный и виртуальный образ государства в связи с его внешнеполитической деятельностью в сознании информированной зарубежной общественности, профессионалов в сфере внешней политики, политиков, государственных чиновников и в целом людей и групп, разрабатывающих и принимающих внешнеполитические решения в других странах и в международных организациях.

Как видно из предлагаемого определения внешнеполитического имиджа государства, он имеет особый субъект (государство в процессе внешнеполитической деятельности), функционирует в особой среде (международные отношения) и имеет особый объект (сознание интересующейся внешней политикой общественности, представителей профессионального политологического и экспертного сообщества, чиновников внешнеполитических ведомств и структур безопасности, политических и государственных деятелей).

Из понимания особенностей субъекта, среды функционирования, объекта внешнеполитического имиджа государства и диалектики его взаимоотношений с другими государственными имиджами вытекает понимание его функций. Первая и основная состоит в том, чтобы выступать в роли средства облегчения осуществления внешней политики. Вторая функция проявляется в том, чтобы по возможности дополнять усилия по созданию необходимого имиджа, предпринимаемые государством и по другим направлениям.

Говоря о составляющих внешнеполитического имиджа, мы бы предложили определять их как базисные, т. е. необходимые и достаточные, и надстроечные (необходимые, но недостаточные). К базисным при таком подходе следовало бы отнести:

- представление о реальной внешней политике;
- имидж главы внешнеполитического ведомства, дипломатов, сотрудников диппредставительств;
- экономическую мощь (доля в мировом ВВП, структура экономики, темпы роста экономики, объем и структура экспорта, уровень жизни населения) и представление о составляющих ее элементах;
- военную мощь и оценку ее направленности.

Соответственно в надстроечную группу мы включаем такие элементы, как:

- имидж главы государства, ведущих государственных деятелей и политиков;
- понимание формулировки национальных интересов;
- восприятие национальной идеи;
- интерпретация ценностей;
- отношение к государственному устройству и политической системе;
- оценка уровня развития технологий, науки, здравоохранения, культуры, спорта и т.п.

Такая расстановка приоритетов отражает специфику внешнеполитического имиджа и позволяет сконцентрироваться на действительно важных для его формирования аспектах. В предлагаемой иерархии, например, представляется органичным резервирование за экономической мощью только третьего места. Тем более, что введение санкционного режима против РФ показало, что хотя Запад имел к тому времени колоссальные по объемам уже

сделанных и планировавшихся инвестиций бизнес-интересы в России, власти там наступили на горло собственной экономике ради групповых политических интересов. Например, по данным Австрийского института экономических исследований, антироссийские санкции обошлись странам Евросоюза более чем в 30 млрд. евро с 2014 г. По оценке ООН, санкции против России обходятся экономике Евросоюза в 3,2 млрд. долл. в месяц¹. И это можно трактовать как демонстрацию слабости в определенных обстоятельствах фактора экономической мощи.

Принципиально важным представляется именно перцептивный характер формулировок составляющих элементов внешнеполитического имиджа. Он подчеркивает то, что суть имиджевой работы составляет донесение до сознания объектов внешнеполитического имиджа не просто информации, например, о реальной внешней политике РФ, а информации, сформулированной и доставленной до адресата так, чтобы обеспечить ее адекватное восприятие, по возможности минимально искаженное текущей конъюнктурой и стереотипами. Без этого будет повторяться текущая ситуация, в рамках которой сведения о нашей реальной внешней политике интерпретируются с точностью до наоборот.

Переходя к надстроечной группе составляющих внешнеполитического имиджа, отметим в ней прописанное отдельной строкой восприятие национальной идеи. В случае национальной идеи перцептивный характер формулировки представляется особенно важным. Нам близка в этом отношении точка зрения А. Смирнова, отмечающего, что «почти повсеместно распространено убеждение, что внешний имидж страны, в том виде как он представляется ее гражданам и властным структурам, является «слепком» с национальной идеи. Такая трактовка имеет под собой определенные основания. (...) Однако допустимо ли говорить о полной тождественности одного другому, если национальная идея, в силу присущих ей качеств и глубинной метафизической сущности, подчас недоступна пониманию людей иной культуры, а имидж, наоборот, всегда служит знакомству с внешней

¹ Раскрыты потери ЕС от санкций против России. 6 октября 2017 г. [Электронный ресурс]: – URL: <https://lenta.ru/news/2017/10/06/eusanction/>

стороной явления»¹. То же можно сказать о ценностях. Например, универсальная ценность человеческой жизни интерпретируется по-разному, и организация при содействии российского Центра по примирению сторон в Сирии гуманитарного коридора для выхода мирного населения из Восточной Гуты Западом игнорировалась.

В этих условиях необходимость корректного формулирования сути и типа формируемого имиджа, уточнения его структуры становится актуальной как никогда прежде, поскольку только на этой основе представляется возможным определить адекватную цель имиджевой работы, провести тонкую настройку соответствующих технологий и селекцию целевых аудиторий.

Вторая группа объективных причин несоответствия работы по формированию внешнеполитического имиджа РФ задачам поддержки и обеспечения внешнеполитического курса нашей страны связана с тем, что имеет место недооценка изменений в целом коммуникативного контекста внешнеполитической деятельности РФ в условиях информационного общества, для которого характерно развертывание в коммуникационной сфере конвергентных процессов. Вполне справедливым представляется в этой связи наблюдение Ш.Г. Сеидова: «Информационные процессы в глобальном масштабе приводят к тому, что информационное пространство все больше наполняется политическим содержанием, а в политическом – интенсивность внешнеполитических взаимодействий усиливается благодаря проникновению информационных и коммуникационных технологий во все сферы жизни государства»².

Именно такое развитие событий наблюдалось, например, в развитии допингового скандала и провокационной ситуации со Скрипачами. Эти и другие гибридные, т. е. одновременно внешнеполитические и информационные прецеденты обращают на себя внимание как свидетельства в пользу концепции американцев Д.Ж. Аркиллы и Д.

¹ Смирнов А.Н. Имидж и национальная идея // Национальные интересы и имидж России: Сб. статей / Институт мировой экономики и международных отношений РАН; Отв. ред. Э. Г. Соловьев. М., 2006, с. 17.

² Сеидов Ш.Г. Информационные процессы и их значение в политической жизни. [Электронный ресурс]: // НИЦ «Социосфера», 2011. – URL: http://sociosphaera.com/publication/conference/2011/118/informacionnyye_procesy_i_ih_znachenie_v_politicheskoy_zhizni/

Ронфельдта, введших в конце XX в. понятие «noopolitik» в противовес понятию «realpolitik»¹.

Нельзя игнорировать изменения, происходящие в условиях информационного общества в глобальной медиасфере: размывание самого понятия средства массовой информации, формирование понятия медийного ресурса, включающего уже и мессенджеры, и поисковики, концентрацию медийных ресурсов и связанный с этим рост ангажированности, новые схемы монетизации и распространения контента, ужесточение регулирования глобальной медиасферы, практически распад западной школы журналистики, снижение профессиональных стандартов, снижение уровня образования некоторых целевых аудиторий.

Третья группа причин недоразработанности имиджевой стратегии в РФ и ее неэффективности связана с выбором методологии. На Западе и отчасти в России во внешнеполитических коммуникациях продвигается маркетинговый подход. Он апробировался в течение многих лет, но не принес с точки зрения формирования внешнеполитического имиджа РФ искомым результатов. Практика показывает, что брендинг и другие маркетинговые технологии во внешнеполитических коммуникациях могут быть результативны при отсутствии разногласий, противоречий, конфронтации. Но Россия существует и в ближайшие 20-30 лет будет существовать в условиях информационного саботажа со стороны Запада, при которых маркетинговые технологии в принципе обречены на нулевую эффективность.

Наконец, четвертая группа причин связана, на наш взгляд, с дефицитом стратегии имиджевой работы в интересах информационного обеспечения внешней политики РФ с самого момента ее появления как нового независимого актора международных отношений. В апреле 1993 г. бывший тогда Президентом России Б.Н. Ельцин утвердил «Основные положения концепции внешней политики Российской Федерации», но этот документ вообще не затрагивал внешнеполитическую информационно-коммуникационную деятельность. Более того, в то время произошла дефрагментация механизма формирования внешнеполити-

¹ См.: *Arquilla J., Ronfeldt D.* [Электронный ресурс]: The Emergence of Noopolitik. Toward An American Information Strategy. Rand Corp., 1999. – URL: https://www.rand.org/pubs/monograph_reports/MR1033.html.

ческого имиджа Российской Федерации в глобальном информационно-политическом пространстве.

Гораздо более адекватное и реалистичное понимание стратегических приоритетов внешней политики сформировалось позднее, в очередной Концепции внешней политики Российской Федерации от 2000 г. В целом в 2000-2008 гг. формирование образа России за рубежом все-таки было выведено на уровень государственных задач. В Концепции внешней политики Российской Федерации, утвержденной Президентом России В.В. Путиным в 2013 г., ставились более развернутые и систематизированные задачи¹, а в Концепции внешней политики Российской Федерации от 2016 г. соответствующий раздел выглядит еще более полно². Однако и по сей день комплексная работа по реализации излагаемых в доктринальных документах концептуальных подходов не ведется, хотя и становится все более необходимой.

Жеглова Ю.Г. Проблемы формирования внешнеполитического имиджа Российской Федерации. В условиях информационного саботажа со стороны Запада необходимо уточнить понятие внешнеполитического имиджа страны и на этой основе переоценить его структуру, цели и технологии имиджевой работы в интересах РФ.

Ключевые слова: имидж, внешнеполитический имидж, международные отношения, внешняя политика.

Zheglova Yu. Gh. Problems of Shaping International Image of Russian Federation. Under the conditions of information sabotage on behalf of the West it's necessary to streamline the very notion of international image of a state and to revise its structure, as well as goals and techniques of image shaping in the interests of Russian Federation.

Keywords: image, international image, international relations, foreign policy.

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 12 февраля 2013 г.). [Электронный ресурс]: 2013. – 18 февраля. – URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptlCkB6BZ29/content/id/122186

² Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 30 ноября 2016 г.). [Электронный ресурс]: 2016. – 1 декабря. – URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248

Г.Д. ЧЕСНОКОВ
*доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры философии и
социально-гуманитарных наук
Московского городского педагогического
университета**

Материалистическое понимание истории и критика «наших критиков»

Материалистическая концепция истории впервые появилась в середине 40-х гг. XIX в. первоначально в качестве научной гипотезы. Ее появлению способствовало то обстоятельство, что прежний взгляд на историю строился на убеждении философов, что главным фактором общественного развития могут выступать новые общественные взгляды и идеи. Такая позиция философов, казавшаяся поначалу вполне убедительной, наткнулась на одно серьезное препятствие, когда вставал вопрос: откуда могли появиться в обществе эти **новые** взгляды и идеи? В самом деле вопрос об источнике возникновения **новых** идей, рассматриваемый с позиции идеализма, повисал в воздухе. Идеалистам приходилось одни идеи (философские, религиозные) объяснять другими, к примеру правовыми, нравственными, но найти выход из этого порочного по существу круга не удавалось. Приходилось апеллировать то к Богу, то к какой-то еще высшей духовной реальности (наподобие Абсолютной Идеи), но проблема от этого не становилась понятнее. Материалист Фейербах попытался решить ее, обратившись к человеку, но, к сожалению, фейербаховский человек на деле оказался не реальным, живым индивидом, а пустой абстракцией, каковая существует разве что в голове философа, но никак не в реальной жизни.

Словом, Фейербах тоже не сумел вырваться из привычного мира философских абстракций. Чтобы этого добиться, требовалось правильно ответить на вопрос, что же чему в дейст-

* Чесноков Григорий Дмитриевич, e-mail: greche@mail.ru

вительности предшествует: человек обществу или, наоборот, общество человеку. По Фейербаху выходило, что если природа общества будет в полной мере соответствовать природе человека, то между человеком и обществом установится полная гармония. Но жизнь на каждом шагу показывала, что подобной гармонии в ней фактически нет. Социалисты-утописты, а также французские историки эпохи реставрации нашли объяснение указанному факту в том, что не все люди владеют собственностью. Напомним, что Гегель признавал личностями только тех индивидов, которые, живя в обществе, обладали одновременно некоторой собственностью.

Таким образом, социалистами-утопистами был сделан вывод, что восстановить утраченное в результате появления частной собственности единство общества и личности следует справедливым перераспределением всех имеющихся в обществе общественных богатств. Выходило, что изменить природу человека нельзя иначе, как только предварительно устранив возникшее в обществе социально-экономическое неравенство.

Обратив внимание на то, что общества без производства нигде и никогда не существовало, К. Маркс и Ф. Энгельс выдвинули **гипотезу** об определяющей роли общественного производства в развитии общества как некую рабочую гипотезу, требующую дополнительной проверки историческими фактами.

К. Маркс, осознав, что абстрактного общества в природе не существует, решил проверить свою рабочую гипотезу об определяющей роли общественного производства в жизни людей на примере современного ему буржуазного общества. Анализ появления буржуазного общества, проведенный К. Марксом в «Капитале», наглядно показал, что капитализм появился в результате предварительного разложения средневековых общественных порядков и замены их отношениями купли и продажи.

Таким образом, научная, коль скоро она правильно объясняла вопрос о причинах непрерывного развития общества, марксова гипотеза превратилась с написанием «Капитала» в научно обоснованную им теорию, подтвердившую с помощью фактов и естественность замены феодализма капитализмом, но одновременно с этим и исторически преходящий характер утвердившегося буржуазного общества, порождающего непрерывные противоречия

в собственном способе производства, которые данное общество собственными силами неспособно устранить.

Можно ли сегодня, спустя 135 лет после смерти К. Маркса, уверенно говорить о том, что его материалистическая концепция истории успешно выдержала испытание временем?

Критиков марксовской концепции истории оказалось, как мы все знаем, предостаточно и при жизни философа, и число их едва ли заметно сократится до тех пор, пока существует капитализм. Мы, тем не менее, абсолютно уверены, что никому из прежних и нынешних критиков К. Маркса так и не удалось за более чем полтора столетия существования материалистической концепции истории доказать, будто все прошедшее время история двигалась не по Марксу.

В самом деле, главный аргумент, обычно выдвигаемый его оппонентами, тот, что капитализм вопреки прогнозу автора «Капитала» так и не ушел в свое небытие. Это действительно так, но того, что капитализм середины XIX в., который тщательно исследовал Маркс, не только не укрепил в последующем своих позиций в мире, но по окончании Второй мировой войны реально лишился возможности оказывать определяющее воздействие на ход мировой истории, безусловно опровергнуть нельзя. Наши оппоненты, конечно, могут нам в свою очередь возражать, что в 1991 г. исчез с географической карты мира Советский Союз и что данный факт указывает на несомненную жизнеспособность капиталистического способа производства, но нас такой аргумент сторонников капитализма не убеждает. Во-первых, прекращение существования СССР никоим образом не перечеркивает всех тех завоеваний, которые наша страна успела достигнуть за более чем 70 лет существования Советского государства. Ядерная мощь России и сегодня, когда НАТО вплотную приблизилась к нашим границам, не уступает совокупной ядерной мощи США и их союзников. Западу не удалось победить военным путем Северную Корею, Вьетнам, Кубу. Ведущей экономикой мира на сегодняшний день являются уже не США, а Китай. Но главное даже не в этом. Советский Союз в 1991 г. **предала** наша собственная переродившаяся к тому времени элита. Другими словами, главную роль в исчезновении СССР сыграл субъективный фактор. При относительном равновесии сил на мировой арене такое вполне возможно.

Я не раз высказывался по поводу причин распада СССР, но хочу вновь повторить: к 1991 г. в Советском Союзе практически уже не было Коммунистической партии, стоящей на идеологической платформе марксизма. Это то, что касается конкретных исторических фактов о якобы очевидной победе капитализма над социализмом в конце XX в. А теперь по поводу теоретических «опровержений» марксовской материалистической **теории** исторического развития.

Первые опровергатели учения К. Маркса появились в Западной Европе на рубеже XIX-XX вв. Это, надо заметить, были отнюдь не буржуазные профессора, которым просто «по штату» положено заниматься подобного рода деятельностью, щедро оплачиваемой капиталом. То были вчерашние «марксисты», по крайней мере так они себя в то время подавали. Любопытно, что в каком-то смысле неожиданное появление ревизионизма на Западе явно совпало с усиленной подготовкой на рубеже веков империалистических государств к войне за передел мира. Первая мировая война разразилась, как известно, в августе 1914 г., но подготовка к ней велась до этого не одно десятилетие.

Напомним, что одна из двух военных коалиций («Тройственный союз») появилась на свет в 1882 г. Другая («Антанта») чуть попозже, но лишь потому, что между ее участниками долгие годы до того сохранялись глубокие противоречия, которые совсем не просто было преодолеть, но в конце концов это все же было сделано. Франко-русский оборонительный и наступательный союз был заключен его участниками в 1891 г. Англия присоединилась к нему много позже, в 1907 г., но что это доказывает? Это доказывает то, что ревизионизм неслучайно появился в преддверии Первой мировой войны с тем, чтобы служить никак не интересам трудящихся, а интересам международной империалистической буржуазии. Вотирование бюджетов на войну социал-демократами в европейских парламентах наглядно доказывало, что появившиеся на свет как партии рабочего класса они (социалистические партии) в преддверии мировой войны неслучайно покинули марксистскую платформу, требовавшую признания закономерности классовой борьбы с национальной буржуазией, перейдя на явно антимарксистские позиции признания классового мира с собственной буржуазией.

Главный представитель международного ревизионизма в рядах социал-демократического движения Э. Бернштейн,

открыто отказавшись от революционного марксизма, тем не менее еще долго продолжал уверять всех в том, что он по-прежнему марксист, правда, теперь он именовал себя **критическим**. Все, в чем он разошелся с К. Марксом и Ф. Энгельсом, уверял социалистов Э. Берншттейн, касается весьма малозначительного вопроса признания закономерности социалистической революции на рубеже XIX-XX вв. В действительности, как подтвердил весь последующий опыт пролетарского движения значительно облегчил буржуазии западных стран возможность втянуть трудящиеся массы ведущих капиталистических стран в мировую бойню.

Часто приходится слышать расхожую фразу, что революции в Европе сошли на нет давно, еще в XIX в. Это, конечно, не так. Они никуда не исчезли, причем в той же самой Европе, и в XX в., только, к сожалению, так и не привели там к победе рабочего класса над своей буржуазией главным образом из-за предательства оппортунистов в руководстве социал-демократических партий. А ведь К. Маркс и Ф. Энгельс в свое время теоретической подготовке руководства пролетарскими партиями придавали первостепенное значение. И там, где по-настоящему революционные пролетарские партии уже в XX столетии появились, они, как это случилось в России в Октябре 1917 г., привели народные массы к победе над собственной буржуазией. А ведь победа российского пролетариата над своей национальной буржуазией в 1917 г. не стала единственной. Следовательно, возможность победы рабочего класса в ходе социалистической революции – это уже не некий фантом, а реально подтвержденный факт.

После распада Советского Союза нападки на учение К. Маркса и Ф. Энгельса во всем мире не просто усилились. Они носят явно целенаправленный характер, а главные рычаги всех антимарксистских кампаний сохраняются там, где они только и могли реально существовать, – в капиталистическом цивилизованном западном мире.

Посмотрим, как изменения в расстановке классовых сил на международной арене, приведшие в 90-х гг. XX в. к реставрации капитализма в современной России и странах Восточной Европы, повлияли на нынешнее состояние отечественной философии и общественнознания.

Первое, что следует в этой связи отметить – это то, что в постсоветской России, как и во всякой другой современной капиталистической стране марксизм после исчезновения Советского Союза был с согласия новых российских властей объявлен учением, полностью утратившим статус научного знания. Мало того, преподавание теории марксизма в современных российских вузах признано излишним.

Немногочисленным сторонникам марковского учения в России приходится сегодня отстаивать свои убеждения в крайне нелегких условиях и, тем не менее, относительно немалое число российских ученых до сих пор так и не отказались от своей «прежней философской совести». Не сделаю открытия, если скажу, что роль главного интерпретатора в ревизионистском духе учения К. Маркса и Ф. Энгельса в постсоветской России по своей собственной инициативе принял на себя известный в недавнем прошлом советский философ (действительным членом Академии наук СССР он стал еще в советское время), специалист в области истории марксистской философии Теодор Ильич Ойзерман. Мне уже не в первый раз приходится вступать в полемику с академиком Т.И. Ойзерманом на предмет, как бы это помягче выразиться, непозволительно вольной интерпретации упомянутым автором в последних его «трудах» по философии взглядов К. Маркса и его подлинных учеников¹. Теперь, ознакомившись с наиболее подробным изложением Т.И. Ойзерманом его нынешней трактовки материалистической концепции истории К. Маркса в его увесистой книге «Марксизм и утопизм»², я посчитал себя обязанным еще раз вернуться к предмету полемики со своим старым оппонентом.

Вот, дорогой читатель, какую общую оценку дает вчерашний главный специалист по истории формирования марксизма Т.И. Ойзерман марксовой материалистической концепции истории. «Материалистическое понимание истории, созданное свыше полутора столетий тому назад, все еще остается скорее наброском, изложением концептуального замысла, чем основательно разработанной теорией, проверенной, подтвержденной, конкретизированной спе-

¹ См.: Чесноков Г.Д. История философской мысли: традиции и новации. М., 2010, с. 244-269.

² Ойзерман Т.И. Избр. труды. В 5 т. М., 2014, т. 2.

циальными историческими исследованиями. Все попытки придать этой теории систематическую форму носили, как правило, учебно-методический характер, который исключал критическое рассмотрение ее основных положений». В завершение столь сурового приговора, вынесенного марксовой концепции истории, Т.И. Ойзерман, слегка почему-то смягчившись, добавляет еще одну любопытную фразу, которая, по-видимому, должна означать, что марксову концепцию пока не следует окончательно отправлять на свалку истории – «однако минусы материалистического понимания истории не могут умалить его плюсов»¹. Получается, что какие-то «плюсы» в марксовой концепции истории все же имеются.

Теперь самое время чуть прерваться, чтобы вспомнить, как оценивал вклад К. Маркса в развитие общественной науки его друг и единомышленник Ф. Энгельс. В своей речи на могиле К. Маркса Ф. Энгельс сказал буквально следующее: «Для борющегося пролетариата Европы и Америки, для исторической науки смерть этого человека – неизмеримая потеря. Уже в ближайшее время станет ощутительной та брешь, которая образовалась после смерти этого гиганта.

Подобно тому как Дарвин открыл закон органического мира, Маркс открыл закон развития человеческой истории: тот до последнего времени скрытый под идеологическими наслоениями простой факт, что люди в первую очередь должны есть, пить, иметь жилище и одеваться, прежде чем быть в состоянии заниматься политикой, наукой, искусством, религией и т.д.; что, следовательно, производство непосредственных материальных средств к жизни и тем самым каждая данная ступень экономического развития народа или эпохи образует основу, из которой развиваются государственные учреждения, правовые воззрения, искусство и даже религиозные представления данных людей и из которой они поэтому должны быть объяснены, – а не наоборот, как это делалось до сих пор.

Но это не все. Маркс открыл также особый закон движения современного капиталистического способа производства и порожденной им буржуазного общества. С открытием прибавочной стоимости в эту область была внесе-

¹ Там же, с. 233.

на ясность, в то время как все прежние исследования как буржуазных экономистов, так и социалистических критиков были блужданием в потемках.

Двух таких открытий, – подчеркивает Энгельс, – было бы достаточно для одной жизни. Счастлив был тот, кому удалось сделать даже одно такое открытие. Но Маркс делал самостоятельные открытия в каждой области, которую он исследовал, – даже в области математики, – а таких областей было очень много, и не одной из них он не занимался поверхностно. Таков был этот муж науки»¹.

Из двух приведенных нами оценок марксовой материалистической концепции истории мы, с одной стороны, услышали, что эта концепция есть «не доведенный до конца набросок ряда идей» а с другой – что «К. Маркс открыл закон развития человеческой истории». Согласимся, что связать два подобных высказывания в нечто целостное не представляется возможным. Естественно, что в такой ситуации нам захотелось лучше уяснить для себя сегодняшнюю позицию Т.И. Ойзермана, чтобы лучше понять, чего же, по его мнению, не хватило К. Марксу, чтобы создать по-настоящему научную концепцию истории, как нам до знакомства с трудами Т.И. Ойзермана это представлялось.

В начале главы, посвященной материалистической концепции истории, Т.И. Ойзерман как бы между делом одергивает В.И. Ульянова-Ленина за то, что тот в своем главном философском труде «Материализм и эмпириокритицизм» позволил себе провести параллель между общепhilософским материализмом и материализмом историческим. Для Т.И. Ойзермана такого рода параллели (а их проводили и Ф. Энгельс, и Г.В. Плеханов) недопустимы. Между тем известно, что диалектического материализма до появления материалистической концепции истории в природе просто не существовало, ибо для диалектического материалиста нет такой области материального мира, в которой бы не действовали законы диалектики.

Общество есть пусть и специфическая, но тем не менее часть единого материального мира, а это значит, что общие закономерности объективного мира не могут не действовать и в отдельных его составных частях, в частности в обществе. Эту позицию в одинаковой степени разделяли

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 350-351.

как основоположники философии диалектического материализма, так и их ученики, в частности уже упомянутый В.И. Ленин. Т.И. Ойзерман с этим не согласен. Он называет общество «субъект-объектной реальностью», тем самым явно противопоставляя материальное в своей основе общество объективной реальности, но выпрыгнуть в другую, не объективную реальность даже по желанию Т.И. Ойзермана реальное общество явно неспособно.

Дальше больше. Т.И. Ойзерман утверждает, что в основу марксовской концепции истории легли два абсолютно несовместимых положения. Одно, по его словам, правильное, другое, напротив, неправильное. Иначе говоря, концепция К. Маркса с самого начала несла в себе некий «первородный грех», от которого академик Т.И. Ойзерман задумал ее непременно спасти.

Заметим, что если бы исходных начал у какой бы то ни было научной концепции в самом деле оказалось два и они при этом оказались разными, то избежать противоречий такая концепция никогда бы не смогла. Любая научная концепция (марксизм, дарвинизм) непременно придерживается одного исходного принципа, для философии К. Маркса и Ф. Энгельса этот принцип – последовательный материализм. Данный принцип лег в основу не одной какой-либо из их многочисленных работ, а всех без исключения. Два начала всегда характеризовали наличие у их авторов дуалистической философии (Платон, Декарт, Кант), но обвинить в дуализме последовательного материалиста К. Маркса мог разве только тот, кто в глубине души искренне признает преимущества философского эклектизма над философским монизмом. Т.И. Ойзерман, назвав общество «субъект-объектной реальностью» (непонятная абракадабра), тем самым признал фактическое тождество субъективных (идеологических) и объективных (материально-производственных) отношений в обществе. На этой позиции, как известно, стоял до него махист Богданов, за что справедливо был подвергнут В.И. Лениным нелюбезной критике. Т.И. Ойзерман (он это откровенно сам признал) не усмотрел идеализма в богдановской, ничего не имеющей общего с марксизмом, теории тождества бытия и сознания. Скажи, гласит народная пословица, кто твой друг, и я скажу, кто ты. Если Ойзерман открыто разделяет теорию тождест-

ва Богданова¹ (а он этого даже не скрывает), то он должен признать в самом деле ошибочной марксову историческую концепцию, решительно противопоставляющую материализм в истории идеализму.

Вернемся, однако, к вопросу о том, какие два несовместимых положения удалось выявить Т.И. Ойзерману в материалистической концепции истории. «Положение об определяющей роли производства материальных благ в развитии человечества, – утверждает Т.И. Ойзерман, – не является единственным теоретическим исходным пунктом материалистического понимания истории. Другое отправное положение этого учения составляет тезис: общественное бытие определяет общественное сознание»².

Есть ли между двумя приведенными Т.И. Ойзерманом положениями для показа внутренней противоречивости марксовской концепции истории какое-либо расхождение? Мы, как ни старались, его не обнаружили. В самом деле, в первом случае утверждается, что основу жизни людей в обществе составляет материальное производство. Иными словами, это означает, что пока не возник процесс общественного производства, общество появиться просто не могло. Но после своего возникновения соотношение общественного бытия и общественного сознания в обществе остается принципиально неизменным в том смысле, что общественное сознание всего лишь отражает общественное бытие людей, тогда как общественное бытие, напротив, существует вполне объективно и этим принципиально отличается от субъективно существующего общественного сознания.

Т.И. Ойзерман вознамерился освободить материалистическую концепцию истории от марксовской категории общественного бытия, но если устранить базис общества, то что от последнего останется? По-видимому, лишь общественные взгляды и идеи. Это как раз тот взгляд, который отвергли в середине XIX в. Маркс и Энгельс и с которым намерен биться не на жизнь, а на смерть Ойзерман. Получается, что содержание материалистической концепции после изгнания из нее основополагающей категории исторического материализма – общественного бытия, или, что то же самое, базиса общества тут же поменялось на прямо

¹ Вопросы философии, 2001, № 2, с. 17.

² Ойзерман Т.И. Избр. труды. В 5 т., т. 2, с. 164.

противоположное, т.е. на исторический идеализм. Это логический результат очередной ревизии марксизма и ярчайшее доказательство того, что ревизионизм всегда боролся с марксизмом с одной-единственной целью – лишить борьбу трудящихся масс с Капиталом светлой перспективы.

Мы, со своей стороны, считаем очередное «оправдание ревизионизма» (термин самого Т.И. Ойзермана), занятием далеко не безобидным и потому решительно солидаризируемся с известным прогнозом Ф. Энгельса относительно значения научно-теоретической деятельности К. Маркса: «Имя его и дело переживут века»¹.

Чесноков Г.Д. Материалистическое понимание истории и критика «наших критиков». Распад СССР явился своеобразным сигналом для буржуазных идеологов разных мастей объявить учение Маркса окончательно опровергнутым. Новым моментом в идеологической схватке марксизма и его противников стало то, что многие, еще недавно называвшие себя людьми, верными марксизму, весьма активно включились в поход против марксовской материалистической философии. Автор вскрывает несостоятельность новейших аргументов противников марксизма и доказывает, что нет ничего нового в их обвинениях против марксизма вообще и марксовской материалистической концепции истории в частности.

Ключевые слова: материалистическая концепция истории, общественное бытие, общественное сознание, социальная революция, социальные законы.

Chesnokov G.D. The materialist understanding of history and the critique of “our critics”. The disintegration of the Soviet Union gave occasion to declare that the teaching of Marx was once and for all disproved. It appeared to be a new feature in the opposition between Marxism and its opponents that many of those who not long ago vowed fidelity to Marxism joined the campaign against Marx’s materialist dialectics. The author demonstrates the groundlessness of all the new arguments of the opponents of Marxism and proves that there is nothing new in their objections against Marxism in general and Marx’s materialist conception of history in particular.

Keywords: the materialist conception of history, social being, social consciousness, social revolution, social laws.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 359.

Н.Е. ОСИПОВ

*доктор философских наук, профессор кафедры
философии и методологии науки Чувашского
государственного университета им. И.Н. Ульянова**

Р.В. МИХАЙЛОВА

*доктор философских наук, профессор,
заведующая кафедрой общеобразовательных
дисциплин Чувашской государственной
сельскохозяйственной академии***

Об эволюции технологической роли науки в современном обществе

Читая работы по социальной философии, авторы этих строк наблюдают удивительный процесс – значительную трансформацию взглядов на социальную роль науки. Это характерно прежде всего для российских социальных философов. Удивительным данный процесс выступает для тех гуманитариев, которые составляют довольно зрелую по возрасту часть нашей страны. Они хорошо помнят доминирующее отношение к науке в XX в.

В 70-80-х гг. XX в. мы, будучи студентами и аспирантами Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, от наших преподавателей, руководителей партийных и государственных структур выслушивали как своего рода мантру заявление о том, что наука, внедрение ее достижений в жизнь, является важнейшим фактором социального прогресса. Проблема, оживленно обсуждавшаяся в то время, – трудности практической реализации открытий фундаментальной науки в технике через опытно-

* Осипов Николай Евдокимович, e-mail: osipovne48@yandex.ru

** Михайлова Рината Васильевна, e-mail: neti-mix@yandex.ru

конструкторские разработки и далее в повседневной жизни советских людей.

Вторая половина XX в. осознавалась тогда как период развертывания научно-технической революции, достижения которой вызвали коренные изменения во всех сферах жизни общества.

Теоретически этот процесс характеризовался как очередной этап превращения науки в непосредственную производительную силу общества. Сущность этого процесса была сформулирована еще К. Марксом.

Надо заметить, что термин «внедрение» использовался при характеристике освоения обществом достижений науки не случайно. Дело в том, что освоение результатов научного знания – сложный и противоречивый процесс, состоящий из нескольких этапов, каждый из которых имеет свою специфику. Об этом на страницах научных и экономических публикаций шли продолжительные дискуссии. Центральным понятием, выражающим пафос и цель предлагаемых мер по стимулированию научно-технического прогресса в советском обществе, выступало «ускорение». Но с этим были серьезные проблемы из-за недостатков функционирования системы продвижения научных идей до их материализации в изделиях массового производства. Влияние научно-технической революции на общество было менее эффективным, чем на Западе. Поэтому, действительно, термин «внедрение» как нельзя лучше выражал ситуацию реального торможения социальных последствий научно-технического прогресса.

Правда, наиболее значимым результатом освоения научных открытий в СССР являлся военно-промышленный комплекс, что вполне объяснимо и оправданно в условиях «холодной войны», сопровождавшейся непрерывной и изнурительной гонкой вооружений. В отличие от военной техники, техника мирного назначения была не столь наукоемким результатом, уступая западным аналогам. Видимо, в этом сказывался также малый опыт СССР в отработке механизма доведения научных идей до предметов массового потребления, тогда как Запад прошел многовековую историю рыночного развития.

Таким образом, обобщая, скажем, что всю вторую половину XX в. наука и прежде всего естествознание и инженерные дисциплины стремительно изменяли предметную среду

социального бытия человека, делая ее все более комфортной для жизни. Понятно, что такая роль науки и техники общественным сознанием воспринималась как несомненное благо.

Однако по мере того, как объектом научного изучения становился непосредственно человек, прежде всего его мозг и технологические средства воздействия на него с целью стимулирования когнитивных способностей человека, ситуация стала меняться и притом достаточно быстро. На основе нанотехнологий и развития биологии (генной инженерии) сложилась целая система технологий (НБИКС), способных трансформировать искусственным образом саму телесную природу «естественного человека» (технонаука).

Интенсивное развитие данных технологий реально поставило вопрос о возможном целенаправленном воздействии и на духовную составляющую человека, и на его «внутренний мир». И вот тогда в социальной философии была сформулирована проблема эволюционного характера – о возможности с помощью технонауки непосредственно влиять на эволюцию *Homo sapiens*. В связи с этим был предложен особый термин «постчеловек», выражающий столь кардинальную трансформацию «природного человека». Сторонников такой технологической эволюции человечества будущего объединило социально-философское учение, получившее наименование трансгуманизма.

Идеи трансгуманизма приобретают все больше сторонников в социально-философской литературе. С появлением постчеловека они связывают реальную возможность создания совершенного общества, о чем на протяжении веков мечтали философы-гуманисты. Но до сих пор такое общество остается лишь предметом «утопий». Главной причиной, как полагают некоторые историки, является изначальное несовершенство самого человеческого индивида. Об этом свидетельствует позиция, высказанная на «круглом столе» в Институте философии РАН. Так, наш известный автор Д.И. Дубровский утверждает: «Весь исторический опыт свидетельствует, что нельзя качественно изменить к лучшему социум... не изменяя качественно самого человека. В этом состоит главная идея трансгуманизма»¹.

¹ Наука. Технологии. Человек. Материалы «круглого стола» // Вопросы философии, 2015, № 9, с. 12.

Философскую позицию мыслителей данного направления можно считать отчасти оправданной. В самом деле, идею о гуманистической сущности человека, «вскормленную в лоне мировой философской мысли», жестоко испытывала на истинность вся социальная история. Ценности гуманизма множество раз подвергались испытанию, уступая место злу и разочарованию в гуманности человека. Да и современность также не всегда обнадеживает гуманистов. Порой даже кажется, что разум дан естественному человеку лишь для того, чтобы изощрённее творить зло и бедствия себе подобным. Не хотелось бы даже называть эти многочисленные факты «звериными», ибо они порой блекнут перед последними. Вот почему современные авторы возлагают надежду на технологическое «исправление» природы человека.

Как отмечает Д.И. Дубровский, «трансгуманизм» можно трактовать как преодоление ограниченности нынешней формы гуманизма¹. Согласно традиционным представлениям о гуманизме он содержит в себе систему фундаментальных ценностей духовной культуры, среди которых, например, справедливость, свобода, любовь, творчество, сочувствие, понимание и т.д. Все они – результат обобщения и осмысления многовекового опыта человечества, благодаря которым обществу до сих пор, вопреки реальной трагичности бытия, удавалось выживать и даже развиваться. Эти высшие ценности определили важнейшие сферы человеческой деятельности, такие, как нравственную, религиозную, правовую и т.п. Они по-своему выполняли функцию саморегулирования и поддержания относительной целостности и устойчивости социальной системы, сохранения более или менее приемлемых условий жизни. Поэтому, по нашему мнению, данное явление культуры вполне можно считать социальными технологиями².

При этом социальная технология по своему содержанию и роли гораздо шире, чем техника, которая имеет хоть и важное значение, но все же является одной из многих сторон социальных технологий, понимаемых в социально-

¹ См. там же.

² *Осипов Н.Е.* Содержание и методологическая роль категории «социальная технология» в осмыслении целостности общества // *Вопросы философии*, 2011, № 6, с. 16-22; *Он же.* О формационно-цивилизационной корреляции во всемирной истории // *Философия и общество*, 2007, № 2(46), с. 142-157.

философском ключе, а не только в научно-инженерном смысле, что нередко происходит¹.

Социальные технологии представляют собой гетерогенные образования, т.е. включают в свой состав онтологически-разнородные явления, где техника, созданная на основе научных и инженерных знаний, функционирует как предметный элемент. Наряду с ним социальные технологии реализуются через действия материальных и идеальных, объективных и субъективных, естественных и искусственных, рациональных и эмоциональных и других факторов.

Несмотря на онтологическую их разнородность единство их действия достигается целеполаганием. А оно изначально, в главном детерминируется системой ценностей, составляющих содержание культуры в целом. Именно данная система духовных ценностей, в конечном счете, реализуется социальными технологиями. При этом важнейшей характеристикой последних является их эффективность по сравнению с другими многочисленными социальными практиками².

Наряду с эффективностью определенная социальная технология, поскольку она исторически сложилась в обществе, обладает еще такими качествами, как целенаправленность на получение желаемого результата, надежность, экономичность, воспроизводимость (это своего рода социальный автомат), что делает ее важной ценностью культуры, превращая последнюю в цивилизацию. При этом ценности духовной культуры исполняют роль «верхнего этажа» (высшего уровня) социальных технологий, придавая им экзистенциальный смысл и легитимизацию.

Начиная с Нового времени европейское естествознание, реализуя ценности активного преобразования внешней природы, было нацелено на изобретение техники. Сейчас же уровень науки таков, что становится возможным изучать и воздействовать на внутреннюю среду бытия человека, о чем речь шла выше.

Каким будет предполагаемый постчеловек? Будет ли он более гуманный, чем современный, при всей его ограниченности? Обсуждение этих вопросов на последних «круглых столах» показало неоднозначность ответов на них. Акаде-

¹ Гуманитарное знание и социальные технологии (материалы «конференции-круглого стола») // Вопросы философии, 2013, № 9, с. 5.

² Осипов Н.Е. Еще раз о социальных технологиях // Философия и общество, 2017, № 1, с. 5-28.

мик В.А Лекторский, говоря о противоречивой роли технологического использования науки в будущем, обосновывает весьма критическую позицию: «Наука дает в самом деле возможность человеку подняться на новый уровень развития. ...но она, вместе с тем, открывает возможности создать такие технологии, которые делают человеческую жизнь более уязвимой, а иногда несут угрозу самому существованию человека»¹.

С этой позицией необходимо согласиться полностью, ибо она подтверждается всей историей человечества. Вспомним о том, что чаще всего знания вообще и научные в частности использовались для совершенствования милитарных технологий, несущих угрозу самой жизни человека. Просто в настоящее время этот факт проявился с удручающей наглядностью. В связи с этим огромную тревогу вызывает вывод, сформулированный социальной философией, о том, что все больше нарастает конфликт между нравственностью человека и его технологической мощью, которая рискует быть использована против самого ее создателя.

Отсюда встает проблема – найти способ избежать губительного для человечества разрешения данного конфликта. Возможны два способа. Один предлагается трансгуманизмом – преимущественно научно-технологический; другой – традиционный – через воспитание и образование, формирующих ценности настоящего гуманизма. Если прогресс технауки действительно определит в структуре мозга «центры», отвечающие за нравственность, можно надеяться, что человечество избежит печального конца самоуничтожения. Но тогда это будет уже не совсем человеческое общество, а скорее сообщество биороботов. Кроме того при первом варианте попыток решить проблему возникает ситуация онтологической неопределенности – время успешного разрешения конфликта, а также степень успешности, т. е не проявятся ли в отдаленной перспективе новые, более грозные последствия, требующие дополнительных усилий для своего устранения. Тут возникает вопрос: способен ли человек по своей природе проектировать «получение строго определенного результата в соответствии с заведомо поставленной целью... Продуктом проектирова-

¹ Наука. Технологии. Человек. Материалы «круглого стола» // Вопросы философии, 2015, № 9, с. 8.

ния выступает проект, который бывает реализуем или нет»¹. Недооценка природной (природы человека) и социальной действительности (науки, технологических инноваций) может привести к результатам преобразований, изменений, не совпадающих с исходным проектом. Иными словами – не попадет ли человек в ситуацию институциональной «ловушки», что неоднократно уже случилось.

Приведем конкретный пример подобной «ловушки» из области, хорошо знакомой преподавателям учебных заведений России. Согласно недавним инновациям в системе образования с целью повышения эффективности работы образовательных учреждений соответствующим министерством было издано предписание: стимулируя деятельность преподавателей, ввести балльно-рейтинговую систему (БРС). Сама по себе эта идея, казалось бы, разумная. Тем более, что предполагалось увеличить размер заработной платы преподавателей в зависимости от количества баллов. Среди прочих большую роль должен был играть такой показатель, как индекс Хирша, зависящий от числа публикаций у каждого преподавателя, выполняющего научно-исследовательскую работу. От этого зависит и рейтинг всего учебного заведения в целом, что влияет на объем его финансирования.

Как известно, ум человеческий изобретателен. Отдельные преподаватели улучшают свой показатель «продуктивности» очень просто: они практикуют «массовое соавторство», во много раз увеличивая количество «своих» публикаций. Вряд ли в результате применения таких «технологий» растет эффективность научной работы, все вырождается в профанацию, которая растет только в цене, финансово-затратной, но отнюдь не творческой.

Подобная мнимая «хитрость» легко раскрывается, если просто обратиться к интернету. Но для этого необходимо проявить некоторую волю и элементарную честность. Одним словом, первичным звеном, аспектом социальной технологии, пусть даже самой сложной, и, казалось бы, эффективной, является нравственный компонент как ценность духовной культуры.

¹ Михайлова Р.В. Прогнозирование и проектирование будущего человека с учетом роли технологических инноваций // Социальная антропология: интеграция наук. Сб. научных статей по итогам Международной научной конференции. М., 2017, с. 70.

И здесь обратимся к другому, не технонаучному способу преодоления угроз будущего «расчеловечивания человека». Он, конечно, как нам кажется, обещает быть долгим, и потому «может не успеть реализоваться». Его также можно отнести к социально-технологическому способу, но не в том смысле, что он сводит решение к трансгуманизму. Если последний способ воздействует на человека через его телесность, в особенности мозговые структуры, то первый делает это, гуманизируя его сознание, внутренний мир, формируя духовные ценности, т. е. через культуру. Это тоже «искусственный» способ воздействия на человека. Правда, эта «искусственность» противоположная трансгуманистической. Назовем её духовной в отличие от вульгарно-материалистической (да простят нас читатели за такой терминологический анахронизм, немодный в наше время).

Противопоставление этих двух подходов воздействия на человека в определенном смысле условно. Дело в том, что сама телесность в значительной степени не является только исключительно природным феноменом, а есть результат, пусть не такой длительный, эволюции социальной, следовательно, культуры. Последняя за века и тысячелетия своей истории выработала особые средства и способы гуманизации человека. К ним относятся нравственность, религия, искусство и право. Поэтому, по убеждению авторов, повторим ещё раз, их также необходимо отнести к социальным технологиям, вернее культура представляет собой социальную мегатехнологию.

О таком духовном пути гуманизации говорит академик В.А. Лекторский: «Трансформация человека может происходить по-разному. Можно пытаться трансформировать его с помощью современных NBIC- технологий, превращая в пост-человека, т. е. по сути дела убивая его как человека. А можно осознать тот факт, что развитие культуры, философии, искусства, литературы, науки и было реальным трансформированием человека, т. е. развитием новых ценностных представлений. Созданием нового «мира человека». И это развитие шло именно по пути гуманизации самого человека и его отношений, а не по пути его расчеловечивания, реальная опасность которого сегодня появляется»¹.

¹ Наука. Технологии. Человек. Материалы «круглого стола» // Вопросы философии, 2015, № 9, с. 9.

Как отмечено выше, эти две технологии гуманизации человека воспринимаются как альтернативные. Но сама эта альтернатива весьма условна. Обе они представляют собой результат человеческого творчества и более того – явления культуры в широком её понимании. Технонаука возникла закономерно, как итог предшествующей эволюции человеческого духа. Наука как более молодая, «младшая дочь» религии, мифологии и философии в своём стремительном развитии была нацелена на то, чтобы облегчить человеку бремя его земного существования, что привело к созданию его технической цивилизации. Особенно интенсивно технологический вектор науки проявился в условиях социально-экономических сдвигов в мире в эпоху модерна. И уже тогда обнаружился противоречивый характер этого процесса. Проблему впервые артикулировали философы. Достаточно хотя бы вспомнить идеи Ж.-Ж. Руссо о влиянии цивилизации на человека. Но «победную поступь» науки это ни в коей мере не остановило. В наше время на противоречивый тренд науки обращают внимание уже не одиночки. Но вряд ли это что-нибудь изменит. Заслуга же социальных философов, тем не менее, в том, что они не перестают обращать внимание человечества на грядущие угрозы. Это способствует формированию более адекватной картины будущего «возможного мира человека» со своей системой рисков.

Совершая открытия и реализуя их в технологиях, прежде всего в технике, наука всегда порождала у человека надежду на лучшую жизнь. При этом почти никогда большинство не задумывалось над возможными рисками и поэтому попадало в ситуацию социального отчуждения, о чём писали мыслители XIX-XX вв. (марксисты, экзистенциалисты). Ясно же, что человек постоянно находится в полосе жизненных рисков, и если он легкомысленно игнорирует их или не способен предвидеть, то он реально страдает, но будет уже поздно. С точки зрения диалектики, к сожалению, нередко ныне неоправданно третируемой, область риска – это только возможность. Но осуществленная возможность – это уже действительность, которую можно было предотвратить, однако она стала социальным отчуждением, реально приносящим страдания и всевозможные беды. Примеров тому множество.

Какой вывод можно сделать из сказанного? Развитие науки и технологизация её результатов – объективный процесс,

основанный на опредмечивании физических, психических и умственных качеств человеческого существа, формировавшихся в ходе естественной и социальной эволюций. Абсолютизация тех или иных качеств вызывает у мыслителей оптимизм или пессимизм в оценке будущего человека и человечества. Это свидетельствует о наличии неопределенности, которая неоднократно встречалась и раньше. Отличие лишь в том, что возникшая острота экзистенциального вызова определяется тем, что, во-первых, современному человечеству в условиях глобализации стали подвластны мощные, неведомые в прошлом технологии преобразования внешней и внутренней среды своего бытия. Во-вторых, чувство повышенной тревоги возникает и потому, что антропологические последствия технологизации настолько стремительны, что могут негативно сказаться на жизни нынешнего поколения и ближайших потомков. Поэтому она имеет личностный смысл и так остро переживается.

Обсуждение проблем социальных технологий последних лет показало теоретическую эволюцию представлений о содержании и методологической роли категории «социальная технология»¹. Это будет способствовать более адекватному пониманию нашего будущего. А «сегодня человек как бы стоит на краю обрыва: либо он взлетит вверх, либо упадет вниз. Это и есть главные проблемы нашего времени, и это, прежде всего, философские проблемы»².

Остается надеяться, что разум человечества найдет верный путь в лабиринте экзистенциальных проблем и ему удастся избежать «конца своей истории».

Осипов Н.Е., Михайлова Р.В. Об эволюции технологической роли науки в современном обществе. В статье анализируется процесс воздействия науки на социум через технологизацию её результатов и осознание данного процесса общественным сознанием и социальной философией. Показана неоднозначность общей оценки влияния науки и её технологического использования на телесную и духовную стороны бытия человека. Для рассмотрения означенной проблемы автор использует понятие «социальная технология». В то же время самому этому

¹ Осипов Н.Е. Об эволюции содержания категории «социальная технология» // Социально-гуманитарные знания, 2017, № 4, с. 235-244.

² Наука. Технологии. Человек. Материалы «круглого стола» // Вопросы философии, 2015, № 9, с. 38.

понятию даётся не сциентистское или техницистское толкование, что нередко встречается в литературе, а более общее, претендующее на статус социально-философской категории.

Ключевые слова: наука, научно-технический прогресс, социальная технология, общество, гуманизм, трансгуманизм, пост-человек, культура, саморегуляция, устойчивость.

Osipov N.E., Mikhaylova R.V. About evolution of a technological role of science in modern society. The article analyzes the process of the impact of science on society through the technology of its results and the awareness of this process by social consciousness and social philosophy. The ambiguity of the general assessment of the influence of science and its technological use on the physical and spiritual aspects of human being is shown. To address this problem, the author uses the notion "social technology". At the same time this notion is given not a scientific or technical interpretation, which is not uncommon in the literature, but more general, claiming the status of a socio-philosophical category.

Keywords: science, scientific and technological progress, social technology, society, humanism, transhumanism, posthuman, culture, self-regulation, stability.

И.М. ЛОСКУТОВА

*доктор социологических наук, профессор
кафедры теоретической и специальной
социологии ФГБОУ ВО «Московский
педагогический государственный университет»**

М.В. СИНЯЕВ

*кандидат политических наук, доцент
кафедры теоретической и специальной
социологии ФГБОУ ВО «Московский
педагогический государственный университет»***

Кризис института социального государства и образовательные стратегии в обществе риска

Современный мир находится в процессе глобального перехода к новым технологическому и экономическому укладам, связанного со становлением постиндустриального общества. Формирование нового типа общества идет непросто. Можно сказать, что становление постиндустриального общества вступило в зону бифуркации, в которой и определяется, какие конкретно черты примет новый социум.

Новый тип социума предполагает новые модели взаимодействия, новые социальные институты, новые основания стратификации и расслоения, новые социальные риски и новые цепочки конфликтов, пронизывающих это общество¹.

Инновационная постидустриальная экономика практически выводит человека из сферы промышленного тиражирования тех или иных продуктов, с этим теперь лучше справляются роботизированные системы. Для человека наиболее привлекательной деятельностью является создание принципиально новых продуктов и технологий. Увы, но для успеха на этом поприще требуется наличие некоторых способностей и серьезного фундаментального образова-

* Лоскутова Ирина Мироновна, e-mail: loskutova07@yandex.ru

** Синяев Максим Викторович, e-mail: sinyaevmax1@rambler.ru

¹ Синяев М.В. Рисковость как характерная черта развития современного социума // Власть, 2013, № 3, с. 29-30.

ния, получить которое в большинстве случаев оказывается не так просто. Если в рамках индустриального уклада значительная часть населения могла быть занята на среднеквалифицированных работах в промышленности, то теперь такая возможность практически исключена. Происходит расслоение социума на высокообразованное интеллектуальное меньшинство, занятое в области высоких технологий, и основную массу населения, занятую в основном в сфере низкоквалифицированного, малооплачиваемого труда в сфере услуг и торговли. Отсюда происходит трансформация системы рисков, конфликтов и институтов.

Базовыми социальными институтами, снижающими степень рискогенности и неопределенности, для основной массы населения индустриальных обществ XX в. стали социальное государство и система образования. Социальное государство гарантировало минимальную защиту от хаотичной игры рыночных сил для тех групп населения, которые не имели заметных финансовых ресурсов или каких-либо еще конкурентных преимуществ. Система образования была тем массовым социальным лифтом, при помощи которого люди, желающие получить более высокую социальную позицию, могли добиться этого при условии соблюдения ряда четких и всем понятных правил.

В современном мире оба эти института оказались в ситуации кризиса. В определенной степени это было связано с изменением социальной структуры общества, отходом от четко очерченных классов к новому большинству, состоящему из множества небольших групп, отличающихся слабой идентичностью и занятых в основном в сфере услуг. Ясно, что будучи более аморфным образованием, новое большинство испытывало определенные проблемы с отстаиванием своих интересов, собственно говоря, оно могло их отстаивать до тех пор, пока на них всерьез никто не покушался. В какой-то мере тут сыграла свою роль неоконсервативная революция конца 70-х – начала 80-х гг., задавшая целый ряд трендов внутренней и внешней политики, а также определившая основные направления развития социальных и экономических моделей на Западе на рубеже XX-XXI вв. Серьезное влияние на процесс также оказали глобализация и демографические перемены. Однако базовые перемены все же происходили в рамках экономического и технологического укладов, они-то и позволили

отказаться от искусственного поддержания высокого уровня жизни так называемого среднего класса. Произошла замена самого этого термина на «креативный класс», под которым обычно понимают те сегменты старого среднего класса, которые смогли встроиться в ряд узких постиндустриальных ниш, не требующих для своего существования экономической поддержки государства или требующих их в минимальной степени.

Кризис системы образования в значительной мере связан с тем, что оно перестало играть роль социального лифта, в чем заключается кардинальное отличие современного мира от ситуации того же XIX в. или начала XX в. Тогда образование было очень сложно получить и в силу финансовых причин, и в силу высоких требований к слушателям, и в силу еще до конца не изжитых сословных предрассудков, но зато после его получения человек обладал намного более серьезными жизненными шансами. В современном мире наблюдается тенденция расслоения образовательной системы, когда все чему-то учатся, существует огромная индустрия образования, но из-за массовости этой системы возникает диссонанс с требованиями экономики. Тех самых специалистов высокой квалификации, способных создавать новые технологии и продукты, готовить очень долго, дорого и трудозатратно, причем для всех участников этого процесса. Основная масса учебных заведений способна подготавливать среднеквалифицированную рабочую силу, но реальная структура экономики такова, что спрос на нее ограничен. Большая часть рабочих мест – это низкоквалифицированная и низкооплачиваемая сфера услуг и торговли¹.

Эти процессы по-разному преломляются в разных странах. Специфика современных социальных процессов заключается в том, что в силу особой сложности общества как системы процессы, происходящие в нем, могут протекать с разными скоростями, а в ряде случаев и в разных направлениях. Так, в незападных странах, таких как Россия, процесс становления постиндустриального общества в ряде крупных городских агломераций, в первую очередь в Москве,

¹ Лоскутова И.М. Образовательное пространство в обществе риска (на примере средней общей школы современной России): Дисс....д-ра социол. наук. М., 2014.

сочетается с возрождением феодальных, а местами родоплеменных моделей поведения в провинции. Подобное положение дел ставит жителей этих стран в ситуации повышенной социальной рискогенности, когда правила игры малопонятны, процессы разнонаправленны, социальная защита минимальна, а вложения в любую попытку изменить собственную социальную позицию запредельны и не гарантированы. Формируется специфический тип общества риска, в котором затраты и угрозы очевидны, а перспективы туманны и малодостижимы для основной массы населения¹.

В условиях общества риска получение образования в России не дает автоматической гарантии конвертации его в экономический и социальный капитал. Выпускники практически всех высших учебных заведений и средних учебных заведений после окончания учебы попадают в сложную ситуацию. Между обучением и занятостью возникает рискованная серая зона лабильной неполной занятости, поиска работы или краткосрочных трудовых отношений. По окончании учебы большинство молодых людей под угрозой безработицы готовы согласиться на любую работу, чтобы хоть как-то интегрироваться в сферу занятости. Но опасность девальвации человеческого капитала состоит в том, что они могут надолго, несмотря на полученное образование, задержаться в сфере малоквалифицированного труда.

Таким образом, в современном российском обществе образование как вид инвестиций в человеческий капитал становится все менее надежным. По меткому замечанию У. Бека, система образования напоминает «призрачный вокзал». Поезда уже не ходят по расписанию или идут в другом направлении, вагоны переполнены, но билеты все равно брать надо². В обществе, где риски приватизированы, ответственность, экономические затраты и риски инвестиций в человеческий капитал перекладываются на самого индивида. Современному молодому человеку, чтобы успешно интегрироваться в социум, необходимо получить профессиональное, специальное или высшее образование. Кризис инвестиций в образование как вид человеческого капитала проявляется для молодежи не столько как утрата возмож-

¹ Лоскутова И.М. Обоснование концепции социокультурных рисков в образовании // Преподаватель XXI век, 2014, т. 1, №1, с.191-200.

² Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М., 2000, с. 219.

ности заниматься своей профессией, сколько как утрата планируемой хорошо оплачиваемой и престижной гарантии трудоустройства. Профессиональная необходимость образовательной карьеры не утрачивается, но становится непредсказуемой и не поддается планированию. Соответственно долгосрочное планирование зачастую заменяется сосредоточенностью на временно возможном. Но это может означать, что, осознавая обесценивание содержательных квалификаций, человек стремится лишь к формальному завершению образования как к страховке от грозящих сложностей на рынке труда. Диплом о высшем образовании больше ничего не сулит, но он по-прежнему и даже более чем когда-либо есть условие, могущее предотвратить грозящую бесперспективность. На всех ступенях образовательной иерархии растет стремление избежать грозящей безработицы через получение второго высшего, дополнительного образования и повышение квалификации.

Смещение статусоназначаемой функции из системы образования в систему занятости имеет в итоге (как показывает статистика безработицы) глубокие последствия. По мнению Бека, это ведет к «возрождению сословных критериев в распределении социальных шансов». В замаскированном виде происходит рефеодализация распределения шансов и рисков на рынке труда. Возможно, потому, что при выборе формально равных по квалификации специалистов вновь вступают в силу критерии сословного отбора¹.

Эта тенденция многими воспринимается особенно болезненно, поскольку получение высшего или среднего специального образования или просто успешное окончание школы требует значительных усилий не только самих учащихся, но и их родителей. Эту закономерность впервые установил Дж. Коулман, изучая социально-демографическую структуру семей, дети которых оставили школу. Он показал, что социальный капитал в семье – ресурс для повышения уровня образования детей наравне с финансовым и человеческим капиталом. Социальный капитал в понимании Коулмана – это совокупность отношений, порождающих взаимовыгодные действия. Эти отношения связаны с ожиданиями того, что другие индивиды будут выполнять свои

¹ Константиновский Д.Л., Абрамова М.А. и др. Новые смыслы в образовательных стратегиях молодежи. 50 лет исследования. М., 2015.

обязательства добровольно, без применения санкций. Иначе говоря, обоюдная концентрация экспектаций и обязательств выражается обобщенным понятием «доверие».

Социальный капитал и в семье, и за ее пределами (в объединениях взрослых, образующихся вокруг школы) приобретает, по мнению Дж. Коулмана, решающее значение в уменьшении вероятности прекращения занятий в средней школе. Социальная среда накладывает на учащихся обязательства, вырабатывает нормы и санкции, которые оказывают на учащихся определенное давление и помогают им закончить школу¹. Эти выводы также распространяются на российские условия.

Результаты Коулмана подтверждаются многолетними исследованиями Д.Л. Константиновского в России. Они показали, что существует жесткая зависимость между уровнем школьной подготовки и социальным и человеческим капиталом родителей школьников. Они также показывают, что образовательное пространство неоднородно. По результативности обучения условно в нем можно выделить три уровня: высокий, средний и низкий. Исследование выявило почти линейную зависимость между тем, к какому образовательному уровню принадлежит школа, и объемом накопленного социального и человеческого капитала родителей². В школах третьего уровня всего 28-29% родителей имеют высшее образование, в первом – уже 77-80%. С известными оговорками исследователи делают вывод, что для ребенка, чьи родители не имеют высшего образования, вероятность оказаться в элитной школе составляет около 20%. Высота этого барьера весьма значительна. Следующий фактор – сфера занятости родителей. Если в школах третьего уровня в промышленности заняты почти две трети отцов, то в первом их всего 40%. В науке, образовании и здравоохранении заняты 36% матерей учащихся «лучших» гимназий (при средней величине этого показателя 27%), в сфере услуг матери учащихся обычных школ работают существенно реже – 17% (средняя величина показателя –

¹ Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // *Общественные науки и современность*, 2001, № 3.

² Константиновский Д.Л. Неравенство и образование. Опыт социологического исследования жизненного старта российской молодежи (1960 – начало 2000-х). М., 2008, с. 274-292.

29%). Чем лучше предоставляемое школой образование, тем меньше в ней детей, чьи матери заняты физическим трудом. Этот показатель снижается с 39% (в школах первого уровня) до 8% в школах третьего уровня. Руководителей подразделений среди матерей больше в тех школах, где выше академические результаты учеников. Более всего их в школах первого уровня – 14% (при средней величине показателя 6%). Должность отца – не менее важный показатель. Если в школах третьего уровня 2% отцов – руководители предприятий, а 57% – рабочие, то в школах первого уровня уже 11% отцов – руководители (что более чем в два раза превышает среднюю величину показателя) и 12% – рабочие (что ниже средней величины показателя почти в три раза).

Таким образом, низкий социальный и человеческий капитал родителей создает труднопреодолимый социокультурный барьер в социальной мобильности молодежи, формирует ситуацию неравенства жизненных шансов. Наличие значимого социального и культурного семейного капитала является существенным условием накопления человеческого капитала в современном обществе, которое перспективно с точки зрения достижения желаемой социальной позиции.

Выводы.

1. Современный мир находится на этапе становления новых экономического и технологического укладов, что создает серьезные проблемы для социума, в котором формируются новые основания стратификации, новые риски, новые системы конфликтов, а также происходит трансформация социальных институтов.

2. Эволюция индустриального общества привела к появлению нового типа общества – так называемого общества риска. Необходимость минимизировать социальные риски способствовала возникновению новых институтов – в первую очередь социального государства, которое и брало на себя функции устранения большей части непредсказуемых и хаотичных рисков. Система образования выступала в этом обществе в качестве социального лифта. Начало формирования постиндустриального общества поставило эти институты на грань серьезного кризиса.

3. Этот кризис приобретает сложные и противоречивые черты, так как сам процесс становления информационного общества достаточно противоречив, в нем сочетается переплетение десятков разноправленных процессов, протекающих с различной динамикой. Особую запутанность приобретает этот процесс в незападных обществах, в которых остроты постиндустриализма иногда сочетаются с развертыванием процессов рефеодализации социального пространства вследствие крушения структур индустриального общества.

4. Общество риска с чисто социологической точки зрения может быть лучше всего проанализировано на основе изучения процессов, идущих в системе образования, что, с одной стороны, связано с доступностью определенной статистической информации, а с другой – с тем очевидным фактом, что социальные и политические субъекты будущего – это нынешние школьники и студенты.

5. Общество риска находится в перманентно нестабильном состоянии, что не позволяет его членам адекватно планировать какие-либо жизненные стратегии. Это в значительной мере связано с нелинейностью процессов, происходящих в сложных открытых системах, где большую роль играют субъективные и случайные факторы.

Лоскутова И.М., Синяев М.В. Кризис института социального государства и образовательные стратегии в обществе риска. В современном мире происходит трансформация системы рисков, конфликтов и институтов. Смещение статусоназначющей функции из системы образования в систему занятости ведет к возрождению сословных критериев в распределении социальных шансов, т. е. к своеобразной рефеодализации социального пространства.

Ключевые слова: социальное государство, общество риска, образовательное пространство, социальный лифт, социальный капитал, социальное пространство.

Loskutova I.M., Sinyayev M.V. The crisis of the welfare state and educational strategies in risk society. In the modern world there is a transformation of the system of risks, conflicts and institutions. The shift of the status-assigning function from the education system to the employment system leads to the revival of class criteria in the distribution of social chances, that is a kind of social space refeodalization.

Keywords: social state, risk society, educational space, social lift, social capital, social space.

**Преподавателю социально-
гуманитарных дисциплин**

А.Ю. ШАДЖЕ
*доктор философских наук, профессор
Адыгейского государственного университета**

С.З. МАМИЙ
*руководитель отдела образовательных программ
Республиканской естественно-математической
школы в Адыгее***

Образование в условиях вызовов новой реальности

Постановка проблемы. Проблема образования в нашей стране актуализирована в современных условиях. Это вызвано рядом причин. После развала Советского Союза необоснованно была перечеркнута ценность образования и его роль в инновационном развитии страны. В процессе модернизации образования в России забытыми оказались социокультурные традиции воспитания и российский опыт образования, получивший мировое признание.

Еще сложнее обстоит дело с негативным воздействием глобализационных вызовов на образовательные процессы. Современная молодежь активно включена в виртуальный / цифровой мир, в котором происходит социализация, культурная идентификация, формирование вторичного Я в условиях неопределенности. В новой социокультурной среде растет цифровое поколение.

Важно отметить, что новая формирующаяся реальность требует совершенствования исследовательского инструментария образовательного процесса в рамках современной постнеклассической науки, поскольку ограниченность исследовательских методов классической и неклассической

* Шадже Асиет Юсуфовна, e-mail: shadzhe@maykop.ru

** Мамий Саида Заурбиевна, e-mail: sayamami@yandex.ru

науки не может отразить особенности открытых нелинейных систем, одной из которых является образование.

Цель данной статьи – рассматривая образование в синергетической парадигме, осмысливая опыт работы Республиканской естественно-математической школы в Адыгее, показать возможности математического образования в формировании у учащейся молодежи нелинейного мышления и познавательной гибкости. Методологическим основанием представленной статьи выступает междисциплинарность.

Особенность нового подхода к образованию. Современная система образования представляет собой сложную открытую систему, в которой разные уровни дополняют друг друга. Устойчивыми компонентами ее являются учитель и ученик. Ранее сложившиеся формы и методы взаимодействия между учителем и учеником оказались неэффективными в условиях современной сложности.

Новый подход к образованию с точки зрения синергетики называют пробуждающим обучением¹. Пробуждающее обучение характеризуют следующим образом. Современное обучение в школе и вузе – это не передача знаний как эстафетной палочки. Это синергичная связка учителя и ученика, это творчество учителя. Это такая нелинейная ситуация, когда учитель и ученик начинают в процессе совместной активной работы жить в одном темпомире.

Проблема образования в синергетическом контексте представляет собой самообразование в сложной системе «учитель-ученик», которая должна найти свое саморазвитие. Как известно, по словам даосистов, хорош тот правитель, который управляет как можно меньше. Переформулируя мудрость Востока, можно сказать, что хорош тот учитель, который поучает как можно меньше. Главное – овладение способами пополнения знания, способами самообразования. Это возможно в нелинейном диалоге.

Нелинейный диалог между учителем и учеником представляет собой открытый диалог в процессе обучения. «Это создание творческих условий, при которых становятся возможными процессы порождения знаний учителем. Он не только задает вопросы, ответы на которые ему известны. Учитель ставит проблемы, чтобы начать новое исследова-

¹ См.: Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Основания синергетики. Режимы с обострением, самоорганизация, темпомиры. СПб., 2002, с. 280-291.

ние, поиск креативности, чтобы ученик начал удивляться тайнам бытия и понял множество путей познания мира. Обучение становится интерактивным. Не только учитель учит ученика, но и ученик учит учителя... Учитель должен научиться видеть, что скрывается за учеником, и научиться понимать его»¹. В процессе обучения незнающий превращается в знающего, при этом изменяется и сам учитель.

В процессе обучения традиционно подразумевается управление обучением. Между тем пробуждающее обучение связано не с управлением, а с направлением саморазвития системы обучения: важно «подтолкнуть систему» и направить на самоуправляемое и самоподдерживаемое развитие. Синергетический подход к образованию стимулирует/пробуждает образование, формирует совместное инновационное поле учителя и ученика, в котором раскрываются талант и неординарное мышление. Результаты такой работы могут стать уникальными: в системе «учитель – ученик» происходит самораскрытие, неформальное сотрудничество может нацелить учителя и ученика на неожиданные инновационные открытия. Духовное и нравственное самосовершенствование человека, его «внутреннее преображение» обеспечат дальнейшее развитие системы «учитель – ученик» в условиях неустойчивости. В рамках современной науки синергетика предлагает новые методы обучения и новые методы исследования образовательного процесса. «Обучать нелинейно, т.е. обучать пробуждающими импульсами, синергетически, – значит воспитывать талантливых людей»².

Важно отметить, что такое сотрудничество формирует сложное/нелинейное мышление. Такое мышление открывает учителю и ученику новое миропонимание, мироощущение, формирует новые ценностно-мировоззренческие ориентиры. Совместное сотворчество учителя и ученика на основе новых образовательных методов направлено на творческий поиск ученика и на креативный подход к образованию учителя. Об этом свидетельствует практика работы Республиканской естественно-математической школы (РЕМШ) в Адыгее.

¹ Николаева Е.М. Синергетическая модель образовательного процесса // Синергетическая парадигма. Социальная синергетика. М., 2009, с. 510-516.

² Князева Е.Н. Пробуждающее образование // Синергетическая парадигма. Синергетика образования. М., 2007, с. 369-387.

*Опыт работы Республиканской естественно-математической школы в Адыгее*¹. Государственная бюджетная организация дополнительного образования Республики Адыгея «Республиканская естественно-математическая школа» является некоммерческой организацией, которая была создана для достижения образовательных, научных, социальных и культурных целей, направленных на удовлетворение духовных и иных нематериальных потребностей граждан в сфере образования. Директор школы Мамий Дауд Казбекович – кандидат математических наук, доцент, декан математического факультета Адыгейского государственного университета (АГУ). Школа была создана в 1998 г. как Республиканская физико-математическая школа при Адыгейском государственном университете. В 2015 г. она переименована в государственную бюджетную организацию дополнительного образования Республики Адыгея «Республиканская естественно-математическая школа». Обучение ведется по направлениям: математика, физика, астрономия, компьютерные науки, химия и биология в системе довузовской подготовки. В школе разработаны уникальные технологии многоуровневого углубленного получения знаний, позволяющие мыслить, удивляться многим вещам, найти им объяснение. «РЕМШ применяет уникальные формы работы, ориентированные на пробуждение у школьников интереса к математике как науке»².

РЕМШ является в республике основным центром по работе с математически одаренными учащимися и занимает в этой области одну из ведущих позиций на Юге России. При создании РЕМШ учитывался многолетний опыт Школы им. А.Н. Колмогорова по отбору и обучению талантливых школьников. Одной из основных особенностей РЕМШ является ее тесная интеграция с Адыгейским госуниверситетом.

Чему и как учат в РЕМШ? Какова творческая атмосфера в ней?

За 20 лет работы школа стала своеобразным знаком качества. Здесь занимаются более 1600 школьников. Устроить сюда своего ребенка мечтают дальновидные родители, потому что уверены: здесь не только к ЕГЭ подготовят, но и путевку в жизнь дадут. Опытные педагоги дают такие глубо-

¹ URL: http://remshagu.ru/Obshay_inf/istoriy_i_dostigeniy/ (дата обращения: 15. 04. 2018 г.).

² Мамий Д.К. Обучение математике в системе довузовской подготовки // Высшее образование в России, 2011, № 2, с. 91.

кие и фундаментальные знания, что выпускники с легкостью поступают в престижные вузы страны и успешно учатся в них. А в будущем трудоустройстве можно и не сомневаться¹.

«Однако какими бы ни были намерения родителей, если ребенку не нравится педагог или его методика, добиться результата не получится. Но тем и славится РЕМШ, что ее обожают сами ученики»². Секрет успеха у детей Д.К. Мамий не скрывает: «Мы создаем творческую атмосферу, в которой ребятам комфортно учиться. Это определяет контакт с педагогом. Мы строим систему образования так, чтобы, вернувшись домой, ребенок не просто выполнил заданное упражнение или решил задачу, а сделал это с удовольствием и интересом»³.

Руководитель РЕМШ считает, что свой стиль мышления в некоторой степени перенял у педагогов, повлиявших на его становление: отца К.С. Мамия, учителя математики Е. Волковой и научных руководителей в МГУ – В. Арнольда и А. Филиппова. «Это были великие учителя. Владимир Арнольд, выдающийся математик XX века, сформировал эстетическое отношение к математике. Он умел показать красоту математических образов. Эта наука в некоторой степени сродни искусству. Когда решаешь сложную задачу, получаешь эстетическое удовольствие. Эту красоту я стараюсь раскрыть и своим ученикам»⁴.

Времена строгих педагогов, запугивающих или подавляющих своих учеников, ушли в прошлое, уверен Д.К. Мамий. Сегодня, по его глубокому убеждению, учитель должен общаться со своими воспитанниками на равных, как с единомышленниками. Такого принципа руководитель РЕМШ придерживается сам, в таком духе работает и весь коллектив.

Важно отметить, что в функционировании системы «ученик – учитель» ведущая роль принадлежит учителю. Поскольку только он может направить развитие данной сис-

¹ URL// http://remshagu.ru/Obshay_inf/smi_o_nas/astro.php?ELEMENT_ID=734 (дата обращения: 05. 03. 2018 г.).

² URL// http://remshagu.ru/Obshay_inf/istoriy_i_dostigений/ (дата обращения: 15. 04. 2018 г.).

³ Там же.

⁴ Мамий Д.К. Математика в некоторой степени сродни искусству: когда решаешь сложную задачу, получаешь эстетическое удовольствие // Советская Адыгея, 2017, 27 октября.

темы. Именно в РЕМШ учительский коллектив направляет учеников и создает творческий дух.

«Я редко использую термин «одарённый ребёнок». Нельзя сказать о ребёнке, что он неодарённый. Может, недостаточно раскрыт потенциал, может, нет мотивации. Многое зависит от учителя. На мой взгляд, школа должна давать фундамент: хорошее математическое образование, которое учит ребёнка мыслить, хорошее знание языка и литературы, которые помогают эти мысли излагать»¹.

*Впечатляющие результаты работы школы*². В первом олимпиадном рейтинге, подготовленном сайтом «Olimpiada.ru» и Московским центром непрерывного математического образования ([http:// info.olimpiada.ru/article/583](http://info.olimpiada.ru/article/583)) Адыгея занимает второе место после г. Севастополя по количеству победителей и призеров Всероссийской олимпиады школьников на 100 тыс. человек за 2012-2016 гг. среди всех регионов Южного и Северо-Кавказского округов.

Плодотворное сотрудничество сложилось у школы со специализированным учебно-научным центром МГУ, Всероссийским детским центром «Орленок», где с 2005 г. при поддержке Министерства образования и науки РФ РЕМШ реализует проект «Всероссийская смена «Юный математик», и образовательным центром «Сириус».

Учитывая заслуги школы в подготовке учеников, Министерство образования и науки РФ включило РЕМШ в программы презентации российского математического образования на международных конгрессах по математическому образованию, которые состоялись в 2004, 2008, 2012, 2016 гг.

В 2013 г. создан Республиканский центр дистанционного образования, задачей которого является развитие и поддержка работы системы дистанционного образования в республике. Созданы элементы образовательной сети, включающей в себя: портал, содержащий образовательный контент по программам дополнительного образования; систему видеоконференцсвязи для проведения занятий в режиме видеотрансляции. Сетевое взаимодействие позволило консолидировать научные, образовательные, информа-

¹ Мамий Д. Сегодняшние школьники чересчур перегружены // <http://www.adigea.aif.ru/society/persons/1361713>

² URL// http://remshagu.ru/Obshay_inf/istoriy_i_dostigeniy/ (дата обращения: 15. 01. 2018 г.).

ционные и другие ресурсы для создания системы эффективной работы с учащимися.

Таким образом, опыт работы школы, кадровый потенциал, впечатляющие результаты, образовательные ресурсы позволяют говорить с уверенностью о возможности успешной реализации еще одного большого инновационного проекта «Сириус-Адыгея».

Опыт работы школы получает поддержку в России. На совместном заседании Президиума Совета ректоров вузов Юга России и Ученого совета Южного федерального университета (апрель 2018 г.) принято решение о создании в рамках консорциума «Научно-исследовательская деятельность вузов Юга России» Южно-Российской математической платформы на площадке Адыгейского государственного университета в партнерстве с Южным федеральным университетом. Цель – распространение лучших практик математического образования, повышение эффективности научных исследований в области фундаментальной и прикладной математики с участием вузов консорциума.

Как отмечает доктор социологических наук, профессор Р.Д. Хунагов, тот факт, что среди шести российских вузов, выигравших в конце прошлого года гранты на право открытия научно-образовательных математических центров, сразу два университета из одного федерального округа – Южный и Адыгейский, свидетельствует о наличии в этом регионе страны серьезного научного потенциала в области математики. В Адыгейском госуниверситете также действует уникальная система поиска и поддержки юных математических талантов. Создание Южно-Российской математической платформы позволит не только использовать наработанный опыт, но и привлечь к научным исследованиям в актуальных областях математики ученых ближнего и дальнего зарубежья. Пример состоявшейся в марте в Адыгее III Кавказской математической олимпиады школьников показал, что на Кавказе и в странах Причерноморья подрастает сильное поколение математиков. Среди победителей наряду со школьниками из Южного и Северо-Кавказского федеральных округов были ребята из Болгарии¹.

¹ См.: Выступление Хунагова Р.Д. на совместном заседании Президиума Совета ректоров вузов Юга России и Ученого совета Южного

Некоторые выводы. Проанализировав особенности синергетического подхода к обучению, мы предлагаем следующее.

1. Условия формирующейся новой реальности и глобальные вызовы современности диктуют необходимость новых методов в обучении. В этой связи представляется целесообразным обратиться к синергетическому подходу. Устойчивым компонентом сложной системы «учитель – ученик» выступает учитель.

2. Опыт работы Республиканской естественно-математической школы в Адыгее показывает эффективность пробуждающего образования, формирование нелинейного мышления. Главное здесь – пробудить интерес к знаниям. Познание ведет к осмыслению, осмысление к пониманию, а понимание выходит на практическое воплощение в жизнь.

3. Пробуждающее образование нацелено на формирование личности нового типа и нелинейного мышления у учащихся. В синергетическом контексте проблема образования предстает как междисциплинарная стратегия, как интеграция естественнонаучного и гуманитарного образования. Формирование духовности происходит на основе математического образования, которое осуществляется на принципах простоты, красоты и эвристичности.

4. Механизм развития образовательного процесса в новых условиях заключается в сочетании «мягкого воздействия» на систему «учитель – ученик» и ее направления. Нелинейное обучение может стать основой синергетической модели образования и одним из способов прогнозирования образования в будущем.

Шадже А.Ю., Мамий С.З. Образование в условиях вызовов новой реальности. В статье рассматривается необходимость синергетического подхода к образованию в условиях новой реальности. Анализируя систему «учитель – ученик», авторы обращаются к «пробуждающему обучению», «открытому/нелинейному диалогу» между учителем и учеником. На примере опыта работы Республиканской естественно-математической школы (РЕМШ) в Адыгее показаны возможности математического

образования в формировании у молодежи нелинейного мышления и познавательной гибкости.

Ключевые слова: междисциплинарность, синергетика, система «учитель – ученик», обучение и воспитание, пробуждающее обучение, нелинейный диалог, креативность

Shadzhe A.Yu., Mamiy S.Z. Education in the conditions of the challenges of new reality. This paper considers the necessity for a synergetic approach to the education in the context of new reality. The authors analyse "the teacher - the pupil" system and turn to "the awakening training" and "open/nonlinear dialogue" between the teacher and the pupil. Using experience of the Adygeya Regional School of Mathematics and Natural Science (AR SMNS) the authors show possibilities of mathematical education in formation of youth's nonlinear thinking and cognitive flexibility.

Keywords: interdisciplinarity, synergetics, "the teacher – the pupil" system, education and upbringing, awakening training, nonlinear dialogue, creativity.

А.В. ГАЛУХИН
*кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры истории и философии
Российского экономического университета
им. Г.В. Плеханова**

Концепция форм знания П. Хирста: когнитивно- эпистемическая матрица общего образования

Развитие комплексных исследований в области эпистемологии, философии сознания и философии языка, проводившихся с начала XX в. на стыке континентальной и аналитической философских традиций, определило особый тематический вектор философии образования¹, который обозначился в изучении когнитивных аспектов, эпистемологического содержания и дискурсивно-языкового формата различных образовательных практик². Ассимиляция результатов аналитических исследований по вопросу о взаимосвязи языка, мышления и знания позволила с новых позиций подойти к осмыслению телеологии *образования в таком ее ключевом аспекте, как ориентация на формирование знаний, развитие мышления, языковых компетенций и когнитивных способностей в целом*. В аналитической философии образования выработывались подходы для эпистемологически основательного решения проблемы построения концепции образования и разработки дисциплинарно профилированных образовательных программ на основе субстратного анализа ***различных форм знания и понимания*** и изучения соответствующих им ***типов рациональности***.

* Галухин Андрей Владимирович, e-mail: mystolbard@gmail.com

¹ Мамедова Н.М. Образование в зеркале культуры // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Философские науки, 2016, № 2(18), с. 20-25.

² Randall C., Robertson E. and Hager P. The Analytical Movement // A Companion to the Philosophy of Education. Blackwell Publishing Ltd., 2003, p.176-191.

Систематическая проработка эпистемологических основ образования осуществлялась усилиями целого ряда философов, которые внесли значительный вклад в развитие философии образования как аналитического проекта¹:

- Р. Питерс разработал концепцию образования как процесса инициации – приобщения индивида к социально выработанным формам знания и мышления, обладающим самостоятельной ценностью и представляющим культурное наследие, транслируемое в процессе образования²;

- И. Шеффлер раскрыл конструктивные возможности определения целей, методов и практик образования на основе идеала рациональности, который включает в себя не только формальные и инструментальные принципы, но ценностные установки и целевые определения – задачи культивирования рациональности на уровне когнитивном (критическое мышление и самосознание) и практическом (ценностно мотивированное действие)³;

- Ф. Феникс трактовал образование как процесс развертывания и ассимиляции сущностно-смысловых структур – типов значений, т.е. сематических интенций, реализуемых в различных способах понимания (универсумы символических, эмпирических, эстетических, синэтических, этических, синоптических значений выделяются на основе анализа различных типов мышления и форм сознания);

- П. Хирст разработал эпистемологически ориентированный подход, основанный на принципе анализа понятия образования в терминах различных форм и областей знания, и рассматривал образование как процесс формирования базовых когнитивных структур, обеспечивающих понимание индивидуального и социального опыта на основе овладения концептуальными схемами и символизмами, заложенными в определенной форме знания⁴.

¹ *Галухин А.В.* Конструктивный потенциал аналитической философии образования и перспективы развития дискурсивных практик общества знания // Актуальные проблемы контекстуального анализа ситуационно-регионального многообразия социального развития России в XXI веке: Сб. научн. ст. по итогам Международного круглого стола. М., 2017, с. 196-203.

² *Peters R.S.* Education as initiation // Archambault, Reginald D. (eds.) *Philosophical analysis and education*. N. Y. 2010, p.59-75.

³ *Scheffler I.* *Reason and Teaching*, Indianapolis, 1973.

⁴ *Hirst P.H.* *Knowledge and the curriculum. A collection of philosophical papers*. London and Boston, 2010.

Введение философии образования в пространство эпистемологического дискурса наметилось еще ранних работах П. Хирста, где в некоторой преемственности с работами Р. Питерса развивалась идея общего или «свободного» образования (“liberal education”) – образования, основной целью которого являются непосредственно передача и обретение знаний. В свое время античные мыслители связывали с таким образованием эффекты высвобождения (высвобождение ума для действия сообразно своей подлинной природе, освобождение разума от ошибок и заблуждений, освобождение человека от форм неправильного поведения). В обосновании классической концепции общего, или «свободного» образования обозначились позиции, индуцирующие понимание собственной ценности знания, не только теоретической, но и практической:

- такое образование мотивировано интенцией на истину, а не на изменчивые мнения и сомнительные убеждения и не на временные ценности, без установки на истину как инвариантную ценность знание не достигается;

- образование, концепция которого предполагает, что знание само по себе является добродетелью, имеет значение для человека как практика, посредством которой развиваются его способности и достигается умственная самореализация, что нельзя оценить на основе утилитарных или профессиональных соображений;

- поскольку обладание знанием конститутивно значимо для жизни, исполненной смысла и достоинства, постольку образование, ориентированное на трансляцию и усвоение знаний, вносит вклад в формирование понимания того, как человеку следует выстраивать собственную жизнь в ее индивидуальном и общественном измерениях¹.

Концепция общего образования выражала объективную потребность в таком образовании, определение и обоснование программы которого не зависит от «склонностей обучающихся, социальных запросов или прихотей политиков», а строится исключительно на основе понимания «природы и значения знания самого по себе»². Ограниченность классической концепции «свободного» образования проявляется в том, что в ней воплощается интеллектуалистический

¹ Ibid., p. 23-24.

² Ibid., p. 24.

подход, который имплицитно выделяет определенный тип рациональности, допуская утверждение приоритетности одних форм знания (таких как «теорейя») за счет других, а также рассматривает образовательную практику в отрыве от контекста других социальных практик, абстрагируя систему значений (включая значение терминов «истина», «знание») от их основы – систем отношений или «языковых игр», в которых эти значения конституируются. Однако именно размышления над условиями «свободного» образования, нацеленного исключительно на развитие знания и разума в их субстанциальной значимости, оказались продуктивными в плане исследования эпистемологического фундамента образовательной практики.

Программная ориентация на *анализ понятия образования в терминах различных форм знания* определяется обоснованием общего концептуального положения, что «образование объективно детерминировано по объему, структуре и содержанию (образовательных программ. – Авт.) формами знания самими по себе и их гармоничными, иерархическими взаимосвязями»¹. Реформирование понятия общего образования предполагает критический пересмотр эпистемологических и метафизических доктрин, поддерживавших принцип иерархической организации форм знания, последние должны выделяться на основе их собственных логических характеристик, с учетом которых можно провести полиморфические различия в структуре эпистемических формаций, «гармонизировать» формы знания и определить систематику образования. Таким образом, философия образования приобретает специализированный профиль, поскольку ее теоретическая часть включает проект эпистемологического исследования, в предметный план которого *входит обоснование различия форм знания, выявление их специфики и взаимосвязи на основе использования концептуальных, логических и методологических критериев, определяемых в рамках общей философской теории, демонстрирующей взаимозависимость знания, мышления и языка в контексте публичных форм жизни*. Имплементация результатов эпистемологического анализа для разработки концепции образования предполагает установление связей между различными формами знания, с одной стороны, и

¹ Ibidem.

специфическим содержанием образовательных программ, с другой – а также между принципами соотношения форм знания и общими принципами построения образовательного процесса.

Смысл общего образования, программа которого формируется на основе выявления специфики форм и областей знания, раскрывается на основе общего положения, что *«приобретение знаний является логически базисной формой развития рационального ума»*¹, которое следует понимать в смысле развитого сознания, представляющего фокус различных способностей *разумения* вещей – способностей придания содержанию опыта всеобщей интеллигибельной формы. Положение, связывающее концепт знания с понятием умственного совершенства, достигаемого посредством овладения формами знания, выступает осмысленным в рамках парадигмы, которая задает понимание знания в широкой (культурно-компетентностной) и специальной (когнитивно-деятельностной) перспективах:

- в широком смысле знание трактуется как достояние ума культурно развитого человека, прошедшего «инициацию», т.е. подключенного к социальным практикам – публичным формам жизни²;

- в когнитивно-деятельностном аспекте значение активности, направленной на формирование знаний, определяется тем, что эта активность, развернутая в формах образовательной практики, предполагает овладение знанием как формой деятельности: «приобретение знаний в какой бы то ни было области включает овладение комплексом взаимосвязанных понятий, приобретение умения совершать операции с ними, развитие понимания специфических критериев истинности или обоснованности, ассоциированных с этими концептами, а также постижение более фундаментальных критериев мыслительной работы, которые являются общими для всех областей знания»³.

В этой перспективе общие задачи и специальные профили образования определяются исходя из различия и взаимосвязи форм знания и элементов когнитивных структур, которые актуализируются в различных формах дея-

¹ Ibid., p.20.

² Hirst P.H. The nature of educational aims // Marples R. (ed.) The aims of education. L., 1999, p. 124-132.

³ Hirst P.H. Knowledge and the curriculum, p. 19.

тельности, требующих рационально-осмысленного отношения. Распознавание и выделение различных форм знания является ключевым моментом рационалистической реконструкции *когнитивной сферы сознания*, которая формируется и развивается в процессе последовательного овладения основными *понятиями, принципами суждения и символизмами*, заложенными в той или иной форме знания. Аналитическая экспозиция схем умственного развития производится на основе разработки общего представления о «прогрессивной дифференциации в человеческом сознании» различных «когнитивных структур»¹, каждой из которых соответствует специфическая форма знания с присущим ей способом оперирования понятиями и символами, в котором усматривается уникальное выражение человеческой рациональности.

Формы знания определяются Хирстом как «выработанные человеком комплексные способы понимания опыта, которые являются публично специфицируемыми (т.е. допускают определение в конвенционально-общезначимых терминах, значение которых задано общественной практикой. – *Авт.*) и которые приобретаются посредством обучения»². Развитые формы знания, в представлении П. Хирста, обладают рядом взаимосвязанных характеристик, которые являются критериально значимыми для того, чтобы эти формы выделять и различать исходя из специфики комплицированных в них когнитивных структур, позволяющей придавать им значение самостоятельных дисциплин:

«(1) Каждая из них содержит некоторые главные понятия, которые являются специфически характерными для данной формы. Например, таковы понятия притяжения, ускорения, водорода, фотосинтеза, которые используются в естественных науках; понятия числа, интеграла, матрицы в математике; понятия Бога, греха и предопределения в религии; понятия должного, добра и зла в знании о морали.

(2) В границах конкретной формы знания эти и другие понятия обозначают... определенные аспекты опыта, они формируют сеть возможных отношений (систему понятий – *Авт.*), в которой опыт только и может быть понят. Благодаря этому форма имеет различимую логическую структуру. На-

¹ Ibidem.

² Ibid., p. 29.

пример, термины или высказывания механики могут быть осмысленно связаны только строго определенным образом, и то же самое можно сказать применительно к историческому объяснению.

(3) Форма знания в силу значимости специфичных для нее терминов и логики позволяет продуцировать выражения или высказывания (представляющие, возможно, ответы на вопросы определенного вида), которые тем или иным способом, независимо от того, каким бы непрямым он ни был, могут быть проверены на опыте, что предполагает применение тех особенных критериев, которые характерны для данной формы.

(4) Формы включают развитые особенные техники и навыки исследования опыта и проверки соответствующих им выражений, например, техники естественных наук и различных словесных искусств. Благодаря этому происходит накопление всего символически выраженного знания, которое запечатлено в наших искусствах и науках»¹.

Согласно таксономии, предложенной Хирстом, «все знание и разумение является логически локализованным в нескольких областях», в ряду основных форм знания, представляющих базовые дисциплины, выделяются «математика, естественные науки, гуманитарное знание («knowledge of persons»), литература и изобразительные искусства, мораль, религия и философия»². Как замечает У. Бартли, дисциплинарная таксономия знания была разработана Хирстом не в результате систематического исследования актуального состояния наук и осмысления положения в различных областях знания, а скорее всего на основе усвоения и переработки идей «позднего» Витгенштейна³. И, действительно, тенденция к отождествлению форм знания как дискурсивных образований с «языковыми играми» Витгенштейна так или иначе прослеживается в работах Хирста⁴. Хирст допускает, что данная таксономия логически различных форм знания не является окончательной и может быть предметом дальнейшего обсуждения и фор-

¹ Ibid., p. 33-34.

² Ibid., p. 19.

³ *Bartley W.* The division of knowledge // The Twelfth International conference on the Unity of Sciences. Chicago, Illinois. November 24-27, The International cultural foundation, Inc. 1983, p. 7.

⁴ *Hirst P.H.* Knowledge and the curriculum, p. 62, 120.

матирования; выделение различных форм знания не исключает того, что содержание этих дисциплин может формироваться на основе частично совпадающих концептуальных структур и моделей правильного рассуждения; однако в плане особенных стандартов рациональности, т.е. специфических для данной области принципов рационального суждения, «каждая структура включает элементы, которые нельзя редуцировать к элементам другой структуры»¹.

Систематика форм знания задает принцип структурности целерационального содержания образовательного процесса: «все понятия, истины, нормы, принципы, критерии, все достижения в сфере умственного развития, в которых мы заинтересованы, имеют соответствующее основание в этих структурах, и даже те элементы, которые являются общими для различных областей, имеют значение только в составе этих структур»². Так обосновывается необходимость разрабатывать концепции и модели образования, исходя из специфики и взаимосвязи элементов в составе сложившихся и развивающихся структур мышления и познания, которые представлены в той или иной форме знания. Помимо форм знания, представляющих самостоятельные дисциплины, Хирст выделяет междисциплинарные эпистемические массивы, которые он обозначает как «области знаний» (“fields of knowledge”): такие области образуются посредством «составления знаний», которые относятся к более чем одной дисциплине, в фокусе отношения к «специфическим объектам или феноменам, или же практическим задачам»³. К числу таких междисциплинарных областей относится, например, география, представляющая поле исследований, предмет которых – отношение человека и внешней среды, а также инженерное дело и др. Эпистемические образования такого типа, в отличие от форм знания, не заключают в себе условий обоснования или удостоверения логически определенного типа выражений и не обеспечивают структурирование опыта на основе особенных концептуальных схем, но скрепляются самим предметом, вокруг которого складывается массив знаний, относящихся к различным дисциплинам.

¹ Ibid., p.19.

² Ibid., p.19-20.

³ Ibid., p. 35.

Таким образом, *фундаментальная интенция на активное освоение различных форм и областей знания закладывается в принцип базовой целеориентации программ образования*: «программы образования должны быть построены таким образом, чтобы у обучающихся вырабатывалось насколько возможно более полное представление о взаимосвязанных аспектах каждой из базовых форм знания, каждой из самостоятельных дисциплин. И они должны разрабатываться с прицелом на то, чтобы охватывать в какой-то мере целостный массив знаний»¹. Овладение формами знания предполагает развитие определенных «способностей и качеств ума» (Хирст выделяет не только способность к вынесению суждений и рациональному мышлению, но и «творческое воображение», и даже «коммуникативные навыки»²), которые являются специфичными для символически (в языке) или практически закрепленного способа уразумения (структурирования) опыта, поскольку каждый такой способ индуцируется конкретной формой знания. Формирование когнитивных структур, сообразных определенной форме знания, предполагает, прежде всего, усвоение фиксированных в языке базовых *концептуальных схем*, применение которых делает содержание опыта – как индивидуального, так и социального – вразумительным, т.е. *артикулируемым, выверяемым* (допускающим оценку по общезначимым критериям) и *сообщаемым*. В этом смысле даже проявления индивидуального сознания, включающие элементы перцептуального опыта, интеллектуальной активности и эмоционального переживания, являются понятными – доступными разумению (как собственному, так и со стороны других людей) в той мере, в какой для их артикуляции используется определенный *концептуальный аппарат*, развернутый через систему *общезначимых символов*. Теория активной эпистемической «инициации» – проработки ума в определенной форме знания – связывает *способ придания значения содержанию опыта с овладением концептуальной схемой* – системой базовых понятий, которые можно использовать для осмысления определенного типа деятельности (познавательной, коммуникативной, практической), а владение понятиями неотделимо от *знания кри-*

¹ Ibid., p. 35-36.

² Ibid., p. 29.

териев их правильного применения и умения их применять (например, для оценки пропозициональных установок) в релевантном контексте.

В рамках эпистемологического дискурса обосновывается конгениальное положение о том, что в условиях возможности раскрытия аспектов значения высказываний необходимо входит использование концептов, которое осуществляется на основе общезначимых критериев, выступающих критериями оценки истинностного статуса пропозиций, образующих предметное содержание знания: «...все аспекты значения подразумевают необходимость использования концептов, и то, что вообще можно было бы назвать значением, существует только благодаря концептуализации. И никакие концепты не могут служить основой общего значения, если нет критериев их использования. Но критерии для применения концепта, например, “х”, являются просто критериями истинности высказываний, в которых утверждается, что нечто есть “х”. Посредством этой цепочки отношений, когда значение предполагает необходимость концептов, а концепты – необходимость критериев их применения, а критерии применения являются критериями истинности пропозиций или высказываний, понятия значения и истинных пропозиций, и, следовательно, понятия значения и знания, оказываются логически связанными»¹.

Хирст представляет данную концептуально-аналитическую модель в качестве методологической основы для выделения *различных типов знания*, прежде всего – для проведения различий в области пропозиционального знания («знания о том, что»). Общая схема его рассуждений состоит в следующем: различие между типами знания можно провести по такому основанию, как характеристики различных типов объектов знания, рассматриваемых в их логическом значении, а именно – в качестве истинных пропозиций; классификация истинных пропозиций должна производиться на основе их характеристик, представляющих логически необходимые условия определенности статуса этих пропозиций; в качестве таких условий выделяются: (а) понятия, надлежащим образом связанные в логическую структуру, позволяющую сформировать пропозиции, и (б) критерии для оценки истинностного значения пропозиций; таким образом,

¹ Hirst P.H. Knowledge and the curriculum, p. 48.

для проведения логического различия между типами знания необходимо установить области различия концептуальных систем и критериев истинности¹. Поэтому овладение формой знания, представляющей определенный способ понимания опыта, не ограничивается формированием концептуальных матриц, задающих структуру знания, мышления и понимания, но предполагает также усвоение всеобщих принципов логической комбинации понятий и общезначимых критериев их правильного применения: пропозициональное знание («знание о том, что») на концептуально-базисном уровне предполагает практическое знание («знание-как»), о чем речь пойдет ниже.

В условия формирования, выражения и сообщения пропозиционального знания необходимым образом входит использование знаково-символической системы, т.е. языка. Конститутивно значимым моментом экспликации понятия формы знания является положение о *фундаментальной роли языка в символической объективации опыта*, создающей условия для осмысления содержания опыта на основе общезначимых категорий, к числу которых относится, например, категория истины. Все знание является, хотя бы в принципе, выразимым в определенного рода символах, иначе истинностные оценки не имели бы необходимого для них характера *общезначимости*. Именно в языке закрепляются концептуальные схемы, обеспечивающие понимание опыта в терминах, значение которых задается из перспективы *интерсубъективных* – преимущественно языковых практик, осуществляемых в горизонтах *общего мира*: «Объективация опыта является возможной, потому что распознаются общепринятые критерии использования терминов, даже если эти критерии никогда не получают эксплицитного выражения»². Форма знания индуцирует определенный способ концептуализации – придания интеллигибельной структуры содержанию опыта на основе использования комплекса базовых понятий, систематически интегрированных и закрепленных в логическом аппарате языка; овладение системой понятий, сопряженное с усвоением критериев их применения, предполагает формирование языковых компетенций – способностей понимать и применять

¹ Ibid., p. 45.

² Ibid., p. 30.

общезначимые логические, семантические и прагматические критерии, связывающие значение и истинность и задающие правила использования языковых выражений. *Форма знания* закрепляется в системе знаков, имеющих конвенционально установленное значение и общественно выработанные критерии применимости, и *овладение языком*, воплощающим концептуальную схему, является условием придания способу понимания опыта *интерсубъективного статуса*, в процессе использования языка *формируется понимание опыта на основе символических кодов, которые являются общезначимыми, поскольку выработаны в социальной практике и применяются в рамках публичных форм жизни*: «какими бы ни были private формы сознания, именно посредством символов, особенно языковых, концептуальная артикуляция (содержания опыта. – Авт.) становится объективируемой, поскольку символические выражения выступают общезначимой формой воплощения концептов. Вследствие этого разные люди могут достигать понимания как внешнего мира, так и собственных private состояний сознания одним и тем же способом, усваивая общие концептуальные схемы посредством развития способности использовать символы одинаковым образом»¹.

Таким образом, обоснованное Витгенштейном положение о том, что владение языком имплицитно вовлеченность в *публичные формы жизни*, интегрируется в основание эпистемологической теории, ассоциирующей формы знания с различными когнитивными структурами и демонстрирующей, что операционализация последних, предполагающая использование языка, зависит от *общезначимых критериев*, имеющих *социально-практический базис*. Каждая форма знания воплощает особенный тип рациональности, который получает выражение на уровне принципов построения концептуальной системы и принципов оперирования концептами при формировании, тестировании и использовании пропозиционального знания. Критики небезосновательно отмечали, что ассоциация рациональности с определенными формами знания в случае редукционистского истолкования может привести к догматизму (построению концепции рациональности на основе выделения сложившихся форм рационализации того или иного вида деятельности) и реля-

¹ Ibid., p. 30.

тивизму. В частности, У. Бартли заметил, что концепции форм знания Хирста когерентно предположение, что «существуют дисциплины или “формы знания”, в которых стандарты логики и науки, главные инструменты рациональности, должны быть вынесены за рамки: такие именно дисциплины и практики, которые по сути своей не подлежат суждениям с позиций логики и наук»¹.

Хирст со своей стороны предлагает своеобразный трансцендентально-дедуктивный аргумент: признание значения фундаментальных принципов, соответствие которым является критерием рациональности какого-либо знания или деятельности, удостоверяется уже самой постановкой проблемы оценки той или иной активности или формы знания на предмет их рациональности. Иными словами, осмысленно ставить вопрос о рациональной оправданности какой бы то ни было формы деятельности можно только при условии вполне актуальной ориентации на поиск рационального знания. Следовательно, «требование обоснования для деятельности, нацеленной на получение рационального знания, само по себе предполагает определенную форму стремления к тому, что требуется обосновать. Обоснование возможно только при условии того, что то, что подлежит обоснованию, является доступным пониманию на основе значимых для всех понятий и доступным оценке на основе общепринятых критериев. Оно предполагает признание значения этих двух принципов. Но эти же самые принципы являются фундаментально значимыми для получения знания во всех его формах...»². Формы знания с позиции этого трансцендентально-дедуктивного аргумента можно квалифицировать как **дисциплины**, в которых универсальные принципы рациональности, ассоциированные в первую очередь с общезначимыми критериями применимости понятий и общепринятыми критериями оценки, получают предметно специализированную проработку и методологически особенное выражение, с которым соотносится профиль когнитивных структур, формируемых на основе развертывания той или иной формы знания.

¹ *Bartley W.* The division of knowledge // The Twelfth International conference on the Unity of Sciences. Chicago, Illinois. November 24-27, The International cultural foundation, Inc. 1983, p. 73-74.

² *Hirst P.H.* Knowledge and the curriculum, p. 32.

Формы знания, обеспечивающие понимание опыта на основе концептуальных структур, закрепленных в языке, *динамически развиваются*, и этот процесс можно представить как прогрессивное развитие серий проверяемых символических выражений, посредством которых содержание опыта раскрывается в интеллигибельной форме, т.е. как прогресс в уразумении опыта, совпадающий с прогрессом в развитии сознания: благодаря «расширению и уточнению использования символов» становится возможным представить индивидуальный опыт в перспективе «более основательного структурирования и более полного понимания»¹, которое выстраивается в русле диспозиций и стандартов, представляющих артефакты общественной жизни. По мере актуализации в сознании субъекта символически выраженных форм знания, которые должны усваиваться не абстрактно, но вместе с *историей их образования*, индивидуальный опыт становится все более концептуально внятным и пропозиционально содержательным, т.е. приобретает такую *интеллигибельную форму*, которая, с одной стороны, делает его *сообщаемым и выверяемым* – тестируемым относительно необходимых условий знания (когерентности и истинности) и сложившихся форм социальной практики, а с другой – доступным принципиально *новым способам понимания*, именно на эти достижения ориентировано общее образование.

Однако размышления Хирста над условиями активного овладения формами знания и экспликация принципа транслируемости знаний в процессе образования выходят за рамки той парадигмы эпистемологического анализа, в которой получили выражение тенденции *лингвистического редуccionизма*, характерные для классической аналитической философии. В этой парадигме смешиваются две перспективы: фундаментальное значение пропозиционального знания, обоснованное в рамках классической эпистемологии, раскрывается исходя из обоснованного в традициях аналитической философии утверждения универсальности языковых средств развития, артикуляции и трансляции знания как такового, – собственно, в результате такого смешения редуцируется собственное значение *практического знания* – «знания-как», понятие о котором было реанимиро-

¹ Ibid., p.33-34.

вано в работе Г. Райла¹. Знание-как в смысле умения (включая умение пользоваться аппаратом языка и мышления) выделяется наряду с пропозициональным знанием и представляет уникальный вид базовых компетенций, формирование которых предполагает усвоение практически закрепившихся образцов и способов действия. В концепции Хирста понятие формы знания приобретает *операциональный* статус: так, форма пропозиционального знания может быть эксплицирована актологически, т.е. исходя из заключенного в ней способа деятельности. Для мыследеятельной актуализации пропозиционального знания необходимо развитие способностей, таких, например, как умение оперировать символами, применять концепты, строить рассуждения, используя логический аппарат, применять критерии для оценки истинности пропозиций, – все эти способности, по мысли Хирста, включают некоторые элементы практического знания, которые не подлежат вербализации, но представляют непосредственно операционализируемые и коммуницируемые образцы мастерства. Такие элементы присутствуют в каждой из форм знания: «Искусство научного исследования и проведение надлежащих экспериментальных проверок, формирование исторического объяснения и оценка его истинности, оценивание стихотворного произведения: все эти деятельности представляются видами искусства, которые сами по себе не передаются просто словами»².

Таким образом, *приобретение знаний любой формы не может осуществляться только на основе преимущественного изучения символических выражений знания*, но предполагает также интерактивную деятельность, в процессе которой формируется практическое знание, находящееся в функциональном отношении к символически объективированным видам пропозиционального знания. Именно потому, что в условия овладения формами знания входит освоение определенных форм деятельности, включая развитие умений, применяемых в различных типах дискурса, а также «формирование высоких стандартов критического мышления, удовлетворяющих комплексным критериям»³, и потому, что приобщение субъекта к различным формам знания

¹ Ryle G. The concept of Mind. N. Y., 2009, p. 28-33.

² Hirst P.H. Knowledge and the curriculum, p. 34.

³ Ibid., p. 36.

позволяет ему выработать особенные способы понимания опыта, которые можно выверять по общезначимым стандартам и развивать, эти формы определяются как *дисциплины, формирующие сознание человека*.

Таким образом, концепция общего дисциплинарно-эпистемического образования формируется на основе осмысления фундаментальной связи между знанием, с одной стороны, и развитием умственных способностей (в смысле способностей к уразумению индивидуального и общественного опыта) как аспекта формирования сознания человека, – с другой. Для обоснования фундаментального положения о том, что посредством овладения различными формами знания осуществляется развитие ума (способностей к уразумению опыта на основе концептуальных структур, закрепленных в языке), привлекаются ресурсы философской теории, в рамках которой производится экспликация понятия формы знания, раскрывается значение символических систем для придания содержанию опыта умопостижимой формы, соответствующей публично значимым критериям, прослеживается зависимость конфигурации когнитивных и коммуникативных способностей субъекта от теоретической и практической «инициации» в определенной форме знания, т.е. тематизируются условия обращения знания в форму сознательной деятельности и ориентирования человека в сложном, многомерно открытом мире.

Галухин А.В. Концепция форм знания П. Хирста: когнитивно-эпистемическая матрица общего образования. В статье рассматриваются условия использования теоретических ресурсов и методов аналитической эпистемологии для исследования когнитивно-эпистемических аспектов образовательного процесса; эксплицируется содержание исследовательской программы Пола Х. Хирста, нацеленной на анализ понятия образования в терминах различных форм и областей знания, определяющих дисциплинарный профиль образовательных практик. Раскрываются философские основания концепции общего образования как формирования базовых когнитивных структур, обеспечивающих понимание индивидуального и социального опыта на основе овладения концептуальными схемами и символизмами, заложенными в определенной форме знания.

Ключевые слова: аналитическая философия, философия образования, общее образование, формы знания, пропозициональ-

ное знание, когнитивные структуры, понимание опыта, язык, концепты, рациональность.

Galukhin A.V. P. Hirst's conception of forms of knowledge: cognitive and epistemic frameworks of a liberal education. This paper considers the case of using theoretical resources and methods of analytical epistemology for the study of cognitive and epistemic aspects of the educational process. Such an approach is exemplified in Paul H. Hirst's research program which is focused on the analysis of the concept of education in terms of various forms of knowledge determining disciplinary profiles of educational practices. In this context the author reveals philosophical implications of the idea of liberal education and makes account of Hirst's thesis that mastering the conceptual schemes and symbols inherent in a certain form of knowledge is necessary for the formation of basic cognitive structures which enable an understanding of individual and social experience.

Keywords: analytic philosophy, philosophy of education, liberal education, forms of knowledge, propositional knowledge, cognitive structures, understanding experience, language, concepts, rationality.

Е.Ю. НОВИКОВА
доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры истории и философии
Российского экономического университета
им. Г.В. Плеханова*

Отчуждение в труде как междисциплинарная проблема

Отчуждение как феномен исследован в философии достаточно подробно. Актуальность анализа этого явления обусловлена новыми формами его распространения в современном мире и в российском обществе.

Правомерно выделить несколько подходов к пониманию отчуждения. Во-первых, это рассмотрение отчуждения как процесса, связанного с природными и социальными качествами человека. Культура, достижения науки и искусства могут приводить к разрушению естественных начал человека, деформации естественных взаимосвязей между людьми¹.

Во-вторых, отчуждение нередко трактуется в аспекте выхолащивания содержания общественных норм, которые господствуют над человеком в обществе.

В-третьих, отчуждение рассматривается как расщепление первоначальной целостности личности, дихотомии «Я» и «не-Я»². Отделенность человека от природы и других людей приводит к потере системности деятельности, что представляет угрозу самоидентификации субъекта.

В-четвертых, отчуждение анализируется в аспекте ценностей и целей. Отчуждение выступает как служение чужим целям и смыслам, так как люди лишаются не только продуктов и орудий своего труда, но и понимания общей структуры и взаимосвязи процессов в производстве³.

* Новикова Елена Юрьевна, e-mail: Novikovaelena77@yandex.ru

¹ Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М., 1969, с. 62-66

² *Ивлева М.И.* Информационно-экологические ориентиры в концепции «трансубъективного» (на примере философии С.А. Аскольдова) // *Человеческий капитал*, 2014, № 12(72), с. 89-92.

³ *Алавердян А.Л., Гавриш В.Д., Галухин А.В.* Социальная философия в актуальном изложении. Белгород, 2018, с. 37-41.

Наиболее полная картина отчуждения дается в марксизме. Говоря об отчуждении, К. Маркс отмечал: «Родовая сущность человека – как природа, так и его духовное родовое достояние – превращаются в чуждую ему сущность, в средство для поддержания его индивидуального существования. Отчужденный труд отчуждает от человека его собственное тело, как и природу вне него, как и его духовную сущность, его человеческую сущность»¹. Человек отчуждается от других людей, его взаимоотношения с другими членами сообщества становятся враждебными, антагонистичными.

Отчуждение правомерно рассматривать как объект исследования многих наук – философии, психологии, медицины, психиатрии, эргономики. Полипарадигмальный подход создает множество ракурсов исследования этого явления. Так, в современных философских исследованиях отчуждение в труде связывается с анализом его мировоззренческого контекста, личностного смысла, служения обществу и близким людям. Еще одним аспектом философского исследования отчуждения в труде является внимание к социально-практическим качествам труда.

Отчуждение в труде, описанное на основе парадигм психологической науки, рассматривается в аспекте мотивов, направленности и структуры деятельности. Исследования показывают, что наличие творческих мотивов у субъекта труда способно приводить к трансформациям деятельности, направленным на преодоление негативных характеристик труда. Еще один подход к отчуждению целесообразно выделить в психологии управления, связывающей структуру трудовой деятельности с потребностью работника в самоуправлении и участии в управлении трудом, принятии решений, проявлении свободы и ответственности². Отчуждение в труде исследуется на основе парадигм психофизиологии. Феноменология отчуждения описывается через призму понятий «утомление», «синдром хронической усталости», «раздражительность», «напряженность», «стресс» в контексте общего психофизиологического статуса человека. Близкий подход к отчуждению можно проследить в ра-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 94.

² Психология управления: жизнестойкость личности и организаций / Отв. ред. Берзин Б.Ю. Екатеринбург, 2016.

ботах по ментальной эпидемиологии, где оно анализируется в системе биофизиологических, ментальных, поведенческих характеристик¹.

В настоящее время актуальной задачей является разработка методологических подходов к анализу отчуждения. Эмпирические работы свидетельствуют о трансформации мотивов труда в постперестроечный период. Снизилась значимость ценности добросовестного труда, чуткости и отзывчивости, честности в структуре мировоззрения, при этом возросла значимость умения приспособливаться, строить прагматичные отношения с «нужными» людьми. Отмечается значительное расхождение между идеалами труда и реальными возможностями на рабочем месте. Содержание труда и хорошие отношения с коллегами по-прежнему имеют большое значение, но их реализация затруднена. Почти треть рабочих не рассматривают в качестве значимой ценности пользу труда для общества, не стремятся повышать квалификацию, участвовать в управлении трудовым коллективом и в принятии решений, заслужить общественное признание². Отчуждение отмечается на уровне социальных характеристик труда, роста прекариата – работников с временной занятостью, фактически лишенных многих прав³.

Администрация без каких-либо оснований произвольно повышает трудовую нагрузку для преподавателей вузов, врачей, учителей, работников других сфер, в результате отчуждение захватывает даже интеллектуально насыщенные формы труда⁴. Одновременно указывается на возрастание психофизиологических показателей отчуждения⁵.

На наш взгляд, для анализа феномена отчуждения наиболее эвристичной является системно-синергетическая методология, применяемая в современной науке⁶. Согласно

¹ Сидоров П.И. Синдром Моббинга: ментальная экология деструктивного профессиогенеза // Экология человека, 2013, № 6, с. 33-41.

² Бессокирная Г.И. Изменились ли мотивы труда рабочих в постсоветской России // Социологические исследования, 2017, № 1, с. 94-105.

³ Тощенко Ж.Т. Прекариат – новый социальный класс // Социологические исследования, 2015, № 6, с. 3-13.

⁴ Железнякова С.И. Профессиональная культура современного педагога: базовые ценности и вызовы времени // Дискуссия. 2016, № 10(73), с. 72-78.

⁵ Бухтияров И.В., Рубцов М.Ю., Чесалин П.В. Валидизация оценки профессионального стресса у работников офисов // Экология человека, 2012, № 11, с. 20-26.

⁶ Мамедова Н.М. Социальная философия. М., 2011, с. 37-45.

системным принципам феномен отчуждения правомерно рассматривать как многоуровневое явление, затрагивающее психофизиологические процессы, поведение, социальные процессы, а также духовность, связанную с ценностным отношением к труду. Такой подход в целом соответствует философскому пониманию человека как биосоциального существа. Ограниченность изучения феномена отчуждения в русле подходов какой-либо одной дисциплины может приводить к редукционизму в объяснении и к построению односторонних практических стратегий, направленных на преодоление отчуждения в обществе. С позиции системного подхода представление о масштабах и степени трудового отчуждения можно получить при условии описания этого процесса на нескольких уровнях – социально-экономическом, духовном, личностном, психологическом, физиологическом. Проявление отчуждения на каком-либо одном из этих уровней можно рассматривать как локальную проблему, но если отчуждение затрагивает все уровни системы, правомерно сделать вывод о том, что негативная трансформация затрагивает целостный человеческий потенциал и его воспроизводство в обществе. Значимость этой проблемы обусловлена тем, что именно человеческий потенциал, человеческий капитал рассматривается как основной ресурс социально-экономического развития страны.

Полипарадигмальное и многоаспектное описание феномена отчуждения предполагает выявление системообразующего признака¹. На наш взгляд, такую роль выполняет духовный контекст трудовой деятельности как высшее социальное качество и мировоззренческий смысл труда. История разных народов показывает, что труд часто отличался большим напряжением и не сопровождался должным вознаграждением, однако не только не приводил к отчуждению, но, напротив, воспринимался как героический подвиг, как историческая необходимость и закономерность, как служение Родине, своему народу, будущим поколениям, человечеству. Именно духовный смысл труда, представленный в мотивации, является механизмом, который приводит к трансформации операционального состава трудо-

¹ Галухин А.В. Проблема несоизмеримости теорий: методологический аспект // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. Вступление. Путь в науку, 2017, №2(18), с. 5-19.

вой деятельности. Поэтому мы считаем, что меры по преодолению отчуждения в труде также должны носить системный характер. На социально-экономическом уровне целесообразна реализация принципов социальной защиты работника, широко используемых в странах социальной рыночной экономики. Механизмом снятия отчуждения должно быть изменение системы социоэкономической демократии¹. Необходима оптимизация государственной политики занятости и регуляции рынка труда с позиции социальных приоритетов. Большую роль играет формирование мировоззренческих, духовных смыслов труда, вытекающих из социального бытия. Борьба с отчуждением на каком-либо одном уровне будет неэффективной при отсутствии глубоких жизненных смыслов личности.

Новикова Е.Ю. Отчуждение в труде как междисциплинарная проблема. В статье предпринимается анализ отчуждения в труде как междисциплинарной проблемы. Выделяются уровни исследования отчуждения – социально-экономический, духовный, личностный, психологический и физиологический. Обосновано применение системного синергетического подхода для анализа отчуждения как многоуровневого явления, связанного с человеческим капиталом.

Ключевые слова: отчуждение, труд, дисциплина, личность, мотив, человеческий капитал, синергетика, система.

Novikova E.Yu. Alienation in work as an interdisciplinary problem. The article deals with the analysis of alienation in work as an interdisciplinary problem. The levels of the study of alienation – socio-economic, spiritual, personal, psychological and physiological. Application of the system synergetic approach for the analysis of alienation as the multilevel phenomenon connected with human capital is proved.

Keywords: alienation, labor, discipline, personality, motive, human capital, synergetics, system.

¹ Сомкин А.А. Новые формы отчуждения личности и пути их преодоления в современном демократическом обществе // Гуманитарий: актуальные проблемы науки и образования, 2014, № 2(26), с. 93-102.

С.И. ЖЕЛЕЗНЯКОВА
*кандидат социологических наук, доцент,
доцент кафедры истории и философии
Российского экономического университета
им. Г.В. Плеханова**

Современные задачи преподавания философии

Гуманистический потенциал философии как вузовской учебной дисциплины очевиден. Основная проблема преподавания сегодня заключается в придании современного звучания философским темам, обсуждение которых способствовало бы формированию личности, не просто широко образованной, но и гуманистически мыслящей, умеющей понять общечеловеческое содержание обсуждаемых проблем, осознать единство человека и природы, взаимосвязь и взаимозависимость глобальных социальных процессов с личной этической позицией человека¹.

Проблема заключается в нахождении актуальных форм постановки вопросов, поиск ответов на которые способствует формированию личности, выработке цельного мировоззрения, созданию современной многоаспектной картины мира у молодого человека.

Традиционная подача философской проблематики, используемая в учебном процессе, предполагает ее раскрытие в историческом и теоретическом контексте, что, несомненно, доказало эффективность и результативность в практике преподавания. Однако такой подход иногда может приводить к определенному снижению актуальности дискутируемых вопросов, что для неспециалистов в области философского знания чревато утратой интереса к дисциплине, восприятию философской проблематики как узкоспециализированной, понятной лишь небольшому кругу экс-

* Железнякова Светлана Ивановна, e-mail: Zhelezn11@mail.ru

¹ Баркова Э.В. Экофилософия в поисках оснований теории природно-культурного наследия // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. Вступление. Путь в науку, 2013, № 4(8), с. 4.

пертов, к восприятию философского знания как не имеющего отношения к насущным вопросам бытия.

В то же время коммуникативными особенностями молодежного сознания, спецификой работы с информацией у современного молодого человека¹ являются такие черты, как быстрота, непродолжительность восприятия и удержания внимания, оперативность отклика, быстрое обращение к дополнительным разнообразным источникам информации, определенная «клиповость» мышления, эффект доминирования группового мнения в оценках ситуаций, проблем и событий.

Эти и другие психолого-педагогические условия преподавания делают актуальной задачу современного стиля осмысления философских вопросов в рамках вузовских учебных курсов, коль скоро мы ставим задачу формирования человека с самостоятельным мышлением, не подверженного различным манипуляциям, умеющего выработать и аргументировать собственную точку зрения по различным вопросам личной и общественной жизни, способного к конструктивному анализу действительности, опираясь на достижения философии².

Поэтому важным является вопрос о том, что дает изучение дисциплины современному студенту, каковы его ожидания от изучения философии, как воспринимаются и оцениваются те проблемы и варианты их решения, которые обсуждаются на лекциях и семинарах, в рамках круглых столов и диспутов³.

Одной из задач преподавания курса является уяснение студентами периодизации развития научного и философского знания во взаимосвязи с развитием человеческого общества, культуры, самосознания и рациональности. Например, когда понятия и термины, связанные с историческими эпохами, обозначаемыми как «Возрождение», «Новое время», «Просвещение» и т.п., обретают конкретный смысл,

¹ Малахова Е.В. Задачи и проблемы преподавания философии в современной системе высшего образования // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, 2016, № 4(88), с. 18-23.

² Новикова Е.Ю. Компетентностный подход в гуманитарном образовании современных студентов // Право и образование, 2012, № 5, с. 4-13.

³ Понизовкина И.Ф. Современный образовательный процесс: по пути ли будущему экономисту с философией // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, 2014, № 1, с. 35-43.

живое звучание, увязываются с судьбами ученых, мыслителей, с особенностями историческими и социокультурными, – одним словом, обретают современное звучание, актуализируют человеческую проблематику и в конечном итоге выполняют важнейшую гуманистическую функцию.

Актуален вопрос о познавательных возможностях человека¹ через развертывание всей картины возрастания мощи человеческого разума, рациональности в поиске истины к постановке проблемы целеполагания в познавательной деятельности, обоснования методологии, выбора методов и средств поиска истины, способов встраивания получаемых знаний в систему знаний, стимулирования творческого потенциала личности.

Принципиален вопрос об этической ответственности современного ученого в любой области, будь то естественнонаучная или гуманитарная. Для современного человека это также ситуация ценностного выбора в решении вопроса о том, каковы приоритеты в поиске истины – знание само по себе, как самооценочность, или его гуманитарное предназначение, служение человечеству.

Важной задачей является формирование системных умений и навыков ориентирования в окружающем мире, развития социальной компетентности личности, особенно в ситуации роста неопределенности в жизненно важных сферах, таких, например, как гражданское, профессиональное, семейное, культурное самоопределение. Сегодня актуален вопрос о «гибких» («soft skills») навыках, которые содержат серьезную гуманитарную составляющую.

Являясь сквозными компетенциями, эти навыки обеспечивают личности способность комплексного подхода к анализу различных явлений, ситуаций, проблем; умение эффективно взаимодействовать с другими в разных сферах, иначе говоря, обеспечивать эффективную коммуникацию и гармонично встраиваться в групповую работу; умение эмпатически воспринимать потребности другого человека («эмоциональный интеллект»); умение работать с распределением времени, то, что называют «тайм-менеджмент»; навыки конфликтологического анализа; способность крити-

¹ Галухин А.В. Проблема несоизмеримости теорий: методологический аспект // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. Вступление. Путь в науку, 2017, №2(18), с. 5-19.

чески мыслить; способность к реалистичному мотивирующему целеполаганию и т.п.

Постановка и решение подлинно философских вопросов неизбежно расширяют социальные компетенции человека, побуждают студента рассматривать любую проблему, ситуацию с разных точек зрения, выделять в ней наиболее существенное, прояснять для себя ее гуманистический смысл и значение для решения ключевых проблем современности.

Предложенный еще Сократом метод поиска истины путем постановки вопросов, последовательно раскрывающий суть проблемы и выявляющий ее подлинно человеческое содержание, актуален сегодня как никогда. Накопленный опыт философской рефлексии, включающий в себя огромное разнообразие вариантов и версий поиска истины, в конечном счете выводит каждое новое поколение к знаменитым кантовским вопросам о мироздании и задаче человека в этом мире.

И опыт преподавания философии доказывает, что эти проблемы актуальны для юношества, что они действительно волнуют молодых людей и заставляют их задуматься. Тем более в современных условиях философия, понимаемая как самосознание эпохи, может помочь в выработке общественного консенсуса по поводу оснований человеческого существования перед лицом новых вызовов – экологических, техногенных, культурных, информационных и др.¹

Для уточнения и конкретизации особенностей преподавания философии как учебной дисциплины в университете важной представляется «обратная связь», т. е. мнения и оценки студентов по поводу обозначенных проблем.

В ходе анкетного опроса студентов, проведенного автором среди студентов различных факультетов Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова в 2017/2018 учебном году, изучавших философию (объем выборки – 345 респондентов), была получена информация оценочного характера по поводу значения философии как учебной дисциплины в вузе.

¹ *Agibalova E., Barkova E., Ivleva M.* Information ecology in structuring sociocultural space of modern society // Proceedings of the 2017 2nd International Conference on Contemporary Education, Social Sciences and Humanities. Moscow, June 14-15, 2017, с. 1146-1150.

Во-первых, изучались мнения студентов относительно полезности изучения философии как учебной дисциплины – вопрос «По каким направлениям изучение философии как учебной дисциплины оказалось наиболее полезным для Вас?». Можно было выбрать до 5 вариантов ответа.

Согласно результатам опроса 87% респондентов отмечают расширение собственного кругозора, эрудированности; 40% – увеличение возможностей аргументации, навыков публичного выступления, еще четверть – развитие навыков рассуждения, логического анализа, критического анализа явлений. Треть опрошенных указывает воздействие на мировоззрение, формирование нового взгляда на проблемы жизни человека и общества. Очевидно, что актуализация для студента новых областей гуманитарного поиска позитивно сказывается на общей социальной компетентности, способствуя формированию представлений о проблемном поле и предметной области философского поиска, задавая его основные направления – бытие и человек, человек в мире, его задачи и его ответственность. Формируются навыки рефлексии по поводу ключевых вопросов бытия¹, познания, смысложизненных ориентиров, перспектив развития общества.

Актуальными являются навыки коммуникации и групповой работы при осмыслении философских вопросов, которые складываются в ходе диалога, дискуссий, обмена мнениями. Требования логики и теории аргументации в публичных выступлениях из абстрактных знаний становятся практически необходимыми, когда студент обосновывает выдвинутый тезис, формулирует выводы и размышляет над перспективой и возможными вариантами развития темы. Принципиально важно, что рациональное осмысление сопряжено с выработкой ценностного отношения к проблеме. Этот вклад философии как учебной дисциплины в развитие личности и профессионала адекватно оценивается респондентами: так, 92% опрошенных полагают, что данная вузовская дисциплина безусловно необходима как часть общей культуры профессионала.

Круг тем и проблем, актуальных для современного молодого человека, достаточно широк и вместе с тем четко

¹ Сидоренко Л.П. Экология философии как проблема научного мышления // Право и практика, 2017, № 3, с. 176-181.

определен. Открытый вопрос «Какие темы из курса философии Вас наиболее заинтересовали?» позволил выстроить иерархию наиболее значимых вопросов. Перечня вариантов ответов не задавалось, что позволило выяснить реально интересующие вопросы и темы, особенно запомнившихся мыслителей.

Во-первых, это проблема смысла жизни и сущности бытия, ее в качестве наиболее важной для себя обозначает половина опрошенных – 52%. Сюда же можем отнести всю проблематику человека, в том числе проблему творчества, что отмечают еще 28% респондентов.

Проблемы жизни общества, социальной стратификации, функционирования общественного сознания, социально-философская проблематика особенно важны для трети опрошенных. Здесь же укажем интерес к взаимосвязи философии и экономики, философии и религии.

В числе особенно заинтересовавших проблем молодые люди называют футурологию, научное предвидение будущего; проблематику искусственного интеллекта; будущее мегаполисов.

Если говорить о личности философа, то наибольший интерес у молодых людей вызывают такие мыслители, как Конфуций, Сократ, Макиавелли, Декарт, Кант, Фрейд. Студенты обозначают свой интерес к философским системам конфуцианства, буддизма, древнегреческой философии, стоицизма, русской философии и особенно космизма, к марксизму, экзистенциализму.

Таким образом, бытие человека в современном мире – это, пожалуй, ключевое направление, в рамках которого необходимо раскрывать вечные философские темы и проблемы так, чтобы они были востребованы современным молодым человеком – гуманистически ориентированным будущим профессионалом с широким кругозором и коммуникативной компетентностью.

Железнякова С.И. Современные задачи преподавания философии. В статье предпринимается анализ современных проблем преподавания гуманитарных дисциплин, в том числе философии, с учетом новых задач, стоящих перед личностью и обществом. Автор отмечает актуальность и гуманистический потенциал философии как гуманитарной дисциплины с точки зрения «гибких навыков», необходимых современному человеку

для развития коммуникативной и социальной компетентности. Анализируются результаты социологического опроса студентов.

Ключевые слова: философия, молодежь, гуманитарные науки, гибкие навыки, коммуникативная компетентность.

Zheleznyakova S.I. Modern problems of teaching the philosophy. This article analyzes modern challenges of teaching social sciences and philosophy, considering the new problems, which personality and society are facing. The author notes the relevance and humanistic potential of philosophy as humanitarian discipline from point of view of the «soft skills», which modern person needs to develop the communicative and social competence. The results of sociological survey of students are analyzed.

Keywords: philosophy, youth, social sciences, humanities, soft skills, communicative competence.

Ж.Ю. ДАНКОВА

*кандидат социологических наук, доцент,
старший преподаватель кафедры
государственного и муниципального
управления Академии гражданской
защиты МЧС России**

Формирование аналитических компетенций государственных служащих

В условиях современной социальной реальности, требующих высокой степени ответственности при разработке, принятии и реализации эффективных управленческих решений, аналитическая составляющая профессиональных компетенций государственных служащих приобретает особую значимость. Подобное утверждение имеет, на наш взгляд, несколько оснований.

Во-первых, усложнение и масштабы управленческих задач сферы государственного управления диктуют необходимость овладения принципами, технологиями и инструментами аналитической работы, от которых в значительной степени зависят эффективность и качество функционирования системы государственного управления.

Во-вторых, использование в практической работе исключительно учетно-статистических принципов обработки информации, в первую очередь результатов деятельности, а также игнорирование аналитических технологий при проектировании перспективных направлений работы ведут к стагнации качества управленческих процессов и накоплению негативных тенденций в реализации задач государственного управления¹.

*Данкова Жанна Юрьевна, e-mail: zdankova@yandex.ru.

¹ См. подробнее: Данкова Ж.Ю. Проблематизация аналитической деятельности в сфере государственного управления // Власть, 2016, № 6, т. 24, с. 15-22. Режим доступа: <http://jour.isras.ru/index.php/vlast/article/view/4308/0>

В-третьих, согласно Указу Президента РФ «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления» первоочередные мероприятия развития сферы государственного управления сопряжены, в частности, с разработкой и применением системы комплексной оценки деятельности государственных служащих, в основе которой лежит использование ключевых показателей эффективности и общественной оценки их деятельности¹. Подобное требование предполагает максимальное включение в процедуру оценки аналитических методов, позволяющих формировать обоснованные и объективные заключения.

Исходя из вышеизложенного, допустимо утверждать, что активизация и эффективное использование аналитического компонента в структуре профессиональных компетенций государственных служащих в ходе реализации своих функциональных задач способны выступить наиболее востребованным и целесообразным механизмом оптимизации практики государственного управления в целом.

Для обоснования целесообразности и важности формирования аналитических компетенций государственных служащих в рамках настоящей научной статьи следует:

1) уточнить понятия аналитики и аналитических компетенций;

2) установить наличие и степень проявленности аналитических компетенций в структуре профессиональных компетенций государственных служащих;

3) обосновать траекторию формирования аналитических компетенций кадрового корпуса системы государственного управления.

Под аналитикой, в отличие от широкого значения данного термина², мы будем понимать специфический вид деятельности, объединяющий в себе методологию информационно-исследовательской работы, ее организационное обеспечение, а также технолого-методологическое сопровождение

¹ Указ Президента РФ от 07.05.2012 № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления» // Собрание законодательства РФ, 07.05.2012, № 19, ст. 2338. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>

² Например, К.В. Маркелов трактует аналитику как сферу интеллектуальной деятельности, связанной с глубоким систематическим исследованием чего-либо (*Маркелов К.В. Аналитическое мышление специалиста по работе с информацией. М., 2007, с. 3.*)

разработки и создания инструментальных средств для ее ведения. А под аналитическими компетенциями – совокупность специальных знаний, навыков и умений, необходимых для решения аналитических задач: деление проблемы на системно связанные части; выявление причинно-следственных связей; установление определенных закономерностей; учет сопутствующих факторов; оценку и обобщение полученных знаний; анализ и перевод их в новое качественное состояние; прогнозирование и оценку всего спектра последствий принятого решения.

Анализ источниковой базы по проблеме исследования показал, что разработанные к настоящему времени модели профессиональных компетенций государственных служащих включают в себя, как правило, четыре блока: личные компетенции, социальные, управленческие и профессиональные, но практически **не выделяют** аналитический элемент в дифференциальной структуре профессиональных компетенций. В частности, результаты количественного контент-анализа существующих моделей профессиональных компетенций государственных служащих демонстрируют чрезвычайно низкие показатели, характеризующие проявленность аналитической компоненты. Так, из полученного распределения единиц проведенного контент-анализа в разрезе исследуемых документов следует, что семантические единицы, отражающие сущностные характеристики аналитических компетенций, составляют не более 3,62% в общей массе анализируемых слов.

Кроме того проведенный анализ действующих федеральных государственных образовательных стандартов по направлению подготовки 38.0.04/38.04.04 «Государственное и муниципальное управление» показал, что в указанных нормативных документах дескрипторы – признаки проявления аналитических компетенций – отсутствуют, а также не описаны формы и технологии их формирования.

Анализ научных работ и образовательной практики убеждает, что процесс формирования аналитической компетенции при подготовке специалистов сферы государственного управления недостаточно полно изучен на теоретическом и технологическом уровне¹.

¹ Мельков С.А., Микрюков В.О., Лябах А.Ю. Должен ли выпускник российского вуза владеть аналитическими навыками? (на примере направления

Приведенные выше данные подтверждают наличие объективной потребности включения аналитических знаний и умений в реестр ключевых квалификационных требований, необходимых государственным служащим для эффективного исполнения ими должностных обязанностей.

Потребность в приобретении аналитических компетенций осознается и самими государственными служащими, что подтверждается данными проведенного социологического исследования «Влияние аналитических компетенций на результаты профессиональной деятельности государственных служащих», целью которого являлось установление факторной взаимозависимости между знанием и применением аналитических методов работы и ростом уровня итоговых показателей труда¹.

Практически каждый второй респондент среди наиболее часто выполняемых видов работ назвал необходимость выполнения задач по сбору, обработке, хранению информации, диагностике, прогнозированию и моделированию социальных ситуаций. Подобные действия действительно напрямую сопряжены с аналитическими процедурами и технологиями и регулярное применение их на практике говорит о высоком уровне профессионализма и компетентности исследуемой когорты служащих.

При этом подавляющее большинство (93,5%) опрошенных при ответе на вопрос «Хотели бы Вы овладеть методами аналитической работы?» высказались однозначно положительно. Практически полное единодушие (97,3%) зафиксировано и в вопросе о надобности и значимости аналитических компетенций для успешной реализации функциональных задач государственных служащих.

Наряду со столь оптимистичным прямым распределением эмпирических данных парадоксальными выглядят результаты многомерного корреляционного анализа. Так, согласно ему, странными и даже противоречивыми оказываются ответы на вопрос «С какими трудностями при выполнении своих обязанностей Вы сталкиваетесь?». Выбор

«Государственное и муниципальное управление») // Прикладные научные исследования и экспериментальные разработки, основанные на результатах фундаментальных и поисковых исследований. М., 2017, с. 145-150.

¹ Социологическое исследование проводилось методом анкетирования в ноябре-декабре 2017 г. среди государственных служащих Главного управления МЧС России по Московской области (n=33).

распределился следующим образом: обобщение получаемой информации (80,1%), прогнозирование (72,4%), поиск новых методов решения задач (61,9%), выбор одного варианта решения задачи из нескольких альтернатив (49,4%)¹. Тревожным представляется тот факт, что без малого 20% респондентов отметили вариант «все перечисленное».

Кроме того только треть опрошенных (29,9%) смогли оценить частоту использования своих аналитических навыков, умений, способностей. Из 87% анкетированных, которые утверждали, что активно используют аналитические методы на практике, не более 17% смогли указать, какие именно. 57,6% опрошенных затруднились дать определение понятия «аналитические компетенции».

Полученные данные заставляют усомниться в искренности ответов и предположить, что фактически представления об аналитике и навыках аналитической деятельности у респондентов либо отсутствуют полностью, либо имеют деформированный вид. Рассчитанный нами коэффициент корреляции (0,1) также подтверждает наличие очень слабых корреляционных связей между исследуемыми переменными.

Сделанный вывод, вероятно, требует пристального внимания и дополнительного исследования. Предположим, что в настоящее время проблема формирования аналитических компетенций в сознании государственных служащих носит своего рода виртуальный характер, т. е. ими фактически признаются актуальность и значимость аналитических компетенций, необходимость и потребность в их формировании и реализации. Однако понимание реальных шагов и действий по переводу решения данного вопроса в практическую плоскость пока отсутствует.

Вместе с тем в настоящее время и в перспективе требования к кадровому и, в первую очередь, управленческому ресурсу будут только нарастать, логичным продолжением чего станет ориентация на формирование аналитического мышления и собственно аналитических компетенций.

Отсюда считаем необходимым и целесообразным организацию разработки и внедрения трехуровневой системы профессиональной подготовки кадров системы государст-

¹ Сумма превышает 100%, так как респондентам было предложено выбрать несколько вариантов ответов.

венного управления, в основе которой лежит формирование аналитической компетенции.

Представляется целесообразным, обоснованным и эффективным обновление старых и разработка новых в содержательном плане программ профессионального развития, направленных на формирование аналитических компетенций с учетом должностных и функциональных полномочий. Данное предложение обосновано и данными упомянутого выше опроса, в котором респонденты отметили недостатки реализуемых обучающих программ и курсов. В частности, опрошенные отмечали избыток лишних знаний, оторванность изучаемого материала от практики, трудности с конвертацией полученных знаний в результат, низкий уровень мотивации.

Оптимальная, по нашему мнению, структура формирования аналитических компетенций в системе профессиональной подготовки государственных служащих должна включать три уровня, первый из которых – базовый – будет предназначен для всех без исключения служащих в рамках выполнения ими своих полномочий. В результате обучения возможно приобретение обучающимися навыков анализа выполнения поставленных задач, выявления типичных ошибок, оптимизации выполняемых функций, разработки предложений по повышению результативности работы, развития способностей к поиску и освоению новых знаний, принятию нестандартных решений, обоснованию собственной точки зрения.

Второй уровень – отраслевой специалист-аналитик – должен быть ориентирован на служащих, располагающих специфическими знаниями по работе с информацией, особенностями развития конкретной отраслевой сферы или направления деятельности и обладающих аналитическими способностями. В результате служащий должен уметь быстро формализовать управленческую задачу, подобрать методы, адекватные поставленной задаче, конструировать методику решения задачи, сформулировать доказательства и обосновать правильность алгоритма решения задачи, провести необходимые расчеты и вычисления, интерпретировать полученные данные, формулировать рекомендации для преодоления проблемной ситуации или ее минимизации.

Третий уровень – экспертный аналитик. Подготовка на этом уровне ориентирована на формирование когорты специалистов, способных решать весь спектр аналитических

задач, необходимых для оптимального решения как типичных ситуаций, так и проблем, возникающих в условиях неопределенности и риска. Такой уровень специалистов должен уметь оперировать всеми аналитическими инструментами: логическим, статистическим, системным, экономическим и другими адекватными видами анализа.

Таким образом, реализация предложенной технологии формирования аналитических компетенций государственных служащих позволит существенно повысить качество и эффективность исполнения ими своих должностных обязанностей и будет способствовать преодолению проблем аналитического обеспечения управленческого процесса в органах власти в целом.

Данкова Ж.Ю. Формирование аналитических компетенций государственных служащих. В статье раскрываются сущностные характеристики аналитических компетенций государственных служащих и обосновывается траектория их формирования.

Ключевые слова: алгоритмы профессиональной деятельности, аналитика, аналитические компетенции, аналитическое мышление, квалификационные требования, профессиональное развитие.

Dankova J.Y. Formation of the analytic competences of civil servants. The article reveals the essential characteristics of analytical competencies of civil servants, and substantiates the trajectory of their formation.

Keywords: algorithms of professional activity, analytics, analytical competence, analytical thinking, qualification requirements, professional development.

О.И. ДИВИЧЕНКО
*кандидат социологических наук,
старший преподаватель кафедры
социологии и управления БГТУ им. В.Г. Шухова**

И.А. ДЕМЕНЕНКО
*кандидат социологических наук,
старший преподаватель кафедры
социологии и управления БГТУ им. В.Г. Шухова*

Предпринимательский климат как фактор конкурентного преимущества региона

Одним из приоритетных направлений социально-экономической политики региона в настоящее время является развитие малого предпринимательства. В свою очередь архиважной составляющей развития малого бизнеса выступает предпринимательский климат, или бизнес-климат.

В теории и практике менеджмента наряду с «предпринимательским климатом» используются также понятия делового климата, инвестиционного климата, инновационного климата и т.д.; причем, некоторые авторы их отождествляют, во всяком случае, понятия предпринимательского и инновационного климата, другие исследователи проводят между ними различие. В нашей интерпретации указанные «климаты» различаются в зависимости от того, к чему они относятся: инвестиционный климат – к условиям и факторам инвестиционной деятельности, деловой климат – к условиям и факторам деловых отношений, предпринимательский климат – к условиям и факторам предпринимательской деятельности и т.д. Вместе с тем, указанные понятия взаимосвязаны, и их различие носит больше характер акцентирования отдельных аспектов организационно-управленческой деятельности¹.

* Дивиченко Олег Игоревич, e-mail: stroi31@bk.ru

¹ Данакин Н.С., Дивиченко О.И. Концептуальный анализ понятия «предпринимательский климат» // Теория и практика общественного развития, 2017, № 5, с. 66-68.

С нашей точки зрения, предпринимательский климат может быть определен как целостное образование из условий и факторов, значимых для осуществления предпринимательской деятельности.

Сегодня результаты исследований предпринимательского климата стали неотъемлемой информационной базой для формирования и совершенствования государственной политики в области развития и поддержки предпринимательства. Ярким примером тому является Указ Президента РФ о долгосрочной государственной экономической политике страны № 596 от 7 мая 2012 г. В Указе в целях повышения темпов и обеспечения устойчивости экономического роста и достижения технологического лидерства российской экономики была поставлена задача повышения позиции России в международном рейтинге по условиям ведения бизнеса «Doing Business» до 20-го места к 2018 г. По последним данным рейтинга, Россия занимает 112-е место из 185 возможных¹.

В связи с тем, что предпринимательский климат выступает как целостное (системное) образование, он имеет определенную структуру. Структура – это множество взаимосвязанных элементов системы, которую можно условно разделить на элементы и связи между элементами. На основании сходства (общности) структурных связей образуются определенные подструктуры. Применительно к предпринимательскому климату возможно выделение следующих подструктур:

– нормативно-правовая подструктура, состоящая из множества правовых, социальных, нравственных и других норм, которые или содействуют предпринимательству и его развитию, или, напротив, тормозят его;

– административная подструктура, связанная с взаимоотношениями малого бизнеса и органов власти; эти взаимоотношения, как и в предыдущем случае, могут по-разному влиять на предпринимательство – позитивно или, наоборот, негативно;

– инфраструктурная подструктура, включающая различные организации, фонды, ассоциации и т.д., которые призваны оказывать разного рода услуги (посреднические, кон-

¹ Ведение бизнеса-2013 : доклад / Междунар. банк реконструкции и развития / Всемирный банк. 10-е изд. 2013.

сультационные, образовательные и т.п.) малому бизнесу; сюда входят также различные транспортно-логистические структуры;

– экономическая подструктура, состоящая, во-первых, из необходимого и достаточного количества деловых партнеров (поставщиков, подрядчиков, потребителей, посредников и т.п.), их взаимоотношений (конкурентных, партнерских и т.д.), финансово-кредитных учреждений.

В общую структуру предпринимательского климата входит также социальная подструктура. Социальную подструктуру предпринимательского климата как релевантную для социального управления его формированием можно рассматривать по-разному, выбирая те или иные основания для ее дифференциации, выделяя ту или иную иерархию элементов. Мы предлагаем релятивистский подход (от лат. *relativus* – относительный), в соответствии с которым предпринимательский климат рассматривается как система значимых отношений, полагая при этом, что именно через категорию «отношение» можно наиболее адекватно и полно выразить содержание и специфику предпринимательского климата.

Система значимых отношений для успешного осуществления предпринимательской деятельности включает, на наш взгляд, четыре вида этих отношений.

1. Взаимоотношения бизнеса и органов власти имеют, уже по определению, двусторонний характер: бизнес создает экономическую базу для функционирования органов власти, органы власти, в свою очередь, обеспечивают необходимые условия для успешного осуществления предпринимательской деятельности. Смысл деятельности органов власти заключается прежде всего в том, чтобы формировать благоприятный предпринимательский климат. Для этого требуется, в частности, упрощение регистрации, сокращение числа контролирующих органов, уменьшение количества лицензируемых видов деятельности. В результате величина вклада в ВВП, по данным экспертных оценок, может повыситься на 3-5%, объем инвестиций в основные фонды – на 8-10%.

2. Взаимоотношения в самом бизнесе. То, что взаимоотношения субъектов предпринимательской деятельности оказывают существенное влияние на успешность этой деятельности, очевидно. Проблема заключается в оптимизации этих взаимоотношений, повышении их позитивного

регулятивного и мотивационного потенциала. С этой точки зрения целесообразно, на наш взгляд, выделить три типа взаимоотношений:

- деловые взаимоотношения;
- нездоровые (напряженные, конфликтные) взаимоотношения;
- партнерские взаимоотношения.

В основу данной классификации кладутся деловые взаимоотношения, которые основаны, во-первых, на взаимной заинтересованности сторон; во-вторых, на реальной возможности удовлетворения взаимных интересов; в-третьих, на соблюдении соответствующих норм и правил (юридических, моральных, конвенциональных); в-четвертых, на готовности сторон к компромиссам и конструктивному регулированию возможных предпринимательских споров, конфликтных ситуаций.

3. Взаимоотношения бизнеса и социума. Эффективное функционирование малого предпринимательства определяется не только экономической средой, но и социальными аспектами формирования субъекта малой предпринимательской деятельности и степенью его социальной ответственности. Анализ малого предпринимательства выявляет неразрывное единство двух его сторон: общеэкономического содержания и специфической социальной формы, отражающей выполняемые им функции. Диалектика здесь заключается, с одной стороны, в достижении прибыли как главной цели предпринимателя посредством эффективного использования социальных факторов, с другой стороны, в достижении социальных результатов, основывающихся на экономическом росте малого предприятия.

4. Самоотношение предпринимателей. В соответствии с данным видом отношений выделяются три аспекта: социальная удовлетворенность, жизненный настрой, чувства, вызываемые будущим.

Социологический анализ предпринимательского климата Белгородской области – региона, который в течение нескольких лет находится в «десятке» наиболее продвинутых российских регионов по состоянию предпринимательского климата, показал, что каждый пятый из опрошенных предпринимателей оценивает финансовое состояние своего бизнеса как устойчивое, 60% – относительно устойчивое. Более трети опрошенных предпринимателей оцени-

вают условия для бизнеса как «хорошие», половина – как «нормальные». По мнению большинства опрошенных, условия для предпринимательства в Белгородской области «явно лучше» или «скорее лучше», нежели в других российских регионах. Столько же респондентов отмечают тенденцию улучшения предпринимательского климата.

Большинство предпринимателей положительно оценивает роль регионального руководства в поддержке малого предпринимательства. Все большее распространение получает система грантов, гарантирования кредитных ресурсов, создания залоговых фондов и т.п.

Повышение деловой активности предпринимателей связано непосредственно с их мотивацией. Судя по данным социологического опроса, основная цель прихода в бизнес – получение высокого дохода. Далее идут мотив достижения финансовой независимости, нежелание работать под чьим-то началом, стремление быть хозяином своего дела¹.

Таким образом, формирование предпринимательского климата является одной из актуальных задач регионального управления. Успешное управление формированием и развитием предпринимательского климата возможно при условии четкого определения управляемых переменных, т.е. тех свойств, параметров предпринимательского климата, которые могут быть изменены в желаемом направлении.

Дивиченко О.И., Демененко И.А. Предпринимательский климат как фактор конкурентного преимущества региона. В статье рассматриваются вопросы формирования предпринимательского климата как фактора конкурентного преимущества региона. Авторами представлен анализ успешной предпринимательской деятельности, включающий такие виды отношений, как взаимоотношения бизнеса и органов власти, взаимоотношения в самом бизнесе, взаимоотношения бизнеса и социума, самоотношение предпринимателей.

Ключевые слова: предпринимательский климат, предпринимательская деятельность, конкурентоспособность, регион, региональное управление.

¹ Кошарная Г.Б. Мотивация современных российских предпринимателей // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки, 2015, №4(36), с. 146-154.

Divichenko O.I., Demenenko I.A. Entrepreneurial climate as a factor of the region's competitive advantage. The article considers the issues of formation of an entrepreneurial climate as a factor of the region's competitive advantage. The authors presented an analysis of successful entrepreneurial activities, including such types of relationships as the relationship between business and government, business relationships, business and social relations, entrepreneurial self-attitude.

Keywords: entrepreneurial climate, entrepreneurial activity, competitiveness, region, regional management.

М.Н. РЕУТОВА
*кандидат социологических наук,
доцент кафедры социальных технологий
Белгородского государственного национального
исследовательского университета**

И.В. ШАВЫРИНА
*кандидат социологических наук, доцент кафедры
социологии и управления Белгородского
государственного технологического
университета им. В.Г. Шухова***

Мотивация благотворительности: альтруизм или взаимность ожиданий¹

Принцип реципрокности (взаимности) обязательств и ожиданий рассматривается в качестве основополагающего принципа социальных отношений в рамках множества социологических теорий, таких как теория обмена, теория социального капитала, сетевая концепция и др. Причем взаимность может иметь как прямой, непосредственный характер, так и отсроченный и даже гипотетический, выступая при этом ведущим поведенческим мотивом. Так, благотворительность, получившая в последние годы довольно широкое распространение в российском обществе, представляет собой разновидность реципрокности перспектив (ожиданий). Что вызывает желание помогать незнакомым людям, без расчета на прямую компенсацию с их стороны? По мнению современного немецкого исследователя К. Штегбауэра, «единственная возможность сделать такие действия понятными и объяснимыми – это взаимность перспективы: я могу сопереживать человеку, который только что потерял свой дом из-за наводнения. Я мысленно

* Реутова Марина Николаевна, e-mail: reutova@bsu.edu.ru

** Шавырина Ирина Валерьевна, e-mail: shavyrina_77@mail.ru

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ. Грант «Реципрокность в воспроизводстве практик взаимопомощи в местных сообществах» № 17-03-00196

представляю себя на его месте и могу ему сопереживать... Предсказание, казалось бы, безнадежной ситуации нуждающихся в помощи и, возможно, рассмотрение того, как я реагировал бы на их месте, вызывает готовность жертвовать, не рассчитывая на взаимность»¹. Е.Г. Алексеев и И.Д. Горшков на примере опроса респондентов Москвы и Курска в 2000 г. выявили следующие мотивации потенциальных жертвователей, связанные с реципрокностью ожиданий: «По жизни, чем больше отдаешь, тем больше в будущем получишь»; «Ну, что, ребята, надо помочь нашим. И мы когда-то станем старыми»; «Все под Богом ходим»².

Данные целого ряда исследований свидетельствуют о все более широком распространении такого вида реципрокности в российском обществе. Так, по данным опроса ФОМ 2013 г. 87% опрошенных положительно относятся к корпоративной благотворительности и лишь 5% отрицательно. При этом на вопрос «Одни одобряют благотворительную деятельность компаний и считают, что компании должны помогать обществу. Другие не одобряют благотворительность компаний и считают, что деньги лучше тратить на сотрудников и их семьи. С какой точкой зрения вы согласны в большей степени?» 65% ответили, что одобряют благотворительную деятельность компаний, 19% – не одобряют, 16% – затруднились ответить³.

Таким образом, благотворительность компаний не осуждается, а скорее даже приветствуется, несмотря на то, что средства, выделяемые на помощь нуждающимся, можно было бы потратить на помощь работникам своих предприятий. При этом масштаб благотворительности на уровне отдельных индивидов не столь велик, хотя налицо тенденция его увеличения.

По данным аналитического сборника «Россия в цифрах» (2012-2013), 76% опрошенных не оказывают благотворительную помощь; 9% – переводили деньги в поддержку

¹ *Stegbauer C.* Reziprozität. Einführung in soziale Formen der Gegenseitigkeit. Wiesbaden, 2002, S. 127.

² *Алексеев Е.Г., Горшков И.Д.* Фандрайзинг: мотивации потенциальных жертвователей // Благотворительность в России. Социальные и исторические исследования. СПб., 2001, с. 219.

³ Отношение к благотворительности и благотворителям: «ФОМнибус» – опрос граждан РФ от 18 лет и старше. 8 сентября 2013 г. URL: <http://soc.fom.ru/obshchestvo/11215/>.

благотворительных акций, 7% – передавали вещи, 3% – работали на добровольных началах, 3% – безвозмездно сдавали кровь, 3% – делали значительные денежные пожертвования на благотворительные цели, 2% – участвовали в благотворительных акциях в пользу конкретных учреждений. Адресатами помощи выступают прежде всего дети – 33% респондентов готовы жертвовать деньги на операции, дорогостоящее лечение детям, 25% – на помощь детским домам, 15% – готовы оказывать помощь пожилым людям, 14% – инвалидам, 10% – домам престарелых. Наиболее распространенные формы помощи: передача вещей, продуктов (56%), денежные пожертвования (47%), работа на добровольных началах (11%), оказание консультаций, советов (10%), участие в организации благотворительных акций (7%)¹.

Данные опроса ФОМ и Добро mail.ru 2015 г. о практиках помощи и готовности помогать взрослым свидетельствуют, что число россиян, готовых помогать кому-либо безвозмездно и делающих это на практике, заметно выросло. Так, больше половины россиян сообщили, что за последний год они помогали взрослым или пожилым людям. Когда-либо помогали взрослым тяжелобольным или взрослым инвалидам 45% опрошенных, и подавляющее большинство – 84% – допускают, что будут помогать таким людям в будущем. Наиболее распространенными видами помощи были: денежная (49%), вещами (33%), делами (27%), донорство (6%). Вообще же возраст нуждающихся в помощи для практически половины (49%) опрошенных не важен. Остальные, как правило, говорят, что охотнее помогли бы детям (32%), реже – пожилым (12%), но почти никто не назвал в ответе на этот вопрос взрослых (< 1%)².

Важным моментом в анализе феномена благотворительности является ее мотивация, в частности вопрос о том, насколько потенциальные жертвователи способны и могут поставить себя на место тех, кто нуждается в помощи, и представить себя в такой ситуации. По данным

¹ Россия в цифрах: благотворительность (2012-2013). URL: <http://fom.ru/TSennosti/11457>.

² О готовности помогать взрослым людям: «ТелеФОМ» – телефонный опрос граждан РФ 18 лет и старше по случайной выборке номеров мобильных и стационарных телефонов. 2015 г. URL: <http://fom.ru/TSennosti/12759>.

исследования «Положено помогать»: отношение россиян к бездомным», в спектре мотивов помощи такой категории нуждающихся доминируют этические соображения: «это проявление сострадания, милосердия, доброты» (21%), «люди должны помогать друг другу, помогать тем, кто нуждается в помощи» (18%), «если есть возможность помочь, нужно это делать» (5%), «люди помогают по своим религиозным убеждениям» (3%)¹. Вместе с тем присутствует мотив, связанный с реципрокностью ожиданий: «каждый может оказаться в такой ситуации» (4%); при этом можно предположить, что помощь детям и пожилым людям помимо чисто альтруистических побуждений обусловлена соображениями о том, что с такими проблемами может столкнуться каждый и, помогая, человек осознанно или нет надеется на помощь других людей.

Данные нашего исследования в Белгородской области (N=1000, выборка квотная, репрезентативная по полу, возрасту и месту жительства) свидетельствуют о высокой степени готовности помогать незнакомым людям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации: 67,7% опрошенных заявили, что готовы оказать помощь таким людям, однозначно не готовы лишь 7%, при этом четверть опрошенных (25,4%) затруднились ответить

Больше половины опрошенных (почти 60%), как видно из табл. 1, оказывали помощь различного рода тем, кто в ней нуждается.

Таблица 1

Оказание помощи незнакомым людям

Приходилось ли Вам помогать незнакомым людям, оказавшимся в трудной ситуации?	Количество	
	абс.	%
Да	569	56.90
Нет	428	42.80
Не ответили	3	0.30

¹ «Положено помогать»: отношение россиян к бездомным : «ФОМнибус» – опрос граждан РФ от 18 лет и старше. 20 января 2013 г. URL: <http://fom.ru/TSennosti/10893>.

Наиболее распространенными видами помощи (в % от тех, кто помогал) являлись: денежная (53,9%), помощь вещами (52,8%), донорство (11,6%), информационно-консультационная поддержка (10,9%), предоставление крова (6,2%).

Ведущий мотив благотворительности, как показали результаты исследования, связан с реципрокностью ожиданий: 75,3% отметили, что ими движет осознание того факта, что в подобной ситуации могут оказаться и они сами, 42,5% опрошенных руководствуются альтруистическими мотивами («мне просто приятно делать доброе дело»), 21,9% делают это, поскольку есть несложные механизмы оказания помощи и от них это не требует особых усилий, незначительная доля опрошенных – 3,3% – помогли под давлением руководства организации и еще 3,1% – из соображений поддержания позитивного имиджа (см. табл. 2).

Таблица 2

Мотивация помощи незнакомым людям

Чем Вы руководствовались, оказывая помощь незнакомым людям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации? (в % от тех, кто помогал)	Количество	
	абс.	%
В такой ситуации может оказаться каждый, в том числе и я, и будет хорошо, если и мне кто-нибудь поможет	434	75,3
Мне просто приятно делать доброе дело	245	42,5
Сейчас это довольно широко распространено, не хочу сильно отличаться от других	19	3,3
От меня это не требует никаких усилий	126	21,9
По просьбе (приказу) руководства организации, в которой я работаю (учусь)	18	3,1
Другое	1	0,2

Таким образом, мотивация помощи незнакомым людям обусловлена помимо этических и религиозных соображений взаимностью ожиданий: люди зачастую представляют себя на месте адресатов помощи, осознавая, что в трудной жизненной ситуации может оказаться каждый, что позволяет рассматривать данный вид социального поведения как

разновидность ролевой реципрокности и реципрокности ожиданий.

Реутова М.Н., Шавырина И.В. Мотивация благотворительности: альтруизм или взаимность ожиданий. В статье на основе данных опросов общественного мнения и авторского социологического исследования проанализирована мотивация благотворительности в контексте реципрокности ожиданий. Выделены три группы мотивов: этические, рационально-ценностные и обусловленные реципрокностью (взаимностью) перспектив.

Ключевые слова: реципрокность, благотворительность, общественное мнение, взаимопомощь, мотивация.

Reutova M.N., Shavyrina I.V. Charity motivation: altruism or reciprocity of expectations. The article analyzes the motivation of charity in the context of reciprocity of expectations based on the data of public opinion polls and the author's sociological research. Three groups of motives are distinguished: ethical, rational-valuable and motives, conditioned by reciprocity of perspectives.

Keywords: reciprocity, charity, public opinion, mutual assistance, motivation.

С.В. НАЗАРЕНКО
*кандидат социологических наук, доцент,
доцент Департамента социологии, истории
и философии Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации**

Формы социального контроля в условиях военной службы

Социальный контроль – это регулирование социального поведения индивидов посредством социальных институтов и иных внеинституциональных форм. Альтернативными и взаимодополняющими друг друга формами социального контроля действий индивидов выступают:

– институциональная – социальные институты с помощью специальной системы мер – социальных санкций (положительных или отрицательных) контролируют соблюдение и нарушение индивидом норм-правил поведения, официально одобренных обществом, его институтами. При этом институциональная форма социального контроля реализуется через особый, специализирующийся на контрольной деятельности аппарат. Он объединяет в себе государственные и общественные организации (объединения, учреждения, органы);

– внеинституциональная – нормы-правила социального поведения, контролируемого силой общественного мнения (нравов, морали), обычаев, морально-этических кодексов (заповедей), традиций, нравов, привычек. Это особый вид саморегулирования. Он присущ всем общественным системам взаимодействия людей. Контроль за их поведением осуществляется общественным (массовым, групповым) созданием¹. В его основе лежат нравственно-психологический и социально-психологический механизмы непрерывного мониторинга институционального поведения индивидов и оценки его соответствия востребованным социальным предписаниям и ожиданиям. Наблюдая за другими членами группы, общности, общества и постоянно сопоставляя себя с ними, индивид, социализируясь, усваивает нормы поведения.

* Назаренко Сергей Владимирович, e-mail: svnazarenko@fa.ru

¹ См.: Герасимова Г.И. Связи с общественностью: институциональный уровень управления: Монография. Тюмень, 2015.

Благодаря взаимным социальным контактам индивиды осознают ценности, постепенно приобретают опыт и компетенции ролевого институционального поведения.

Отклонения от норм в форме правонарушения социально вредны и опасны. В зависимости от масштабов их разрушительных последствий они представлены как: а) проступки – дисциплинарные, процессуальные, международные, административные и гражданские (деликтные); б) преступления (тяжелые правонарушения) – уголовные правонарушения, т. е. действия, нарушающие требования уголовного кодекса. В целях воспроизводства законности в зависимости от вида правонарушения индивид привлекается к ответственности – дисциплинарной, гражданской, административной, уголовной. При этом дисциплинарные проступки влекут за собой применение не наказаний, а взысканий.

Дисциплинированное поведение поддерживается общеобязательной и специальной дисциплинами. Если первая распространяется на всех членов общества, то вторая – обязательна только для членов конкретного института (организации). Как регулятивный механизм она осуществляется в форме «деловой этики», «профессионального долга». Общественная дисциплина (от лат. *disciplina* – порядок) закрепляет определенный социальный порядок поведения. Он соответствует сложившимся в обществе, в том числе и в вооруженных силах, их воинских частях (подразделениях) нормам права и морали. Применительно к военнослужащим общественная дисциплина проявляется как государственная и воинская (служебная и трудовая) дисциплины.

Государственная дисциплина регламентирует порядок социальных отношений, устанавливаемый государством. В соответствии с ним все государственные организации, органы, должностные лица и граждане обязаны выполнять возлагаемые на них обязанности. Она как сознательное исполнение законов и нормативно-правовых актов основана на законности. Ее обеспечение – это совместная деятельность по своевременному применению правовых норм в различных сферах общества. Данная деятельность направлена: а) на недопущение нарушений в деятельности должностных лиц требований и предписаний, закреплённых в законах, регламентирующих повседневную работу; б) на заблаговременное выявление и устранение правонарушений; в) на выявление факторов и причин, условий и обстоятельств, им

способствующих; г) на разработку и принятие мер, устраняющих возможности правонарушений как законности, так и дисциплины; д) на привлечение виновных к соответствующим видам юридической ответственности; е) на создание обстановки неотвратимости юридической или дисциплинарной ответственности в случае нарушений.

В обществе наиболее распространенной (массовой) является дисциплинарная система как система поощрений и взысканий за позитивное и негативное антидисциплинарное поведение. Причем ее центр смещен в сторону контроля и реагирования на противоправное неисполнение или ненадлежащее исполнение трудовых и служебных, должностных и профессиональных обязанностей. Наиболее развита такая дисциплинарная практика в воинских частях и подразделениях вооруженных сил. Воинская дисциплина – это институциональная форма социального контроля уставного поведения военнослужащих.

Дисциплинарная практика как деятельность включает в себя: 1) формализацию норм-правил поведения военнослужащих; 2) соглашения участников взаимодействий об интерпретации правил поведения в различных сферах жизнедеятельности, преимущественно в сфере военной службы (воинского труда) и воинского быта; 3) выбор санкций – взысканий или поощрений за нарушение дисциплинарного поведения.

Социальная проблема контролируемости личности в военной сфере жизнедеятельности общества проявляется в дисциплинированности и законопослушании личности военнослужащего. Дисциплина – это обязательное для всех членов конкретной группы (коллектива) подчинение строго установленному порядку. Она всегда определялась доминирующими социальными отношениями и предназначалась для их поддержания. В ней сосредоточено освобождение личности от рабства страстей, а также добровольное подчинение индивида законам гуманизма, человечности. Настоящая, крепкая дисциплина – это и выражение внутренней свободы, т. е. духовного самообладания и самоуправления.

Характерными чертами военной службы (воинского труда) являются более строгая дисциплина, широкая регламентация деятельности уставами и наставлениями, приказами и распоряжениями. Это обусловлено тем, что военно-профессиональная деятельность военнослужащих требует высокого

напряжения жизненных (физических, психических и социальных) сил при выполнении задания (боевого приказа) несмотря ни на какие трудности. Более того, принципами воинского труда являются законы боя: а) подчиненный повинует, беспрекословно подчиняется воле командира (начальника), тем самым обеспечивает выполнение его приказа; б) солдат сохраняет жизнь офицера.

В связи с этим цель воинской дисциплины заключается в том, чтобы заставлять, побуждать военнослужащих воевать независимо от их желаний, а главной задачей является воспитание такого военнослужащего, который был бы способен управлять самим собою и не нуждался бы в чрезмерном управлении со стороны других¹. Управленческий контекст указывает, что в дисциплине институционально закреплена власть меньшинства над большинством. Ее атрибуты – единоначалие, иерархия соподчинения, ограничение поведения (свободы действий) индивидов.

Воинская дисциплина – это, во-первых, строгое следование субординации, которая определена внутренней структурой воинских частей и подразделений, видов и родов войск Вооруженных Сил РФ и зафиксирована в Общевоинских (устав внутренней службы, устав гарнизонной, комендантской и караульной служб, строевой, корабельный и дисциплинарный) и Боевых уставах Вооруженных Сил РФ, законах и Конституции РФ; во-вторых, соблюдение ценностей и норм военной службы, правил поведения, соответствующих военно-технической и военно-социальной организации современных вооруженных сил, их организационно-штатной структуре; в-третьих, добросовестное отношение к реализации цели военной организации российского государства.

В военной науке воинская дисциплина рассматривается как точное и строгое соблюдение всеми военнослужащими порядка и правил, установленных законами, воинскими уставами и приказами командиров (начальников). В социологической терминологии воинская дисциплина интерпретируется как строгое выполнение военнослужащим существующих социальных норм-правил военной службы и ее организации в вооруженных силах, а также социально от-

¹ См.: Казаков В.Н., Туганов Ю.Н. Теоретико-правовые основания формирования профессиональных качеств сотрудников пограничных органов и их воплощение в воинской дисциплине: Монография. М., 2016.

ветственное отношение к воинскому труду, в котором он проявляет свои военно-профессиональные знания.

При теоретической интерпретации воинской дисциплины ее слагаемыми выступают понятия «подчинение», «установленный», «порядок». Суть ее логики: 1) так как дисциплина изначально связана с подчинением, то, значит, существует определенная иерархическая социальная конструкция (лестница), в которой нижестоящий подчиняется вышестоящему, следуя принципу субординации; 2) понятие «установленный» указывает на уже свершившийся социальный факт, на то, что иерархическую социальную конструкцию и определенный порядок не только уже создали ранее, но и есть субъекты социальных взаимодействий, которые: а) следуют этому порядку, а значит, он уже устоялся; б) поддерживают его. Из этого следует, что организация социальных взаимодействий имеет определенную структуру, не только юридически подкрепленную законодательными актами, но и обязательно опирающуюся на конституционные нормы; 3) порядок предполагает упорядоченность организации социальных взаимодействий. Исполняя взаимосвязанные роли, военнослужащие принимают на себя конкретные обязанности в отношении себя и других членов воинского коллектива, требуя от них выполнения своих обязанностей, соотносящихся с их правами.

В воинской дисциплине явно выражены два компонента – строгое следование существующим правилам и ответственное отношение военнослужащего к своему воинскому труду. Они находятся в органическом единстве. Нарушение их баланса предполагает, с одной стороны, выступление против существующего порядка, что не приносит положительного результата и негативно сказывается на служебной деятельности; с другой – отчуждение от воинского труда, что вносит деструктивность в функционирование воинских частей и подразделений¹.

Ослабление воинской дисциплины подрывает готовность военнослужащего выполнять свои социальные роли и вносить личный вклад в оказание военной услуги государству и обществу. Если некоторые военнослужащие получают вознаграждения и поощрения, несоизмеримые их вкладу, или

¹ См.: Туганов Ю.Н. Институт дисциплинарной ответственности военнослужащих в военном праве России: Монография. М., 2006.

«играя» не по установленным правилам, то у других это вызывает чувство обиды. Вследствие этого разлагается мораль, самодисциплина и исчезает верность воинскому долгу. Социальная жизнь востребует необходимость доверять друг другу, особенно в условиях военной службы, в экстремальной ситуации, в боевой обстановке. Военнослужащий обязан быть уверенным в том, что другие военнослужащие также выстраивают свою деятельность по ранее принятым институциональным нормам. Беря на себя обязательства перед воинским коллективом, военнослужащий отказывается от каких-то социальных альтернатив, надеется на благополучное будущее и ожидает от других идентичных дисциплинарных поступков, а не проступков. Однако если другие члены воинского коллектива не оправдывают его доверия, то военнослужащий понимает, что его усилия и активность бессмысленны, напрасны. Он уже не так предрасположен быть дисциплинированным, соблюдать нормы-правила военной службы, добросовестно служить.

В основе воинской дисциплины лежит однородность интересов субъектов военной службы. Наряду с этим различаются две альтернативные дисциплины: 1) внутренняя (самодисциплина) – дисциплина, основанная на интериоризации норм, регулирующих поведение. Дисциплинированному военнослужащему имманентно присуща внутренняя потребность следовать общепринятым нормам-правилам поведения. В случаях их несоблюдения он испытывает угрызания («муки») совести, чувство вины, стыда; 2) внешняя – дисциплина из соображений выгоды или по принуждению, опирающаяся на положительные или отрицательные санкции и принудительные меры. Следует признать, что военнослужащий может следовать уставным нормам рассчитывая на материальное или иное какое-либо вознаграждение (поощрение) или просто стремясь избежать наказания.

Существуют диаметрально противоположные технологии формирования воинской дисциплины. Если технология «сознательной дисциплины» предполагает осознание каждым военнослужащим воинского долга и личной ответственности за вооруженную (военную) защиту своего Отечества, беззаветной преданности интересам членов общества (социальной общности, группе), к которому принадлежит сам, то технология «слепого повиновения» формирует должное воинское поведение как преимущественно инстинк-

тивное. Ее основу составляет дисциплинарное воспитание, которое формирует привычку к повиновению¹.

Итак, воинская дисциплина предопределяется степенью сочетания личных интересов и потребностей военнослужащих, с выполняемыми ими социально обусловленными нормами-правилами воинского поведения. Если они не становятся внутренними пружинами социальных действий военнослужащих, то возникают отклонения, регулируемые посредством социального контроля или инициирующие изменения, разрушения существующих норм и даже социальных институтов. Социально вредна чрезмерно жёсткая дисциплина. В подобных условиях личность военнослужащего лишается творческой инициативы, а воинские части (подразделения) утрачивают необходимую гибкость, активность.

Альтернативой воинской дисциплине является общественное мнение как внеинституциональная форма социального контроля поведения военнослужащих. Основными формами социального контроля в обществе выступают: 1) регламентация ролевого поведения в социальных институтах и организациях; 2) принуждение посредством исполнения формальных законов и применения системы наказаний – санкций формального контроля за их нарушение; 3) групповое давление со стороны первичных групп, устоявшейся системы обычаев, нравов и институциональных норм; 4) влияние общественного мнения, которое облегчает принятие индивидом решений. Оно «подсказывает» ему, как вести себя, как действовать в различных ситуациях. При этом:

– если мнение индивидуальное – оценка индивидом окружающей среды исходя из его интересов и потребностей, а мнение групповое (коллективное) – совокупность оценочных суждений индивидов как членов формальных и неформальных групп, то мнение общественное – отношение (оценка) социальных групп и общностей к актуальным явлениям, представляющим общественный интерес;

– если решение принимается и усваивается индивидом не в соответствии с общественным мнением, оно кажется ему неуместным и неправильным;

¹ См.: Назаренко С.В. Социальный контроль военной службы в Российской Федерации (социологический анализ на примере военнослужащих Вооруженных Сил РФ): Монография. Череповец, 2007.

– если императивы права опираются на деперсонифицированное государственное принуждение и вознаграждение, то императивы морали – на побудительную и принудительную силу общественного (группового) мнения. Оно берет свои социальные истоки из триады взаимодействий субъектов, в которой один индивид сталкивается с мнением двоих, т. е. мнением большинства членов группы. Именно мнение большинства с максимальной вероятностью воспринимается индивидом (меньшинством) как объективное и достоверное. Согласно «спирали молчания» (по Э. Нозль-Нойман) индивид с меньшей вероятностью сообщит свое личное мнение по той или иной теме, если почувствует, что находится в меньшинстве, ибо боится или не желает возмездия – критики, игнорирования, изоляции.

Социальный контроль – это контроль общественного мнения, гласность результатов и оценок поведения людей. Общественное мнение выражается публично и поэтому оказывает сильное влияние на функционирование и развитие группы, общности, общества¹.

Общественное мнение: а) как комплекс представлений и оценочных суждений с позиции здравого смысла, легитимный для большинства либо его части, и как состояние массового (группового) сознания, во-первых, включает в себя отношение (скрытое или явное) к событиям, происходящим в обществе, а также к деятельности различных общностей, групп, отдельных личностей; во-вторых, фиксирует позицию одобрения или осуждения по актуальным проблемам, регулирует поведение индивидов, деятельность их в составе групп и общностей, легитимирует конкретные нормы взаимоотношений; в-третьих, функционирует как на уровне общества, так и в пределах социальных групп и общностей; б) проявляет себя как рациональность (явная функция), поскольку является инструментом формирования и принятия решений в условиях демократии. Оно аккумулирует в себе процесс выработки коллективных представлений, суждений об общих актуальных делах, личных и групповых оценок определенных событий, узаконивания норм-правил поведения, разработки и реализации практических мер, путей решения насущных проблем; социальный контроль (латентная функция), так как содейст-

¹ См.: Федотова М.Г. Формирование общественного мнения как управление процессом означивания: Монография. Омск, 2013.

ует социальной интеграции и обеспечению достаточного уровня согласия между социальными группами и общностями, в соответствии с которым принимаются и реализуются решения.

Институциональные социальные нормы военной службы обеспечивают стандартизацию поведения военнослужащих, воспроизводство военно-социальных отношений, но жесткое (строгое и точное) следование им препятствует социальному развитию – прогрессу, возникновению нового.

Следствием этого является не только снижение их социальной эффективности, но и спонтанное, самопроизвольное возникновение неинституциональных социальных норм. Их дихотомическая сущность проявляется в том, что, с одной стороны, они адекватнее отражают реальность, с другой – способны вызывать и стимулировать рост отклонений: новаций и девиаций. Они остаются вне рамок институционального контроля и находятся, таким образом, в зоне внеинституционального контроля, т. е. контрольной функции группового (коллективного) и общественного мнения.

Социальный факт, событие, проблема, затрагивающие интересы и потребности групп и общностей индивидов, инициируют стремление увидеть последствия их влияния для себя и для окружающих¹. Причем это оценивание происходит с позиций здравого смысла. Посредством такой аналитической деятельности, носящей массовый характер, осуществляется групповая, общественная экспертиза факта, события, проблемы. Она ценна потому, что осуществляется с альтернативных позиций, обусловленных социальным опытом индивидов, их социальным положением.

Общественное мнение непосредственно и в подлинном смысле слова выполняет функцию социального контроля «снизу», т. е. контроля масс индивидов, так как все то, что затрагивает их интересы и потребности, является предметом их пристального внимания. Одобряя или осуждая конкретный социальный факт, событие, проблему, индивиды реагируют на любые отклонения от социальной справедливости, тем самым защищая свои социальные права, честь, достоинство. Общественное мнение выражается: а) либо через традиции и обычаи; б) либо через межлич-

¹ См.: *Елишев С.О.* Молодёжь как объект социализации и манипуляций: Монография. М., 2015.

ностное общение; в) либо через средства массовой информации; г) либо через правовой (судебный) контроль, который в свою очередь воздействует на общественное мнение. Более того, оно, во-первых, способствует формированию правосознания военнослужащих; во-вторых, создает у них уверенность в неотвратимости наказания за совершенные правонарушения; в-третьих, формирует атмосферу общественного осуждения правонарушений и преступности, а также личности правонарушителя и преступника (на основе высокой культуры судопроизводства и справедливости приговора). К тому же судебный процесс привлекает внимание общественности к причинам правонарушений и преступности, проблемам их профилактики.

Военнослужащий как объект управления, т. е. подчиненный, стремится знать, по каким критериям и как оценивают его деятельность субъекты управления и агенты контроля, т. е. другие военнослужащие: руководители, подчиненные, ему равные. Механизм формирования общественного мнения включает в себя тиражирование информации, получение информации из общения и СМИ, индивидуальное одобрение/осуждение, целевое фокусирование индивидуальных мнений. Его основными элементами являются: 1) субъект формирования, который, с одной стороны, распространяет (тиражирует) информацию о факте, событии, а с другой – корректирует свою деятельность в соответствии с мнением большинства, т. е. реагирует на оценочные суждения относительно его деятельности; 2) объект формирования, который, с одной стороны, получает информацию о факте, событии из межличностного общения с другими индивидами или через СМИ, а с другой – высказывает индивидуальное оценочное суждение либо демонстрирует одобрение или осуждение его.

На механизм формирования общественного мнения оказывают влияние цели, социальные условия, собственно процесс формирования, состоящий из 5 этапов. Его исходным пунктом выступают социальный факт, событие или актуальная проблема, которые ограничивают реализацию интересов военнослужащих. Вследствие этого на первом этапе происходит получение и восприятие информации, формирование интереса и социальных чувств, представленный об источнике внимания; на втором этапе – осмысление полученной информации; на третьем – проявление сфор-

мированного индивидуального мнения посредством межличностного обмена мнениями и оценками; на четвертом – концентрация совпадающих суждений и оценок и дифференциация их на противоположные группы; на пятом этапе – количественно-качественное формирование общественного мнения через усиление положительного аспекта и ослабление отрицательного. Итог процесса: прогрессивно-оптимистичное, зрелое отношение военнослужащих к конкретному факту, событию, проблеме. Учет суждений и оценок индивидов обеспечивает рост управляемости и подконтрольности подчиненных руководителю.

На лидерство групповых мнений влияют многие факторы, но фактор референтности является основным. Он связан с референтной группой, представленной двумя видами: 1) позитивная референтная группа мотивирует индивида: а) быть принятым в группу; б) добиться к себе отношения как к полноправному члену этой группы; 2) негативная референтная группа мотивирует индивида: а) выступить против группы; б) максимально социально дистанцироваться от нее.

Референтная группа для индивида служит исходной точкой (стандартом, эталоном, образцом) в процессе формирования своей оценки при соотнесении себя с другими, своего социального поведения с поведением других. Она выполняет две функции референтного контроля в формировании установок и поведения: во-первых, нормативную функцию, т. е. установление и побудительное или принудительное навязывание стандартов воинского служения. Это возможно в случае, когда референтная группа в состоянии вознаграждать индивида за конформность или наказывать за неконформность; во-вторых, сравнительную функцию, т. е. референтная группа является образцом, эталоном, стандартом для сравнения, посредством которых возможно оценить себя или других при определении собственного статуса по тривиальному принципу «свой – чужой».

Итак, информация о социальном событии, сфокусированная в общественном (групповом) мнении, потенциально является не только основой официального решения командира, но и действенным контролирующим средством. Носителями группового мнения о военной службе являются военнослужащие, образующие референтную группу в обществе.

На военнослужащего, как и на других людей воздействуют четыре подсистемы социального контроля – политико-

юридическая, морально-этическая, профессиональная, семейная. Они взаимосвязаны и взаимозависимы. Однако общественное разделение военного (воинского) труда, обусловившее появление военно-профессиональной (воинской) деятельности в условиях военной службы, определяет некоторую приоритетность социального контроля профессионального поведения военнослужащего. Более того, административно-должностная, профессионально-квалификационная, статусно-ролевая позиции военнослужащего предопределяют траекторию и диапазон вариативности его социального поведения, деятельности. Они ориентируют его на то, что можно, желательно и что запрещено делать как в военно-профессиональной, так и в других сферах жизнедеятельности. Они являются социальными силами внешней – военно-профессиональной среды, которые инициируют потребность воспроизводства военнослужащими востребованного Вооружёнными Силами РФ типа социального поведения – военно-профессиональной деятельности. Оно регламентируется, с одной стороны, воинской дисциплиной, а с другой – общественным мнением.

Назаренко С.В. Формы социального контроля в условиях военной службы. В военно-профессиональной деятельности и межличностном общении успешно дополняют друг друга две формы социального контроля: воинская дисциплина – как институциональная форма социального контроля; общественное мнение – как внеинституциональная форма социального контроля.

Ключевые слова: социальный контроль, государственный контроль, гражданский контроль, военная служба, вооруженные силы, воинская дисциплина, общественное мнение.

Nazarenko S.V. Forms of social control in the conditions of the military service. In the military career and interpersonal communication successfully complement each other two forms of social control: military discipline – as an institutional form of social control; public opinion – as a non-institutional form of social control.

Keywords: social control, state control, civil control, military service, armed forces, military discipline, public opinion.

М.А. РОДИОНОВ
*доктор военных наук, профессор,
профессор РАНХиГС при Президенте РФ,
профессор МГТУ ГА**

Т.А. ВОЛКОВА
*аспирант факультета права и национальной
безопасности РАНХиГС при Президенте РФ***

Политические элиты и национальная идентичность

Любое современное государство проводит политику формирования «национальной идентичности», направленную на интеграцию стоящих за ним сообществ, разделяемых социальными, этническими, религиозными, языковыми, политико-идеологическими и другими особенностями. Механизмами такой политики являются официальный язык, определенные интерпретации истории и культуры, школьные программы, требования по приобретению гражданства, национальные символы, традиции, праздники и т.п. Все это используется государством как инструмент выстраивания поля социальной коммуникации между носителями разных политических убеждений, культурных и религиозных предпочтений. При этом важнейшим актором данных процессов, запускающим и контролирующим их, являются политические элиты, от качества функционирования которых зависят ход и исход формирования национальной идентичности.

Научный фундамент теории идентичности составляют труды многих зарубежных и отечественных философов, социологов и психологов. Распространение категории «идентичность» связано с Э. Эриксоном, сославшимся на труды З. Фрейда, К. Юнга, Ч. Дарвина. Фрейд выделял в содержании

* Родионов Михаил Александрович, e-mail: rodionovma2014@ya.ru

** Волкова Татьяна Александровна, e-mail: Volkova237@mail.ru

идентичности биологическую и социальную составляющие. К. Юнг и А. Адлер развили этот подход, как и Э. Фромм, включивший в нее философские аспекты. Существенный вклад в социальные аспекты идентичности внесли создатель символического интеракционизма Дж. Мид и его последователи – Л. Краппман, Э. Гоффман, Г. Гарфинкель. Среди современных исследователей социальных аспектов идентичности можно выделить Ю. Хабермаса, Э. Гидденса, Г. Тэшфела, Дж. Тернера, отечественного исследователя В.А. Ядова и многих других.

Теоретические и практические исследования социально-психологических аспектов идентичности, динамично развиваясь с середины XX в., достигли своего пика на рубеже тысячелетий, с обострением конфликтности между ранее толерантными между собой народами.

В современном понимании идентичности имеется по меньшей мере два подхода: первый рассматривает идентичность относительно ее функционирования в структуре психологических систем (бессознательно протекающий процесс, оформляющийся в ходе развития личности), во втором понятие «идентичность» наполняется социальным содержанием. Личностный рассматривается как вторичный по отношению к социальному.

Формируется идентичность в процессе идентификации. Важной характеристикой идентичности является комплементарность, показывающая взаимозависимость, с помощью которой личность, информационно насыщаясь в социальных контактах, формирует собственную идентичность.

В докладе Национального разведывательного совета США «Глобальные тенденции: парадоксы прогресса» идентичность определяется как устойчивая платформа ценностей, верований и убеждений, определяющих как повседневное поведение людей, так и их долговременные жизненные программы¹. Рассматриваются следующие разновидности идентичности: ценностная (характерна для западной культуры); религиозная (прежде всего присуща мусульманским регионам); культурно-языковая (Китай, Япония, отчасти Индия и другие страны, где глубинным основанием

¹ Ларина Е., Овчинский В. Разведка США: преступность, терроризм и новые технологии ближайшего будущего. Доклад Национального разведывательного совета США «Глобальные тенденции: парадоксы прогресса». 06.03.2017. URL: <http://zavtra.ru/blogs/authors/14599>

идентичности являются не религиозные верования, а единые язык и культура).

Современные крупные развитые западные государства, уже не являясь национальными государствами, переходят от этнической, культурной и религиозной идентичности к значительно более сложным системным образованиям, политическая форма которых сейчас только формируется. Однако если прежде ориентация на идентичность была типична для режимов авторитарных, а также слабых государств, использующих мобилизационную политику идентичности, то в последнее время к ней прибегает ряд значимых западных стран, для которых это чревато непоправимыми последствиями. Для них попытки возвращения к традиционным подходам идентичности ведут к общественной фрагментации, региональному сепаратизму, подрывают внутриполитическую стабильность. Так, региональные политические элиты в Шотландии, в Стране басков и Каталонии, Северной лиги в Италии на волне популизма пытаются мобилизовать местное население на раздел своих государств. Все больше благополучных европейских государств втягиваются в антимиграционные процессы. Данные обстоятельства генерируют опасные международные и внутриполитические прецеденты.

Достаточно четко обозначился кризис мультикультурных подходов конструирования политической нации, при которых политические элиты Запада в последнюю четверть века искали ответы на проблемы миграции. В условиях растущей культурной разнородности ни политика ассимиляции в теле политической нации, пытавшаяся, как во Франции, перечеркнуть культурные различия ее граждан, ни американская модель «плавильного котла», ни опиравшаяся на мультикультурализм идея «единства в разнообразии», которая осуществлялась на уровне социальных практик в Великобритании, не обеспечили нужный уровень консолидации общества. Более того, они породили новые вызовы и угрозы безопасности граждан¹.

¹ Семенов И.С. Национальные практики формирования гражданской идентичности: опыт сравнительного анализа // Идентичность как предмет политического анализа. Сб. статей по итогам Всероссийской научно-теоретической конференции (ИМЭМО РАН, 21-22 октября 2010 г.). М., 2011, с. 87-90.

У западноевропейских политических элит, связанных с межнациональными институтами, идентичность носит не «вложенный», а «пересеченный» характер: элита такого рода не отрывается от национальной проблематики и не переходит в полной мере на европейский уровень. Вследствие этого европейская политическая идентичность как целостный феномен пока не существует, имеются лишь предпосылки для формирования наднациональной европейской идентичности¹.

Для стран незападной цивилизации возрастает роль религиозной идентичности. При ухудшении экономического состояния государств, лишении населения гражданских свобод, именно вера наряду с семейными и родовыми связями становится спасением для значительной части населения, что позволяет говорить в ближайшей перспективе о религиозном буме. Особенно это характерно для Ближнего и Среднего Востока, прежде всего для исламской идентичности (суннитской, суфийской, шиитской и т.п.). Историческая ретроспектива показывает, что именно религиозная идентичность в наибольшей степени активизировала процессы геополитических изменений в мире.

Рассмотренные религиозные, а также психологические и социальные факторы будут способствовать дальнейшему распространению терроризма, имеющего в том числе теологическую специфику. Такая активизация уже осуществляется как в форме террористических сетей, так и единичных актов. В немусульманских регионах мира этому также способствуют растущая атомизация населения развитых стран, непринятие со стороны определенных социальных групп потребительской ориентации западного общества, переход западных стран к концепции мультикультурализма и др. Значительно расширяют возможности терроризма новые технологии, особенно в информационно-коммуникационной области. Так, в настоящее время ИГИЛ использует самые передовые технологии, организационные и социальные структуры, разнообразные исламские вероучения, его деятельность носит глобальный экстерриториальный характер.

¹ Крестинина Е.С. Формирование европейской политической идентичности в контексте европейской интеграции. // Идентичность как предмет политического анализа, с. 109-110.

В целом усложнение мировой динамики приводит к усилению противоречий между усиливающейся в процессе глобализации унификацией финансово-экономических, технологических, политических, информационных, культурных процессов и возрастающими требованиями выживания культурных, религиозных, языковых и других идентичностей, связанными с ограничениями влияния на социумы со стороны внешнего мира. При этом для современной глобализации характерна опережающая циркуляция негативных образцов различных псевдокультур в форме их информационного навязывания другим государствам и социумам. Важно отметить, что далеко не всегда границы идентичности совпадают с государственными границами. Повсеместно при ослаблении национальных государств усиливается конфликтность между культурно-религиозными идентичностями.

В отечественной литературе интерес к исследованиям взаимосвязи вопросов национальной идентичности и политического элитизма возрос в последние десятилетия. Применительно к советской и современной российской политическим элитам можно отметить работы В. Сироткина «Номенклатура в историческом разрезе» (раскрыты проблемы идентичности и формирования элит ленинской эпохи), М. Восленского «Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза» (рассмотрены верхние эшелоны партийного и государственного аппарата, силовых органов, хозяйственные руководители). Интересные исследования идентичности элит проведены сотрудниками Института социологии РАН под руководством О. Крыштановской. В труде В. Ильина «Государство и социальная стратификация советского и постсоветских обществ 1917-1996 гг.» отмечается, что в середине 90-х произошло сближение методов деятельности государственного аппарата и частного менеджмента. По мнению автора, то, что такая трансформация произошла в рамках сохранившейся патронажно-клиентарной системы, привело в числе прочего к росту различных бюрократических аппаратов после распада СССР.

А. Макарин в статье «Факторы устойчивости российской политической элиты» (1998 г.) сделал вывод, что хотя потенциальный резерв правящей российской элиты устойчив, отсутствует равновесие между политической и бюрократической элитами, нет оснований говорить о наличии в России

меритократической правящей элиты, существует лишь некая стабильная группа, обладающая наибольшей властью.

В работе «Политическая идентичность региональных элит как фактор политической институционализации» Ю. Лозицкая исследовала политическую идентичность региональных элит. В статье В. Гельмана «Политические элиты и стратегии региональной идентичности» рассмотрена политическая идентичность как результат деятельности элит. В работе Л. Гудкова, Б. Дубинина и Ю. Левады «Проблема «элиты» в современной России» обобщаются результаты интервью, анкетных опросов представителей российской политической элиты.

Нельзя не отметить работу французского ученого Р. Арона «Демократия и тоталитаризм», где описывается формирование «политбюрократической» элиты СССР как иерархии назначенцев, получающих должность от политических покровителей на долгосрочной основе. В этой, длительное время запрещенной в нашей стране книге автор верно подметил, что многие из числа советских политических элит желали не столько догнать и перегнать Запад, сколько уподобиться ему.

В отечественной политологии с советских времен значение влияния фактора национальной идентичности явно недооценивалось. Объяснение социально-политических процессов лишь на основе экономического подхода далеко не всегда давало адекватные модели реальности. Процессы идентичности еще недостаточно формализованы и описываются количественными моделями, основанные на ней интересы, в отличие от экономических интересов, носят во многом иррациональный характер. Вместе с тем опыт исторического развития свидетельствует, что именно изменения в процессах идентичности, запускаемые прежде всего политическими элитами, вызывают динамику в экономических процессах. Все это имеет свою специфику для разных регионов мира, стран и слоев социума, часто первоначально носит латентный характер. Исследование процессов манипуляции общественным сознанием, формирующих ту или иную идентичность социума, а также эффективное практическое применение методов такой манипуляции являются сейчас одной из наиболее критически важных задач государственных аналитиков и политических элит

любых стран как во внутривосточной сфере, так и на международной арене.

Другой, также недостаточно учитываемый момент состоит в отсутствии должного внимания к историческим аспектам национальной идентификации. Именно на трактовках далекого прошлого осуществляются рассматриваемые процессы, формируются идентификационная мифология, этническая романтика, являющиеся магнитами притяжения для всех слоев общества, особенно молодежи. Здесь необходимо учитывать особую цивилизационную роль нашей страны. «Россия есть воплощенный поиск исторической альтернативы атлантизму. В этом ее мировая миссия. Россия имеет собственный исторический путь. Она характеризуется постоянным, хотя и нелинейным ростом осознания своей миссии. От племенного и этнического – к государственному, национальному, цивилизационному»¹.

При определении стратегии дальнейшего развития современной России, ее политической элиты, национальной идентификации критически важен исторический опыт Византии как «Второго Рима», во многом заложившей основу современной европейской цивилизации. Она явилась «духовной предтечей» Российской империи – «Третьего Рима», дала нам православную веру, основные черты государственного устройства, богослужебный язык и письменность, герб – двуглавого орла².

На постсоветском пространстве имели место два незавершенных проекта: рухнувшая в 1917 г. Российская империя и распавшийся в 1991 г. СССР. Поскольку состоявшиеся этнокультурные цивилизации так легко не разрушаются, формирование национальной идентичности современной России требует более тщательного анализа данных процессов.

Идеологической основой СССР было классовое деление при вторичности национальных аспектов. Вместе с тем все советские республики, кроме РСФСР, создавались именно как национальные, хотя и не суверенные государства. Постепенно страна де-юре перешла к бесклассовому обществу, сохранив национальное деление. Результатом господства

¹ Дугин А.Г. Проект «Евразия». М., 2004, с. 87.

² Родионов М.А., Волкова Т.А. Политические элиты Византии // Социально-гуманитарные знания, 2016, № 3, с. 120.

идеологии интернационализма стало создание системы своеобразного «мультинационализма», которая вместо контроля и координации уже существующих наций стала своего рода фабрикой наций¹. Это естественным образом запустило процессы формирования соответствующих этнократических элит, генерировавших впоследствии процессы суверенизации. К моменту распада СССР данные процессы в союзных республиках еще в разной степени не завершились.

После распада СССР вопросы формирования национальной идентичности стали перед всем постсоветским пространством, однако именно для России здесь возникли особые сложности²: проблема была качественно новой, так как в советское время задача формирования национальной идентичности в рамках всей РСФСР не ставилась; политико-географические и культурно-символические границы формируемого сообщества были недостаточно четко определены; резкое изменение геополитического положения России, идеологические расколы внутри общества в ходе либеральных реформ обострили противоречия, затруднявшие формирование моделей политической идентификации, а также деятельность на этом направлении со стороны политических элит³.

Положение Конституции 1993 г. о «многонациональном народе Российской Федерации» теоретически учитывает советское отождествление «национальности» с этничностью, однако практическое признание такой равноправности требует сложной иерархии форм институционализации этничности. При этом копировалась советская политика идентичности, рассматривавшая макрополитическую идентичность как наднациональную. Высшая власть по Конституции принадлежит «многонациональному народу» как целому, а не как совокупности составляющих его групп. Это позволяет интерпретировать обладающее суверенитетом макрополитическое сообщество, стоящее за российским

¹ *Неменский О.Б.* Страна победившего мультинационализма. // Вопросы национализма, 2012, № 4(12), с. 41.

² *Малинова О.Ю.* Российская политическая элита и конструирование макрополитической идентичности // Идентичность как предмет политического анализа, с. 144.

³ *Родионов М.А.* Влияние информационных аспектов геополитических факторов на формирование и развитие властных элит // Евразийский союз: вопросы международных отношений, 2015, № 1-2, с. 46-57.

государством, как гражданскую нацию. Вместе с тем данное положение изначально вызывало возражение как угроза ущемления прав «национальностей», способная спровоцировать этнические конфликты. Вопросы о географических границах данной макрополитической идентичности и о критериях принадлежности к новой России также остаются открытыми: с одной стороны, политические границы после распада СССР не всеми были приняты как окончательные, с другой стороны, существуют и реализуются различные проекты реинтеграции постсоветского пространства.

В целом процессы формирования национальной идентичности в постсоветский период осуществлялись достаточно неопределенно. Политические элиты придерживались в данной сфере конституционных рамок, демонстрируя стремление удовлетворить сторонников разных подходов. Формирование макрополитической идентичности для современной России остается «замороженным» проектом, к которому придется вернуться, возможно, уже в ближайшей перспективе в связи с возросшими геополитическими вызовами современного мира. Разработка и реализация этого проекта требуют формирования альтернативных подходов, выбора из них наиболее рациональных вариантов, прочного общественного консенсуса по принятой в итоге модели национальной идентификации.

Формирование и развитие национальной идентичности требует от политических элит соответствующих знаний и умений, положительного отношения к управляемому социуму, качеств добродетели и справедливости. Отсутствие всего этого заводит в тупик процессы развития национальных форм государственности, приводит к непониманию того, что происходит в целом на постсоветском пространстве. Яркий пример – события на Украине, где в ущерб экономическому развитию и уровню жизни большинства населения сформирован вектор прозападной идентичности, направляемый геополитическими контр-партнерами на цивилизационный разрыв с Россией. Аналогичные процессы вызывают и в других постсоветских странах.

Осложнение отношений России с Белоруссией также лежит в определенной степени в плоскости национальной идентичности. Белорусские политические элиты готовы к сближению с Россией на фоне ностальгии по советскому времени. Ментальная привязанность белорусского народа к

России, тесные экономические связи как основа существования страны, невозможность навязывания прозападного национализма закономерно обеспечили устойчивость политического и экономического курса А. Лукашенко. Вместе с тем неконструктивная критика советского времени со стороны части элит современной России, усиление консервативного русского патриотизма на основе идеалов досоветских времен, воссоединение Крыма с Россией, события на Донбассе не вписываются в политику Минска. С самого начала негативно воспринималась и экономическая элита постсоветской России, находящаяся фактически на капиталистических позициях.

Особо следует остановиться на языковой идентичности. Засорение русского языка (нецензурные интернет-опусы Джигурды, языковое бескультурье «блондинки в шоколаде», появившиеся многочисленные «авангардные» фильмы, театральные постановки, стихи и проза с элементами мата и др.) очевидным образом работает не на демократическую плюрализацию, а на размывание культурно-языковой идентичности России.

Необходимо отметить все возрастающее влияние на процессы формирования национальной идентичности информационной сферы, в которой со стороны контр-партнеров задействованы самые современные интернет-технологии подрыва национальных интересов и разрушения базовых ценностей общества, размывающие общество на отдельные сегменты, подменяющие реальные события виртуальным контентом¹.

Для нашей страны необходимы не уход от идентичности, на что направлено информационное воздействие со стороны внешних геополитических контр-партнеров, а выработка и практическая реализация новых креативных концепций формирования идентичности, не ведущих к фрагментации социума и усилению внутривнутриполитических и социально-экономических, религиозных, этнических и культурных противоречий. Эти процессы системно взаимосвязаны с необходимым для обеспечения безопасности и развития страны формированием национальной идеи.

¹ Родионов М.А. Информационная безопасность политических элит // Социально-гуманитарные знания, 2016, №1, с. 112-113.

На основе реализации указанных процессов необходимо выработать и реализовывать адекватные политические формы дальнейшего развития нашего государства. Таким направлением в XX в. для нашей страны было формирование идентичности на базе построения государства всеобщего равенства на основе отсутствия частной собственности. В силу большого количества внутренних и внешних факторов, объективных и субъективных причин, многие из которых уже исследованы и продолжают анализироваться, но немало еще ждут своего часа, оставаясь закрытыми для общества, данный уникальный исторический эксперимент был сначала заведен в тупик, а затем и вовсе прерван путем развала государства.

В настоящее время особую уязвимость для России создает гибридный характер государственности, при котором патриотическая внешняя политика, коррелированная с инстинктом самосохранения общества, диссонирует с либеральными социально-экономическими подходами, особенно со стороны компрадорской «офшорной аристократии»¹.

По словам В. Тишкова, «российский народ как гражданская нация и его обозначение словом «россияне» либо решительно отвергаются, либо отрицание нации скрыто в тезисе формирования российской нации как проекта для будущего. Именно это отрицание, а не недостаток схожести и солидарности россиян и есть основное препятствие для признания существования российской нации. Переубеждение таких отрицателей, собственно говоря, и есть процесс «нациестроительства» или «формирования нации»². Формированию и развитию национальной идентичности современной России должна соответствовать практика отказа от сложившейся в последние десятилетия привычки заимствования иностранного опыта без тщательной конструктивной оценки на предмет сопряжения его использования с отечественной историей, национально-государственной почвой, цивилизационной идентичностью и ментальностью, специфическими особенностями населяющих нашу страну этносов и различных социальных групп.

¹ *Делягин М.* Человечество за порогом. 03.02.2018. URL: http://zavtra.ru/blogs/chelovechestvo_za_porogom

² *Тишков В.* Что есть Россия и российский народ // Национальное строительство, № 3(11), май-июнь 2007. URL: http://intelros.ru/pdf/Pro_et_Contra/Vol11num3-02.pdf

Родионов М.А., Волкова Т.А. Политические элиты и национальная идентичность. В статье проводится исследование вопросов формирования и развития национальной идентичности во взаимосвязи с влиянием на эти процессы политических элит.

Ключевые слова: национальная идентичность, политические элиты, мультикультурализм, информационная сфера.

Rodionov M.A., Volkova T.A. Political elites and national identity. The article studies the issues of formation and development of national identity in correlation with the influence of political elites on these processes.

Keywords: national identity, political elites, multiculturalism, information sphere.

Э.Э. ШУЛЬЦ
кандидат исторических наук, директор
Центра политических и социальных технологий*

Теоретическая база цветных революций

Технологии цветных революций несут в себе серьезную теоретическую базу, которая прослеживается в логике и алгоритме действий, шаблонности и небольшой вариативности в использовании на различных территориях (что, в свою очередь, обеспечивает наибольшую вероятность практического мультиплицирования), в целенаправленном акцентировании на технологической составляющей. К сожалению, данный вопрос почти остался без внимания специалистов, при этом актуальность проблематики сложно переоценить¹.

В связи с отсутствием исследований по названному вопросу эту нишу заполняет публицистика. Так, «Нью-Йорк Таймс» в начале 2011 г. написала, что идейным отцом «арабской весны» можно считать американского политолога Дж. Шарпа², эта мысль быстро разлетелась по мировым СМИ, в том числе и российским³, перекочевала в экспертную и научную среду и прочно укрепилась. Ниже мы рассмотрим концепцию Шарпа и ее контекст и попробуем очертить действительный круг компонентов той теоретической базы, которая легла в основу технологий цветных революций (куда типологически относятся и события «арабской весны»).

Дж. Шарп писал, что его «свод действий» начинал формироваться в связи с верой в необходимость борьбы с диктаторскими режимами, такими как германский нацизм. Однако впоследствии он включил сюда и советский режим, и

* Шульц Эдуард Эдуардович, e-mail: nuap1@yandex.ru

¹ См.: Шульц Э.Э. Технологии бунта. (Технологии управления радикальными формами социального протеста в политическом контексте). М., 2014, с. 12-69.

² Stolberg Sh.G. Shy U.S. Intellectual Created Playbook Used in a Revolution // New York Times, february 16, 2011. URL: http://www.nytimes.com/2011/02/17/world/middleeast/17sharp.html?_r=1&pagewanted=all (дата обращения: 21.12.2016)

³ Сурков Н. Американский «отец» арабских революций // Независимая газета, 18.02.2011 (URL: http://www.ng.ru/world/2011-02-18/1_revolutions.html) (дата обращения: 21.12.2016)

многие другие страны, где произошла смена власти с лозунгами демократии¹. Из 198 методов «ненасильственных действий», которые выдвигает Шарп, примерно четверть таковыми не являются, а еще некоторые методы после цветных революций квалифицируются в определенных случаях как противоправные различными государствами. Например, «декларации организаций и учреждений», «декларации обвинений и намерений», если эти декларации нарушают закон с точки зрения призывов к свержению существующего строя, призывов к терроризму, национальной и религиозной розни и т.д. «Вывешивание флагов, использование символических цветов», «знамена, плакаты и наглядные средства», «листовки, памфлеты и книги», «газеты и журналы», «надписи в воздухе и на земле», если они не нарушают закон по указанным пунктам, но могут нарушать по законам о СМИ, положениям о нарушении общественного порядка, порчи имущества и т.д.

Сюда относятся «раздевание в знак протеста», «уничтожение своей собственности», «псевдовыборы», «захват ценностей», «рисование в знак протеста», «установка новых уличных знаков и указателей», «грубые жесты», «давление на отдельных людей», «преследование» официальных лиц» и др. Причем ряд действий являются наказуемыми во всех странах, такие как «отказ от уплаты налогов», «отказ выплачивать долги или проценты», «отказ платить арендную плату». Примерно треть принципов относятся к экономическим и имеют отношение к технологиям геополитики, но не к технологиям «цветных революций» («внутреннее эмбарго», «черные списки торговцев», «международное эмбарго поставщиков», «международное эмбарго покупателей», «международное торговое эмбарго», «бойкот потребителей», «отказ покупать те или иные товары», «политика аскезы», «отказ от аренды», «общенациональный потребительский бойкот», «международный потребительский бойкот», «бойкот производителей», «бойкот поставщиков и посредников», «бойкот торговцев», «снятие банковских вкладов» и др.).

При этом Шарп выступает противником военного переворота и восстания, так как «яростное восстание жестоко по-

¹ Шарп Д. От диктатуры к демократии: Стратегия и тактика освобождения. 2-е изд., испр. М., 2012, с. 7, 10.

давляют, и люди становятся еще беспомощнее»¹. Такое восстание с помощью насилия и военных действий может даже победить, но вряд ли завоевать настоящую свободу², так же как и военный переворот может казаться «сравнительно легким и быстрым способом устранить самый мерзкий режим», «однако у такого способа есть серьезные недостатки»: «Прежде всего, он не меняет несправедливого распределения власти между населением и элитой, управляющей правительством и вооруженными силами. Устранив с правящих позиций одних лиц, одну группу, мы, скорее всего, просто дадим возможность другой группе занять их место. Такая группа может оказаться более терпимой и открытой для (возможно, ограниченных) демократических реформ. Однако с тем же успехом может случиться и совсем иное»³.

Шарп также выступал против внешнего вмешательства (оно как раз стало ключевым элементом всех цветных революций), которое влекло, по его мнению, негативные последствия: 1) иностранные государства нередко терпят диктатуру и даже помогают ей, чтобы обеспечить свои экономические или политические интересы; 2) иностранные государства могут предать угнетенный народ и не сдерживать своих обязательств (т. е. не помочь ему) ради какой-то другой цели; 3) некоторые государства согласны бороться против диктатуры лишь для того, чтобы добиться экономического, политического или военного контроля над чужой страной; 4) иностранные государства могут активно вмешаться и действительно помочь только тогда, когда внутреннее сопротивление уже пошатнуло диктатуру и привлекло внимание международной общественности к ее жестокой природе»⁴.

Принципы и подходы Шарпа вполне вписываются в исторический контекст (60-70-е гг. XX в.), это своеобразная разработка теории общественных движений, получившей свое рождение в этот период и новую жизнь вместе с принципами Шарпа в связи с «цветными революциями». Как раз теоретиков общественных движений, таких как М. Зальд,

¹ Шарп Д. Указ. соч., с. 13.

² Там же.

³ Там же, с. 14.

⁴ Там же, с. 15.

Р. Эш, Д. Маккарти и других¹, с большими основаниями можно назвать авторами технологий цветных революций, так как именно финансируемые из-за рубежа общественные организации стали идеологами и организаторами протестных акций².

Теория общественных движений появилась во второй половине 60-х гг. XX в., и ключевыми в новом подходе были два принципа. Первый: общественные движения стали основными социальными формами, через которые общественность выражает свое мнение и свой протест³. Второй: в любом обществе существует недовольство, более того, это недовольство (неудовлетворенность) можно определять, создавать и управлять им, манипулировать в собственных целях организации⁴. Именно использование этих подходов явно прослеживается в технологиях управления социальным протестом во всех «цветных революциях» и в событиях «арабской весны» в странах Северной Африки и Ближнего Востока⁵.

За четыре десятилетия исследовательское направление, родоначальниками которого стали М. Зальд и Р. Эш⁶, создало несколько собственных теорий и направлений, среди которых «теория мобилизации ресурсов», «теория новых общественных движений», «концепция коллективной идентичности» и др. Если до этого источниками социального напряжения считались структурные изменения (экономические кризисы, урбанизация и т.д.) и общественные движения рассматривались как нарушение естественного хода вещей и иррациональный ответ социуму, то новое направление стало считать общественные движения в качестве неотъемлемой части общества. Во главу угла была

¹ Zald M.N., Ash R. Social Movement Organizations: Growth, Decay, and Change // *Social Forces*, 1966, 44 (3), p. 327-340; Zald M.N., McCarthy J.D. Social Movements in an Organizational Society: Collected Essays. New Brunswick, N.J., 1987.

² См.: Шульц Э.Э. Технологии бунта: «цветные революции» и «арабская весна» // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*, 2014, № 19 (256), с. 46-54.

³ Snow D.A., Soule S.A., Kriesi H. Mapping the Terrain // *The Blackwell Companion to Social Movements*. Blackwell Publishing, 2004, p. 3.

⁴ Zald M.N., McCarthy J.D. Social Movements in an Organizational Society: Collected Essays, p. 18.

⁵ См.: Шульц Э.Э. Теория социальных движений: проблемы теории и практики // *Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки»*, 2014, № 4, с. 23-30..

⁶ Zald M.N., Ash R. Social Movement Organizations: Growth, Decay, and Change // *Social Forces*, 1966, 44 (3), p. 327-340.

поставлена зависимость общественных движений от ресурсов и мобилизационных возможностей организации¹.

Главная задача общественного движения состоит в использовании и мобилизации имеющихся ресурсов (люди, финансы, техника, связи и т.д.), поэтому теория мобилизации ресурсов стремилась объяснить, как провести эффективную мобилизацию для достижения социальных изменений. Эта теория постулирует, что чем больше мобилизационные способности общественного движения, тем больше его потенциал в достижении целей по социальным изменениям².

Ключевой проблемой является рекрутинг сторонников, и особую значимость здесь приобретает проблема идентификации себя с целями и смыслом движения³, что дало толчок появлению в 80-х гг. «новой теории общественных движений» и концепции коллективной идентичности. Особенности коллективной идентичности стали считаться самым важным фактором влияния на мобилизационные возможности движения⁴.

Фактически «теория мобилизации ресурсов взяла принципы организационной теории и распространила их, по аналогии, на общественные движения»⁵. Теория социального выбора К. Эрроу стала одной из разработок теории мобилизации. «С помощью теорий социального выбора Кеннета Эрроу была разработана экономическая теория демократии, исходящая из постулата о почти тотальном оппортунизме политических партий. Политические лидеры и их организации – всего лишь предприниматели и предприятия, действующие на особом рынке, где успех

¹ *McAdam D. Collective action // The Blackwell Encyclopedia of Sociology /Ed. By G. Ritzer. Blackwell Publishing, 2007, p. 576.*

² *Caniglia B.S., Carmin J. Scholarship on Social Movement Organizations: Classic Views and Emerging Trends // Mobilization: An International Journal, 2005, 10 (2), p. 201-212; Tarrow S. Power in Movement: Social Movements and Contentious Politics. 3-rd edition. N. Y., 2011, p. 16.*

³ *McAdam D. Beyond Structural Analysis: Toward a More Dynamic Understanding of Social Movements // Social Movements and Networks. Relational Approach to Collective Action. Oxford, 2003, p. 286-287.*

⁴ *Gamson J. Must Identity Movements Self-Destruct? // Social Problems, 1995, № 42 (3), p. 390-407; Melucci A. The Process of Collective Identity // Social Movements and Culture /Ed. by Johnson H. & Klandermas B. Minneapolis, 1995, p. 41-63.*

⁵ *Edwards B. Resource Mobilization Theory // The Blackwell Encyclopedia of Sociology, p. 3902.*

измеряется не в долларах, а в голосах. Партии составляют программы, обещающие успех у большинства; будучи избраны, они эти программы осуществляют, неизбежно задевая при этом чьи-то интересы; это дает шанс оппозиции выступить с пакетом программ, ориентированных на новую ситуацию и потому несколько иных»¹.

Генетически связана с теорией общественных движений теория рационального выбора, которая базируется на работах М. Олсона «Логика коллективного действия» (1965) и Г. Таллока «Парадокс революции» (1971) и утверждает, что недовольство само по себе не важно, решение заинтересованного человека относительно участия в коллективных политических выступлениях, таких как протест или восстание, принимается на основании желаний определенных результатов: сокращения неравенства, изменения в государственной политике или иных подпадающих под понятие общественной пользы, – если эти блага можно получить и так, то индивиду нет смысла участвовать в каких-либо коллективных действиях².

Участие индивидов и групп согласно такому подходу выглядит абсолютно рациональным и его можно рассчитать. Выстраиваемые формулы ожидаемого уровня участия в коллективных политических действиях зависят от ценности (важности), которую индивид придает общественному благу³. Наибольшая уязвимость этих теорий проявляется при рассмотрении конкретных исторических примеров массовых радикальных форм социального протеста.

За последние десятилетия было предложено множество формул расчета потенциального участия граждан в протестных акциях, например, что восстание равно сумме недовольства, мобилизации, заразительности и возможностей самого восстания; или возможности, идентичности, мобилизации, репрессии, недовольства; к последним составляющим добавляются другие привходящие элементы, такие как заразительность, демократизация и величина группы, без-

¹ Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы. М., 2002, с. 146.

² Finkel S.E., Muller E.N., Opp K.-D. Personal Influence, Collective Rationality, and Mass Political Action // American Political Science Review, 1989, vol. 83, No 3, September, p. 885-886.

³ Ibidem, p. 886.

работица, потерянная автономия, ВВП, уровень образования, стабильность режима¹.

Конечно, приписывание протесту расчета ожидаемых выгод от участия (в виде преимуществ, связанных с коллективной пользой) или полезности этого участия (которая определяется с точки зрения относительной величины затрат и преимуществ²), когда дело касается радикальных массовых форм социального протеста (речь в данном случае не идет о политических партиях или лидерах, стремящихся возглавить протест), вызывает обоснованные сомнения.

Отстаивание групповых интересов в таких вопросах, как лоббирование или достижение групповой пользы (коллективное или общественное благо) в корпоративном секторе и бизнесе, о которых ведет речь М. Олсон³, вполне рационально и основано на принципах расчёта, но возможно ли такой подход механически переносить на протестные настроения. Как отметил немецкий философ Л. Фейербах, «сердце порождает революции, голова – реформы»⁴. Любые крайние формы поведения человека сильно связаны с эмоциональной составляющей, и радикальные формы социального протеста, особенно массовые, имеют ту же основу. Основная масса протеста в таких случаях скорее всего возникает по убеждениям, а не исходя из расчета последствий и потенциальных выгод. Вот почему наиболее яростные противостояния происходят на религиозной и национальной почве.

Кроме того проблема «замеров» протестных настроений и определения их причин наталкивается на две существенные ментальные особенности. Социологические опросы не дают возможности оценить уровень реального, а не декларируемого протеста, а также степень его активности (готовность к активным действиям). Любой опрос дает «проговариваемые причины», т.е. те, которые люди вер-

¹ *Saxton G.D.* Repression, Grievances, Mobilization, and Rebellion: a New Test of Gurr's Model of Ethnopolitical Rebellion // *International Interactions*, 2005, № 31, p. 5, 7, 8.

² *Gibson J.L.* Mass Opposition to the Soviet Putsch of August 1991: Collective Action, Rational Choice, and Democratic Values in the Former Soviet Union // *The American Political Science Review*, 1997, vol. 91, issue 3 (September), p. 672.

³ *Olson M.* The Logic of Collective Action. Public Goods and the Theory of Groups. Cambridge – London, 2002, p. 1, 3, 22-23, 51-52.

⁴ *Фейербах Л.* Предварительные тезисы к реформе философии // Соч. В 2 т. М., 1995, т. 1, с. 81.

бализуют и формализуют. Разница между называемыми причинами и реальными у респондентов может быть достаточно велика, особенно в случае с радикальными формами социального протеста: любые крайние формы сильно связаны с эмоциональной составляющей, которую очень трудно объяснить и формализовать. Как писал В. Парето, «люди склонны верить в то, что им выгодно; поэтому очень сложно определить, в том числе им самим, насколько ими движет вера и чувство, а насколько искусство и разум»¹.

Подводя итог, можно сделать несколько важных выводов касательно вопроса о теоретической базе цветных революций.

Рассмотренные теории и концепции предложили взгляд на общественные движения как на неотъемлемый элемент любой политической системы, который выполняет самостоятельные функции. Антиправительственные выступления с точки зрения этих подходов должны рассматриваться не как стихийный протест, а как вариант сделки с правительством посредством организованного коллективного действия. Теория рационального выбора вместе с концепцией коллективной идентичности дает подходы к обоснованию персональной и групповой необходимости таких действий.

Теория мобилизации ресурсов, новая теория общественных движений, концепция коллективной идентичности и т.д. дают понимание, как организовать общественное движение, обеспечить его необходимыми ресурсами, объединить его участников и увеличить их количество в современном обществе, как организовать протестные акции. «Принципы Шарпа» – это своеобразная разработка теории общественных движений, получившей свое рождение в середине 60-х гг. XX в. и пользующаяся популярностью по сей день. Шарп по сути рассматривает виды коллективного действия в рамках этой теории и предлагает их набор для демонстрации протеста и оказания давления на власть. Базовые принципы таких подходов были разработаны основателями теории общественных движений М. Зальдом, Р. Эшем, Д. Маккарти и др. Эта теоретическая база легла в основу подготовки и реализации событий «цветных революций» и «арабской весны», где именно финансируемые из-за рубежа общественные организации

¹ Парето В. Трансформация демократии. М., 2011, с. 145.

выступили идеологами и организаторами протестных акций, а главной составляющей стала проблема организации и мобилизации ресурсов. В подготовке такой организации и мобилизации базовым принципом являлся подход рационального выбора, согласно которому необходимо было убедить потенциальных сторонников в ощутимых выгодах протеста и свержения режима.

Шульц Э.Э. Теоретическая база цветных революций. Статья посвящена поиску теоретической базы цветных революций – тех теоретических построений, которые были положены в основу практической организации социального протеста в радикальных и массовых формах с целью свержения существующих политических режимов. Автор видит такую базу в теории общественных движений, с которой связаны теории мобилизации ресурсов, социального выбора и коллективной идентичности, а также в теории рационального выбора, которые все уходят корнями во вторую половину 60-х гг. XX в.

Ключевые слова: цветные революции, социальный протест, общественные движения, теория общественных движений, теория мобилизации ресурсов, теория социального выбора, коллективная идентичность, теория рационального выбора, принципы Шарпа.

Shults E.E. Color Revolutions' Theoretical Base. The article is devoted to defining of theoretical base of color revolutions – those theoretical constructions which have been put in practical foundation of the organization of social protest in radical and mass forms for the purpose of overthrow of the existing political regimes. The author sees such base in the theory of social movements with which theories of resource mobilization, social choice and collective identity are connected, and also in the theory of the rational choice, which all originate in the second half of the sixties of the 20th century.

Keywords: color revolutions, social protest, social movements, theory of social movements, resource mobilization theory, social choice theory, collective identity, theory of rational choice, Sharp's principles.

Т.В. ЗВЕРЕВА

*доктор социологических наук, профессор
кафедры рекламы и связей с общественностью
Академии гражданской защиты МЧС России**

С.А. МЕЛЬКОВ

*доктор политических наук, профессор,
заведующий кафедрой государственного и
муниципального управления Академии
гражданской защиты МЧС России*

А.Ю. ЛЯБАХ

*преподаватель кафедры государственного
и муниципального управления Академии
гражданской защиты МЧС России*

Проблематизация политических рисков перехода к цифровой экономике

Человечество движется в направлении цифрового будущего – в этом сомнений нет. Действительно, процессы межличностного и социального взаимодействия стремительно перемещаются в виртуальное пространство: «...следует согласиться с объективно существующей зависимостью между информационно-компьютерной революцией (как первым шагом к будущему информационному обществу) и будущим, новым обществом»¹. Эта перспектива «размножает» риски, зачастую не поддающиеся количественной оценке, характеризующиеся отсутствием достоверной информации о связях между причинами их возникновения и наступлением ущерба. Как пишут специалисты из Российского научного общества анализа риска, использование методов анализа

* Зверева Татьяна Владимировна, e-mail: tatzvevlad@mail.ru; Мельков Сергей Анатольевич, e-mail: 304304@mail.ru; Лябах Андрей Юрьевич, e-mail: 0190555@mail.ru

¹ Судоргин О.А. Генезис современного общества: информационные и политические аспекты: Монография. М., 2009.

риска и технологий управления им стало актуальной государственной, научной и общественной задачей¹.

Практически не прогнозируемые и не оцениваемые гипотетические риски политической системе и политической элите делают их важными для современной политической науки, изучающей различные властные (властью детерминированные или связанные с борьбой за власть) действия и проблемы. Именно их последствия могут быть непредсказуемыми и принести ущерб, что актуализирует изучение рисков от развития цифровой экономики, ускоряющей любые социальные, да и политические процессы.

Цель статьи – выявление политических рисков от внедрения цифровой экономики и определение их приоритетности для российской политической элиты.

1. Определение политических рисков как научная проблема. Исследование риска в науке было описано в концепции общества риска У. Бека, назвавшего современное общество обществом риска, поскольку оно является всеобщим, непредсказуемым и некалькулируемым. Риск же – это «систематическое взаимодействие общества с угрозами и опасностями, индуцируемыми и производимыми модернизацией ... и порождаемыми ею неуверенностью и страхом»². Этот процесс У. Бек назвал рефлексивной модернизацией, имеющей двойственный характер: направленность на минимизацию риска; учёт постоянных изменений, увеличивающих вероятность риска³.

Общество, развиваясь по определенному сценарию, постоянно наталкивается на риски – обратную сторону нормального развития. Согласимся с тем, что практически любое принимаемое решение может повлечь за собой рисковые последствия, таким образом возникает «дерево решений», накапливающее риски. По мнению Т. Лукмана, в современном обществе нет свободного от риска поведения, как нет и абсолютной безопасности, риска в принципе избежать нельзя, принимая какие-либо решения. Но все же восприятие риска можно охарактеризовать как познавательное и эмоциональное отношение субъекта к возможности нанесения ущерба.

¹ Российскому научному обществу анализа риска 10 лет: Юбилейный сб. статей. В 4 т. / Под общ. ред. М.И. Фалеева и А.А. Бычкова. М., 2014, т. 2.

² Beck U. Die Erfindung des Politischen. Frankfurt am Main, 1993.

³ Бек У. Общество риска: На пути к другому модерну. М., 2000.

Обратим внимание на важный документ: в начале 2017 г. был представлен ежегодный доклад the Global Risks Report¹. Потенциальные угрозы в этом докладе отдельно оценивались по степени вероятности их наступления и по степени негативного воздействия на мировое сообщество. Угрозы были разделены на пять категорий: экономические, технологические, геополитические, социальные и риски для окружающей среды. Фактически разрабатываемые подходы к минимизации рисков уже базируются, в этом мы согласны с экспертами, не только на традиционных методах предупреждения случайных событий (как правило, чрезвычайных ситуаций), но и на IT-технологиях. Речь идет в первую очередь о потенциальном ущербе для социумов и мирового сообщества в целом, т. е. о политических рисках.

Но как отделить политические риски от других видов рисков? Исследователь А.В. Брега пишет: «Теория политического риска возникла на стыке управленческой науки и политологии. Пионерами в институционализации исследования политического риска явились, прежде всего, коммерческие структуры, которые и сегодня на изучение политической конъюнктуры тратят миллиарды долларов. Для предпринимательства всегда весьма важно было знать, насколько стабилен социально-политический строй в той или иной стране, могут ли произойти там революция, военный переворот, смена экономического курса правительства, какова вероятность политических конфликтов и т.д. В момент своего появления теория политического риска была ориентирована на практическое использование в процессах оценки и принятия инвестиционных решений»².

Обратим внимание, подмечены два момента, характерные для понимания политриска: 1) субъектами его учета выступили коммерческие структуры, 2) его начали изучать совсем недавно. Его характеризуют такие проблемы при анализе, как: высокая латентность процессов принятия политрешений; неоднозначность и противоположность оценок результатов действий политиков; сложность определения критериев политриска; высокий уровень субъективизма в политике; труд-

¹ Были опрошены 750 экспертов, оценивших воздействие и вероятность 30 наиболее распространенных глобальных рисков и определивших 13 тенденций, способных усиливаться в течение 10-летнего периода.

² Брега А.В. Политический риск: Проблемы анализа и управления: Монография. М., 2005, с. 4.

ности в выявлении факторов политриска и многое другое. В современных условиях, пишет А.В. Брега, когда политика под воздействием демократических процессов и бурного развития информационной сферы становится все более «открытой», появляются новые благоприятные возможности в исследовании феномена политриска¹.

2. Цифровая экономика: риски не только экономические. По сути это модель экономики, основанной на предоставлении доступа в Интернет, что позволяет повысить производительность труда, конкурентоспособность компаний, снизить издержки производства и лучше удовлетворить потребности человека. Для ее успешного функционирования необходимы три элемента – инфраструктура (доступ в Интернет, телекоммуникации), электронный бизнес (ведение хозяйственности через компьютерные сети), электронная коммерция (дистрибуция товаров через Интернет)². Ее преимущества по сравнению с традиционной: упрощает и ускоряет взаимодействие сторон, делая управление процессами более простым и прозрачным; разрастается до международных масштабов; легко интегрируется в существующие процессы, протекающие в государстве.

Аналитический центр при Правительстве РФ провел онлайн-опрос, в котором приняли участие представители научного сообщества. По результатам опроса было сформулировано семь определений понятия «цифровая экономика» (не будем на них останавливаться подробно). В каждом из них в качестве основного критерия подчеркивается наличие цифровых информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ), т. е. она базируется на огромном массиве данных.

Государство и бизнес-структуры постоянно окружают себя наборами цифровых данных, поскольку это удобно и профессионально, но в создавшихся условиях возникает **риск ошибок при работе с данными**. Подчеркнем, с развитием цифровой экономики изменения должны происходить как на уровне государства (принятие решений для общества), так и на уровне отдельных отраслей и компаний (принятие экономических решений), что вызывает необходимость роста инвестиций. Но высокотехнологичный биз-

¹ Там же, с. 17.

² Beck U. Op. cit.

нес требует **огромных вложений при долгих сроках окупаемости** – это усиливает риски.

В цифровой экономике изменения бизнес-процессов происходят в реальном времени с помощью развитой информационной системы. Ядром цифровой экономики является контент, возможность работать с ним и использовать во всех экономических процессах. Глобальным риском цифровой экономики могут стать **искажения или потери данных**.

3. Основные политические риски цифровой экономики. Применение технологий в цифровой экономике, являясь фактором развития и совершенствования общественных и госинститутов, одновременно порождает новые риски. Действительно, **трансграничность цифровизации и открытости экономических субъектов** делает национальный сегмент экономики уязвимее к негативному воздействию извне. Это одновременно экономический и политический риск, поскольку растут возможности информационно-технического воздействия ряда стран на инфраструктуру российской экономики в экономических и политических целях.

Одновременно усиливается деятельность организаций, осуществляющих техническую разведку в отношении государственных, национальных коммерческих, научных организаций и предприятий оборонно-промышленного комплекса (это не только экономический риск, особенно в отношении предприятий, производящих современные вооружения). А используемые иностранными компаниями технологии существенно понижают конкурентоспособность отечественных производителей. Соответственно расширяются масштабы оказания спецслужбами отдельных государств информационно-психологического давления на экономических и политических субъектов, манипуляций биржевыми котировками и т.п.

Возрастают масштабы **компьютерной преступности**, прежде всего в кредитно-финансовой сфере, увеличивается число преступлений, связанных с нарушением конституционных прав и свобод человека, касающихся неприкосновенности частной жизни, личной семейной тайны при обработке персональных данных с использованием информационных технологий. В условиях цифровой экономики человек становится полностью уязвим перед глобальными плат-

формами¹. Повышается сложность и увеличиваются **масштаб и количество скоординированных компьютерных атак**.

Не менее актуальным экономическим (на первый взгляд) риском является риск **потери работы**. Как цифровая экономика повлияет на рынок труда? (а это уже вопрос политический). По этому вопросу нет единой позиции. По мнению Всемирного банка, цифровая экономика приведет к увеличению рабочих мест. Американский эксперт Р. Аткинсон утверждает: «Не надо бояться, что развитие ИКТ приведет к росту безработицы. Нет фактического материала, что это приводит к таким последствиям». В то же время есть противоположное мнение о том, что цифровая экономика может привести к **массовой безработице** (а это уже политическое последствие, способное проявиться во время очередных выборов). Новые технологии способны снизить привлекательность традиционных отраслей, изменение профессиональных требований и автоматизация производства на базе цифровых технологий и при отсутствии должной системы переподготовки кадров могут вызвать **структурную безработицу** (что тоже является политическим последствием).

У экспертов и политиков сегодня растет обеспокоенность тем, что волны инвестиций в цифровые технологии способствуют **сокращению рабочих мест, стагнации заработной платы и росту неравенства в оплате труда**. В области связи и массовых коммуникаций цифровые технологии могут способствовать **формированию социальных микрокультур, не придерживающихся общепринятых социальных ценностей** (например, дальнейшим успехам террористических организаций – как известно, политических по сути²).

Следующий риск в цифровой экономике – это риск **потери дохода** (риск не новый). Как развитие цифровой экономики отразится на благосостоянии большинства граждан? Всемирный банк признает: есть определенный риск того, что автоматизация приведет к тому, что некоторые лишатся работы и далее в среде малообеспеченных слоев населения усилится конкуренция за рабочие места, что приведет к **стагнации зарплат**, следовательно, есть риск того, что развитие цифровых технологий может **услужить**

¹ Глобальная платформа – организованная система тотального контроля деятельности субъекта с использованием его персональных данных.

² Белозёров В.К. Страсти по воде и Центральная Азия // Россия и мусульманский мир, 2010, № 2, с. 117-123.

социально-экономическое неравенство. Создаваемый цифровой экономикой новый уклад разрушит многие традиционные сектора, что вызовет рост отрицательных эмоций работников. Государству скорее всего придется создавать условия (а это – экономическая политика, политика занятости) для наименее ущербного вхождения в цифровую экономику неквалифицированных работников.

В течение следующих 30 лет технологии позволят преодолеть биологические ограничения человеческого потенциала. Носимые устройства, подключенные через Интернет, смогут передавать контекстно-зависимую информацию, соотносящуюся непосредственно с нашими эмоциями. Например, экзоскелет и протезирование, сопряженное с мозгом, сделают человека сильнее и вернут мобильность пожилым людям и людям с ограниченными физическими возможностями. Сенсоры и компьютеры, встроенные в контактные линзы и постоянные импланты, дадут естественное ночное видение и позволят погрузиться в виртуальные и дополнительные реальности. Ноотропные препараты расширят познавательные способности человека и трансформируют работу и образование. А спецслужбы получают практически неограниченные возможности контроля деятельности и замыслов граждан, чиновников, общественных и политических институтов. Кроме того скорее всего будет наблюдаться повсеместная роботизация, приводящая к росту безработицы (экономико-политическая проблема) и усилению киберпреступности.

Технологии уже сейчас меняют образование как систему. В настоящее время колледжи и университеты предлагают онлайн-курсы; онлайн-преподаватели предлагают новые методы изучения учебных материалов, экономя время и иные ресурсы обучающихся. Известно, что все граждане могут воспользоваться огромными возможностями для обучения, повышения квалификации, непрерывного образования, развития и участия в экономической и социальной жизни (это тоже политико-экономический риск для всех тех, кто не захочет всю жизнь учиться).

К 2045 г. 3,9 млрд. человек – более 40% населения мира – могут столкнуться с проблемами доступа к водным ресурсам. Опреснение, микропорошение, рекультивация воды, сбор дождевой воды и другие технологии могут в какой-то степени решить проблему. Генетически модифицированные культуры

и автоматизация могут повысить урожайность сельхозкультур и позволить сельхозпроизводителям производить больше продуктов питания за счёт использования меньших площадей земли. Продовольствие и вода могут стать основными направлениями инноваций и конкуренции.

Текущие данные указывают на повышение глобальных температур поверхности Земли, в результате уровень моря, вероятно, может повыситься, угрожая прибрежным городам. Урожайность сельскохозяйственных культур может снизиться, что потенциально может привести к голоду в некоторых частях мира. Засуха может угрожать миллионам людей нехваткой пресной воды, а наводнения могут нанести ущерб семьям и предприятиям, а также общественной инфраструктуре. В течение следующих 30 лет эти риски будут стимулировать инвестиции в технологические решения для смягчения потенциальных последствий изменения климата. В ближайшей перспективе технологии изменения климата будут включать системы для маппинга¹ рисков наводнений и генетически модифицированных культур, разработанных для обеспечения засухоустойчивости.

При общепризнанной роли цифровой экономики как драйвера экономического роста и инструмента качественного изменения показателей благосостояния государства в инструментарии аналитической прогностики, полагаем, следует учесть политико-экономические эффекты от внедрения цифровой экономики. Российскому государству сегодня, как и любому другому необходимо своевременно реагировать на тенденции формирования и развития национального глобального цифрового пространства.

4. Экспертное ранжирование выявленных политических рисков. Мы проанализировали значимость для политической элиты выявленных политрисков, проведя экспертный опрос. В нем участвовали 10 человек². С помощью метода парных сравнений каждому критерию (политриску) были присвоены сравнительные числовые значения. Перечислим критерии по убыванию, начиная с максимального числового веса: «Усиление компьютерной преступности (киберпреступности)» – числовой вес 0,3017 (далее по аналогии),

¹ Маппинг – карта рисков.

² Все эксперты – преподаватели Академии гражданской защиты МЧС России (среди них 4 доктора наук и 5 кандидатов наук).

«Усиление возможностей спецслужб контролировать частную жизнь граждан» – 0,2187, «Уязвимость государственной политики и ее субъектов от воздействия извне» – 0,1262, «Роботизация многих управленческих процессов» – 0,0698, «Сжатие (потенциальное) отечественного рынка труда и рост безработицы» – 0,0698, «Усиление проблемы доступа к водным ресурсам, засуха» – 0,0234.

Таким образом, эксперты на **1-е место** поставили такой риск, как **«Усиление компьютерной преступности (кибер-преступности)»**. На 2-м месте – «Усиление возможностей спецслужб контролировать частную жизнь граждан».

Развитие цифровой экономики весьма сложный и неоднозначный процесс, требующий пристального внимания госорганов, экономического сообщества, ученых. Возникающие же при этом риски (в том числе политические) нуждаются в постоянном мониторинге и изучении экспертами, учеными, конфликтологами, управленцами.

Для выявления наиболее приемлемых и эффективных способов и путей минимизации политрисков недостаточно использовать общеполитические рассуждения. Нужны серьезный математический аппарат, конкретные методы исследований, подготовки и принятия решений. В этом смысле наука управления и политическая наука постепенно сближаются. Подчеркнем: разрабатываемые способы по минимизации рисков должны базироваться не только на традиционных методах предупреждения случайных событий, но и на последних достижениях в области исследования IT-технологий.

Очевидно, что предстоящие изменения в рамках цифровой экономики затронут все сферы жизни общества (а не только саму экономику), принесут огромные преимущества, но вместе с тем приведут к обострению существующих и создадут новые риски. Для решения проблемы нейтрализации перечисленных в статье рисков государству необходимо своевременно реагировать на формирующиеся тенденции социально-этического характера, связанные с генезисом национального глобального цифрового пространства.

Зверева Т.В., Мельков С.А., Лябах А.Ю. Проблематизация политических рисков перехода к цифровой экономике. Рассмотрены некоторые политические риски, с которыми придется

столкнуться российской политической системе в условиях перехода отечественной экономики к цифровому формату.

Ключевые слова: безопасность, лояльность, попарные сравнения, риск политический, ущерб, цифровая экономика, экспертные оценки, элита.

Zvereva T.V., Melkov S.A., Lyabakh A.Yu. Problematization of political risks of transition to a digital economy. Some political risks that the Russian political system will face in the context of the transition of the domestic economy to the digital format are considered.

Keywords: security, loyalty, pairwise comparisons, political risk, damage, digital economy, expert assessments, elite.

В.В. ЛЮБЛИНСКИЙ

*доктор политических наук, главный научный
сотрудник, руководитель сектора сравнительного
анализа социальной политики Института
социологии ФНИСЦ РАН**

Социально-политические аспекты технологической трансформации общества

В современном мире происходит изменение в соотношении факторов роста в сторону дальнейшего повышения роли научно-технического прогресса (НТП). На нынешнем этапе усиливается международное соперничество в области научных исследований и их внедрения в реальную экономику. Глубокая трансформация общества под воздействием цифровых технологий становится непрерывным процессом, определяя экономическую конкурентоспособность (предприятий и отраслей – в области цен, качества и разнообразия ассортимента продукции), социальную конкурентоспособность (доходы, потребление, досуг, удовлетворенность жизнью) и, в конечном итоге, прочность политической системы (политическую конкурентоспособность).

Фактор НТП все больше влияет на экономику, социальную сферу, политику, гуманитарные вопросы, коммуникативную и другие сферы. Формируется новая система организации и управления, основанная на цифровых технологиях и сетевом взаимодействии. В результате социально-экономическая система становится более гибкой и мобильной, что ведет к ее большей производительности. Однако автономия предприятий и фирм существенно снижается, ибо стратегические решения принимаются на уровне управления сетью, а затем спускаются вниз.

* Люблинский Виктор Викторович, e-mail: lyubl.victor@yandex.ru

По существу сетевизация общества – это продукт новых цифровых технологий, получающих распространение и применение в различных сферах. При этом отношения собственности принципиально не меняются. Общество остается организованным на основе иерархии и дифференциации богатства и собственности, которые детерминируют уровни доходов, потребление и стили жизни, социальное положение, политические предпочтения. Общество по-прежнему остается разделенным и фрагментированным. По большому счету повсюду в мире (за некоторым исключением), на Западе и в России, оно является таковым. О той или иной степени его консолидации можно говорить весьма условно, и то по отдельным вопросам. О какой сплоченности можно говорить, если увеличиваются имущественные разрывы, если повсеместно растет уровень бедности, если ухудшается положение занятого населения?

Внедрение новых достижений НТП в экономику пока оборачивается серьезными издержками для большей части населения. И в этом нет ничего необычного. Так было всегда. Переход к применению новых технологий в производстве приводил, по крайней мере на первых этапах длительного пути, к серьезным социально-экономическим и политическим издержкам.

В этих условиях происходит глубокая трансформация модели глобального развития, смена миропорядка. Социально-экономическое благополучие и политическое влияние развитых стран Запада в значительной степени базируется на военной мощи США. Эта модель исчерпывает себя. Рост конкуренции и смена модели мирового развития порождают рост противоречий и конфликтов, повышают риск мирового конфликта.

Основные глобальные социальные тренды в новую технологическую эпоху: рост народонаселения в мире, весьма несбалансированный по странам и регионам, главным образом за счет развивающихся стран; рост миграционных потоков, рост неравенства и бедности в странах Запада и не только. Как результат – трансформация занятости, кризис классического социального государства и ослабление социальной политики. В этом контексте необходимо оценивать ситуацию и перспективы социально-политических процессов и в России.

С формированием сетевого общества «происходит глубокая трансформация политических институтов, возникает новая форма государства, которая приходит на смену национальному государству индустриальной эпохи»¹. По существу с глобализацией процесса цифровизации и сетевизации общества связана постановка вопросов о необходимости глубокого реформирования социальной сферы, снижения расходов на социальную политику. Происходит изменение традиционной роли государства, особенно в области регулирования социальных процессов. Характер социальной политики будет определяться теми проблемами, которые возникают в условиях быстрого распространения новых технологий. В то же время активно формируется цифровая экономика, которая знаменует собой помимо прочих существенных моментов значительный рост производительности труда.

Это, естественно, отражается в первую очередь на сфере благосостояния, провоцирует ее реструктуризацию. Выделяются перспективные и бесперспективные отрасли и сферы приложения труда. По нашему мнению, нынешний этап НТП специфичен тем, что общая занятость скорее снижается, ибо нет сферы (как, например, сфера услуг в предшествующую эпоху), которая бы активно развивалась и компенсировала падение занятости в промышленном секторе. Сейчас в ходе цифровизации экономики и занятость в сфере услуг оказывается под угрозой.

При сохранении сложившейся модели политических отношений это предопределяет неизбежность дальнейшего роста социального неравенства и бедности, подрывая устойчивость общества. В целях обеспечения его стабильности в этих условиях возникает необходимость в развитии социального государства и росте социальных расходов, однако это противоречит нынешнему курсу правительств многих стран. Приоритетом для них выступает рост конкурентоспособности за счет сокращения социальных расходов и в ущерб реальностям нового мирового политико-экономического порядка.

Пока, однако, необходимо объективно оценивать масштабы цифровизации экономики, которая находится только в

¹ *Castells M., Cardoso G. (eds.) The Network Society: From Knowledge to Policy. Wash., 2005, p. 15.*

начале своего расширения. В странах ОЭСР на «информационные» отрасли приходится 6% добавленной стоимости, 4% общей занятости и 12% инвестиций. Но главное – то, что производительность труда в этом секторе на 60% выше по сравнению с остальными отраслями¹.

С формированием нового технологического уклада человечество открыло для себя и новое пространство жизни – виртуальное, в которое перемещается значительная часть активности граждан. На первый план выходит информация, формируется глобальная индустрия информации; она оказывает все более сильное влияние на различные стороны жизни и на политические решения. Формально через новые технологии, через сетевые сообщества граждане получают невиданные возможности выражать свое отношение к проблемам, политике, политическим лидерам и тем самым через публичность воздействовать на политику и развитие общества. Но все эти приобретения, как показывает практика, в большой степени перечеркиваются возможностями, которыми располагают властные и корпоративные структуры в области манипулирования информацией через виртуальные сетевые пространства.

Существует утверждение, что сетевое общество структурировано иначе, что это качественный рывок в развитии демократии, когда традиционная (вертикальная) иерархия связей сменяется на горизонтальные взаимодействия. Исходя из этого, оно якобы приобретает новые характеристики, что способствует выравниванию социальных возможностей и участию граждан в управлении. В реальности же мало что меняется, происходит усложнение проблем, а значит, их решение становится труднее, что повышает роль политики.

Кроме того в условиях новой технологической эпохи сетевизации и цифровизации общества угрозы, внешние и внутренние, многократно возрастают. Сетевое общество отнюдь не выравнивает отношения, так как в распределении власти ничего нового не происходит. В то же время в виртуальном пространстве разворачивается и ожесточается борьба интересов, перманентно происходят искажения реальности через искажения информации. В резуль-

¹ OECD Digital Economy Outlook 2017. P., 2017, p. 14. [Электронный ресурс]. URL: <http://dx.doi.org/10.1787/9789264276284-en> (дата обращения: 29.01.2018).

тате, как это ни парадоксально, усиливается контроль над обществом и людьми, а личное пространство сужается.

Это касается и демократии, которая характеризуется как влияние граждан на политику и принимаемые властью решения на разных уровнях. Уровень демократии определяется степенью этого влияния. Однако в условиях жесткого контроля над виртуальным пространством и искажения реальности большие возможности взаимодействия и формального влияния на политику обесцениваются.

В качестве механизмов развития по-прежнему выступают базовые факторы. Но роль политики объективно возрастает, ибо общество на каждом новом технологическом этапе становится сложнее и нуждается в усилении регулирования. Поэтому, когда производительная система преобразуется в инновационную и основным фактором роста становятся качество человеческого капитала и скорость внедрения достижений науки в реальную практику, проблемы развития, благосостояния и социальной стабильности определяются прежде всего характером системы политического управления и социально-политических отношений, что весьма актуально для России сегодня.

Роль политического фактора в развитии возрастает, фактора самоорганизации снижается. Общество организуется и развивается через политику и политическое управление на основе определенных представлений о целях, которых необходимо достичь, и задачах, которые необходимо для этого решить. Формирование политического курса опирается на анализ социально-экономического положения, понимание механизмов функционирования общества, четкое видение перспективы, учет наличия ограничений и противодействующих факторов. При этом необходимо также объективно оценивать реальные возможности (с учетом ресурсов, кадрового потенциала, интересов социальных групп) и соотношение издержек и результатов (в широком контексте социально-экономических и политических последствий).

Устойчивость современного общества базируется на его сетевой организации, в центре которой государство и крупные корпорации. В рамках этой системы осуществляется регулирование процесса технологической и социальной трансформации. Безработица контролируется, конфликты не выходят за допустимые пределы, осуществляются программы по созданию рабочих мест и регулированию доходов.

С начала формирования сетевого общества критических периодов, серьезных сбоев в социально-экономическом развитии удавалось избежать. Исключением явился, может быть, только кризис 2008-2009 гг. Он связан с несоразмерным ростом глобального финансового капитала. Но все-таки через глобальные сети и действия государств удалось временно погасить кризис, не решив, однако, фундаментальные проблемы, обусловленные задолженностью государств и кризисом нынешней системы бюджетных расходов.

В то же время процессы сетевизации и цифровизации общества формируют высокий конфликтный потенциал, несущий серьезные угрозы дестабилизации развития современного мира. В значительной степени это связано с тем, что пока в мире и в России сохраняется доминирующая роль финансового капитала, который в результате подмял под себя реальный сектор экономики и интересы развития общества и по существу определяет характер политических отношений. И перспектива в первую очередь зависит от того, удастся ли власти и обществу, наконец, в полной мере осознать и изменить подобное положение.

Однако обнадеживает то, что проблемы развития цифровых технологий в широком социально-экономическом и политическом контексте находятся в центре внимания мирового сообщества. Так, например, на специальной министерской встрече в 2016 г. в Мексике (участвовали представители 43 стран) было отмечено: «Путь к лучшему будущему, росту и благосостоянию связан с широким внедрением новых технологий»¹. Но для движения по этому пути и достижения результатов традиционной политики недостаточно.

Требуется новый подход, нужна глобальная скоординированная политическая стратегия, учитывающая интересы развития и роста благосостояния различных стран и массовых социальных групп. Другое дело, что подобный оптимистичный, одинаково выгодный для всех сценарий малореалистичен, ибо он противоречит основам современного миропорядка. Это актуализирует проблему кардинальной перестройки системы политического, экономического и социального устройства современного мира.

¹ OECD Digital Economy Outlook 2017, p. 22.

Люблинский В.В. Социально-политические аспекты технологической трансформации общества. В статье в сравнительном контексте рассматривается влияние новых технологий на социальное развитие, политические отношения, миропорядок.

Ключевые слова: технологическая трансформация, сетевизация общества, политические отношения, миропорядок, конкурентоспособность, социальная политика, занятость.

Lyublinsky V.V. Socio-political aspects of technological transformation of society. The article presents a comparative analysis of the impact of new technologies on social development, political relations and world order.

Keywords: technological transformation, networkization of the society, political relations, world order, competitiveness, social policy, employment.

Г.А. МАЛЫШЕВА
*младший научный сотрудник Института
социологии ФНИСЦ РАН**

О влиянии цифровизации на общественно-политическое развитие в России

О проблемах цифрового общества в последнее время говорится много и в самой разной связи. В данном случае эти проблемы интересуют нас применительно к динамике общественно-политического развития в России.

Влияние цифровизации на политическую сферу можно рассматривать в широком и узком смысле. В широком смысле предпосылки политической цифровизации заложены в изменениях экономического базиса российского общества. Реализация задач цифрового технологического развития требует изменения также институциональной и политической надстройки. Заметим в связи с этим, что ряд ведущих исследователей (в их числе А.А. Аузан и В.М. Полтерович) указывают в качестве одной из структурных проблем на несоответствие институционального устройства современной России социально-экономическим потребностям и вызовам новой эпохи.

В узком смысле политическую цифровизацию можно трактовать как инструментальное проникновение цифровых технологий в область политических отношений. Цифровизация политической жизни выражается во все более широком использовании современных технических средств массовой коммуникации, а также в постоянном совершенствовании технологий, обеспечивающих сбор, обработку, создание и распространение цифрового информационного контента общественно-политической направленности.

Согласно данным недавнего исследования НИУ ВШЭ, в настоящее время 75% домохозяйств в России располагают компьютерной техникой и доступом в интернет. Более трети россиян (37%) используют для получения интернет-услуг

* Малышева Галина Анатольевна, e-mail: lamaga2007@yandex.ru

мобильные устройства. При этом отмечается, что для подавляющего большинства граждан (76%) основной целью посещения интернета является участие в социальных сетях и лишь немногие (2-3%) ищут информацию политического характера¹. Подобная статистика позволяет сделать вывод о целесообразности распространения политического контента через социальные сети, т.е. о гибридизации политического присутствия в интернете и реализации непрямого воздействия в целях сформировать политические предпочтения пользователей.

Очевидно также, что жители страны обладают различными стартовыми условиями для вхождения в оцифрованную политическую реальность. Вместе с тем не вызывает сомнения, что интернет, хотя и не способен пока служить заменой традиционным СМИ, завоевывает все более прочные позиции на информационно-коммуникативном поле России в качестве пространства для политической конкуренции и формирования политической идентичности как отдельных граждан, так и общества в целом. В подобных условиях существенным преимуществом может стать применение наряду с классическими политическими технологиями «нового поколения».

Цифровые online технологии обеспечивают интерактивность и динамизм политического процесса, а анонимность пользователей и почти полное отсутствие цензурных ограничений способствуют большей свободе выражения личных взглядов и политических позиций. Впрочем, факторы, обуславливающие преимущества интернет-коммуникации, могут оказывать и обратное действие – в частности, анонимность источников подрывает доверие к размещаемой в сети информации.

Интернет и социальные медиа способствуют мобилизации электората во время избирательных кампаний. В последнее время наряду с социальными сетями в качестве инструмента предвыборной борьбы все чаще выступают различные мобильные приложения.

Мониторинг и распространение информации являются главной сферой приложения цифровых технологий в поли-

¹ Индикаторы цифровой экономики: 2017. Стат. сборник. М., 2017, с. 244, 253. [Электронный ресурс] // Сайт НИУ ВШЭ. URL: <https://www.hse.ru/data/2017/08/03/1173504122/ICE2017.pdf> (дата обращения: 04.12.2017)

тике. «Умные» интернет-технологии строятся на основе самообучающихся роботизированных компьютерных программ. Замаскированные под реальных пользователей они способны осуществлять автоматический поиск информации, генерировать тексты, рассылать сообщения, участвовать в дискуссиях под фейковыми аккаунтами в соцсетях и имитировать многие другие действия человека в интернете. В соответствии с заданными настройками программа-робот может быть использована для политической рекламы и агитации, сбора средств и вербовки сторонников, делая ненужной работу штата сотрудников и значительно снижая издержки политической деятельности. Подобные тенденции позволяют говорить о новом содержании политического участия в высокотехнологичном цифровом пространстве.

Технологии «дата-майнинга» позволяют собирать и обрабатывать колоссальные объемы информации о потенциальных политических сторонниках и избирателях, а также о политических конкурентах. Основываясь на интеллектуальной сегментации разнообразных персональных данных (включая информацию, считанную с кредитных и социальных карт, мобильных устройств, а также историю сетевой активности и статистику запросов в поисковых системах), они дают возможность создавать связанные персональные профили граждан, определять степень их лояльности и осуществлять прогностическое моделирование социального поведения. Как отмечается, интерфейсы современных цифровых устройств достигли такого уровня технологического совершенства, что способны выполнять функции по программированию индивидуального и массового сознания в соответствии с заданными целями.

Хотя между политической активностью в интернете и за его пределами не зафиксировано линейной зависимости, online технологии, несмотря на относительную ограниченность цифровой аудитории, все сильнее влияют на формирование общественно-политической повестки offline. Интернет-пространство используется властью для вертикальной коммуникации с гражданами, мониторинга социальных настроений и воздействия на них в целях обеспечения общественной поддержки. Существенную роль в реализации этих задач играет взаимодействие традиционных и цифровых медиаресурсов, динамика которого определяется масштабами и темпами оцифровки социальной жизни.

Широкое распространение технологий облачного хранения данных актуализирует проблему информационной и цифровой безопасности. Любой современный гаджет (а к числу их владельцев наряду с обычными гражданами относятся и представители властных структур) может быть использован для отслеживания пользовательских данных. В подобном контексте правомерно ставить вопрос о цифровой секьюритизации как важнейшем элементе общего комплекса задач по национализации и суверенизации российских политических элит.

Обладание цифровым технологическим преимуществом дает реальные рычаги воздействия на политическое пространство в собственной стране и за ее пределами. Цифровой суверенитет, таким образом, выступает как фактор безопасности и стабильности политической системы, а его обеспечение рассматривается как приоритетная государственная задача. Признается, что одно из возможных решений в этой области – создание некоей параллельной копии всемирной сети, – хотя и выполнимо технически, но в практическом смысле нецелесообразно, поскольку не дает возможности пользоваться универсальными настройками и сокращает количество доступных ресурсов. Гораздо более реалистичный сценарий, помимо частичной блокировки интернет-доступа, заключается в разработке альтернативного программного обеспечения в рамках национальных и интернациональных проектов, подрывающих технологическую монополизацию цифрового пространства.

Доклад по проблемам глобального развития, приуроченный к 50-летию Римского клуба, заостряет внимание на беспрецедентном ускорении и экспоненциальном росте трансформационных цифровых процессов. Одновременно подчеркивается, что модернизация управления этими процессами показывает гораздо более слабую динамику в силу инерционности мышления руководителей по всему миру¹.

Политическая цифровизация как часть системной цифровой трансформации подвержена общим закономерностям развития. В наши дни теория и практика политического

¹ Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet. A Report to the Club of Rome, by E. von Weizacker and A. Wijkman. 2018. Springer, p. 45, 47. [Электронный ресурс]. URL: https://www.batrachos.com/sites/default/files/pictures/Books/Weizsacker_Wijkman_2018_Come%20on.pdf (дата обращения: 11.12.2017).

регулирования существенно отстают от объемов и темпов оцифровки собственно политического пространства. Налицо качественный разрыв между субъектом и объектом политического управления.

Рассматривая указанный круг вопросов, следует исходить из того, что цифровое общество – это реальность, которой нельзя избежать, и единственное решение заключается в том, чтобы научиться управлять ею. Источник проблем в том, что цифровые технологии имеют свойство обновляться стремительно и в непрерывном режиме. Пока общество приспосабливается к имеющимся технологическим инновациям, на смену им приходят новые, еще более совершенные. Замечено, что технологии устаревают быстрее, чем заканчивается гарантийный срок произведенной на их основе продукции. Как бы ни были велики возможности цифровых технологий сегодня, завтра они будут способны на гораздо большее с точки зрения их позитивного и негативного влияния на общественное развитие.

Догоняющий характер и хроническое отставание процессов модернизации политического управления сегодня очевидны и в России. Исследователи обращают внимание на нарастание в нашей стране «структурного несоответствия между реальностью цифрового общества и институциональными практиками элит»¹. Сегодняшние действия российских властей показывают, что цифровизация трактуется ими в сугубо экономическом смысле, без глубокой и всесторонней оценки социальных и политических рисков новой технологической революции.

Есть достаточно оснований предполагать, что интеграция цифровых технологий в политику не тождественна продвижению к демократии. Когда технологические инновации используются как инструмент государственно-корпоративного влияния, интересы элитных групп ставятся неизмеримо выше интересов рядовых граждан, а оцифровка общества ведет к его дальнейшему разобщению и поляризации. Моделирование социального поведения, превентивное социальное программирование, воспринимаемые в

¹ Бондаренко С.В., Чугунов А.В. Развитие «электронного правительства» в России: новые институциональные практики и роль элиты // Властные структуры и группы доминирования: Материалы десятого Всероссийского семинара «Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации» / Под ред. А.В. Дуки. СПб., 2012, с. 370.

качестве ближайшей исторической перспективы, заставляют задуматься о пределах вмешательства искусственного интеллекта в жизнь отдельного человека и общества в целом, о ценностном аспекте и этическом наполнении грядущих перемен.

Пессимисты и скептики предупреждают об опасности формализации и дегуманизации социосферы в цифровую эпоху, о том, что современные технологии предоставляют новые, ранее невиданные возможности для изощренных политических манипуляций и крупномасштабных социальных экспериментов. Речь идет по сути о создании предпосылок для цифрового тоталитаризма и глобального цифрового империализма.

Таким образом, переход к цифровой модели развития создает условия для формирования качественно новой и весьма противоречивой социально-политической реальности. Успешная цифровизация в России способна послужить катализатором общественной консолидации в силу того, что достижения в области высокотехнологичного развития будут восприняты гражданами в качестве доказательства цивилизационной самодостаточности российского государства и общества. Однако те же процессы могут послужить и предпосылкой дестабилизации политической системы, если иметь в виду социальные сдвиги, которые могут быть ими спровоцированы.

Малышева Г.А. О влиянии цифровизации на общественно-политическое развитие в России. В статье рассматривается воздействие цифровизации на политические отношения и общественно-политическое развитие в целом в России.

Ключевые слова: цифровое общество, цифровая безопасность, политические отношения, информационно-цифровые технологии, социальное программирование.

Malysheva G. A. On the impact of digitalization on social and political development in Russia. The article considers the impact of digitalization on the sphere of political relations and social and political development in Russia.

Keywords: digital society, digital security, political relations, information and digital technologies, social programming.

Э.С. ШИМАНСКАЯ
*старший научный сотрудник Института
социологии ФНИСЦ РАН**

Добровольчество как сетевая институция российского общества в XXI веке

В политологии широко известны политические процессы, в которых социальным сетям придается серьезное значение. В период социально-политических трансформаций неминуемо происходит распад институциональных структур общества, ведущий к стихийному формированию различного типа социальных сетей, по каналам которых в ходе внутрисетевого взаимодействия осуществляются неформальные практики, заменяя собой разрушенные институты. В связи с этим обстоятельством научный интерес представляют исследование и анализ интеграционного процесса социальных сетей, равно как и когнитивный механизм интеграции, выступающий в роли связки внутри социальной сети.

На примере осуществления добровольческой (волонтерской) деятельности в России и мире постараемся показать лишь одну из структур социальных сетей современности.

Современное определение добровольчества сформулировано Общественной палатой Российской Федерации в проекте Федерального Закона «О добровольчестве (волонтерстве)»¹. Это – «совокупность общественных отношений, связанных с осуществлением физическими лицами добровольно в свободное от работы (учебы) время деятельности в интересах получателя помощи добровольца (волонтера)»². Получателями такого рода помощи могут быть как физические, так и юридические лица, социальная группа, наконец, общество в целом. Иначе говоря, это добровольная социально направленная, общественно полезная дея-

* Шиманская Эльвира Степановна, e-mail: elvira.shimanskaya@mail.ru

¹ Проект Федерального Закона № 300326-6 «О добровольчестве (волонтерстве)» // Общественная палата РФ. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oduma.org/Positions/View/1469> (дата обращения: 15.01.2018).

² Там же.

тельность без получения денежного или какого-либо иного материального вознаграждения.

Со второй половины прошлого века в мире четко обозначилась тенденция к развитию новых социальных движений как существенного фактора социально-экономических и политических отношений в странах Запада. В России этот процесс протекал со значительным опозданием. Однако уже в 90-е гг. стало очевидным, что на смену трипартизму неминуемо придет «*новое социальное партнерство*», так или иначе включенное в систему представительства интересов. То есть место профсоюзов постепенно занимают организации гражданского общества. Происходит это не сразу, причем и сами профсоюзы не вытесняются из него целиком, сохраняя, хотя и в усеченном виде, свои переговорные функции.

Таким образом, тенденции развития общества настоятельно требуют переосмысления социальной действительности. В частности, динамика социально-политических отношений, как известно, сопровождается трансформацией социальных связей, что непосредственно связано с интенсификацией социальных процессов. Это обусловлено увеличением численности субъектов, в них участвующих, значительным ростом количества информационных потоков, глобализацией общества и иными социальными факторами. Следствием этого является усложнение существующих и появление новых механизмов *сетевой самоорганизации*.

Примером этого направления в развитии социальных движений может служить сетевая организация «Пучки света», которая появилась в США в начале 90-х гг.¹. Возглавил ее К. Аллен, активно функционирующий и по сию пору. Со временем филиалы ее возникли по всему миру, став примером спонтанной сетевой самоорганизации среди волонтеров. Несколько позже был создан не менее популярный на своем континенте Европейский центр волонтеров.

Значимость проблем сетевой самоорганизации связана с неоднозначностью ее влияния на социальное пространство. Сетевая самоорганизация часто используется для целенаправленного воздействия на социум, в связи с чем существует необходимость в выделении и классификации

¹ См.: Illustrative Standarts for the Voluntary sector // World Learning INC. 1994. April.

этого феномена и тех механизмов, которые способствуют развитию самоорганизационных процессов в социальном пространстве и ведут тем самым к формированию сетевых сообществ.

Понимание добровольчества как социального явления в российском общественном сознании не однозначно. В поле нашего научного интереса находятся те люди или группы лиц, кто по доброй воле участвует в конкретной инициативе, не предусматривающей индивидуальные или семейные интересы и чаще всего, как уже говорилось выше, связанной с безвозмездной работой во имя общественного блага. Такой тип волонтерства является выражением активной гражданской позиции и небезучастного отношения к своим согражданам. Волонтерство представляет собой концепцию свободных действий и инициатив, поэтому так важно сохранить ее в этом виде для того, чтобы государственные решения в данной области принимались *вместе с людьми, а не вместо людей*.

Изначально добровольчество рассматривалось как инструмент социального, культурного, экономического и экологического развития, в равной мере обогащающий благополучателей и волонтеров, мотивированных на заботу об окружающих и содействие решению общественных проблем. Добровольчество в мире позиционируется как краеугольный камень построения гражданского общества, отражая потребность граждан объединяться в целях преодоления касающихся каждого проблем в связи с экономическим кризисом, отсутствием прочной законодательной базы и надежных организационных механизмов.

В России добровольчество во вполне определенных сферах деятельности за последние три десятилетия приобрело регулярный характер. В 90-е гг. стояли задачи по правовой защите, охране окружающей среды, спасению памятников культуры. Для просвещения и приобщения населения к гражданским ценностям были созданы «Школа милосердия», «Школа социального работника и педагога», «Школа лидеров». Однако постепенно менялся правовой контекст, и добровольческие программы при общественных организациях, направленные на помощь нуждающимся слоям населения, воспринимаются властью и обществом уже более серьёзно. Вместе с тем исследования выявили наряду с альтруистическими мотивами распространение

более прагматичных стимулов волонтерской деятельности, а именно: приобретение дополнительных карьерных знаний и навыков, расширение профессионального опыта, доступ к полезной информации, обретение нужных связей.

Начиная с 2000-х гг. добровольчество активно развивается при некоммерческих организациях. Отметим тот факт, что принцип добровольчества лег в основу деятельности так называемого третьего сектора – негосударственного, некоммерческого. Так, среди большинства отечественных НКО, функционирующих в социальной сфере, весьма распространена практика привлечения к работе на временной или постоянной основе добровольцев. Происходит это чаще всего в тех областях, где участие государства признается, как правило, недостаточно эффективным.

Иначе говоря, мы стали свидетелями процесса формирования сети общественных объединений (инициативных групп, союзов, ассоциаций и т.п.), что ведет к возникновению и утверждению новых принципов политических отношений, к освоению «новой модели и норм социального поведения»¹.

Именно труд добровольцев, занятых в той или иной НКО, зачастую служит как индикатором успеха этой организации, так и свидетельством правильности выбора социально значимой проблемы, которую надлежит решить силами этой организации. Тем не менее добровольческая деятельность пока в достаточной мере не урегулирована юридически, хотя проект Федерального Закона «О добровольчестве (волонтерстве)» разработан Общественной палатой Российской Федерации и внесен 31 января 2017 г. на рассмотрение Совета Федерации Федерального Собрания РФ.

Надо признать, что феномен добровольчества представляется сложной и многогранной проблемой, при решении которой необходимо учитывать как экономические, социальные, так и социологические, юридические, психологические и, конечно же, политические факторы. Практический и научный интерес представляют вопросы: кто, почему, каким образом приходит к добровольчеству; каково влияние этого

¹ См.: *Данилевич И.В.* Государство и институты гражданского общества в период перехода от авторитаризма к демократии (Чили, Португалия, Испания). М., 1996, с. 49-75.

явления на общественное развитие в XXI в., в том числе на развитие социального взаимодействия, социального партнёрства, социальной самоорганизации. Поиск ответов на эти вопросы, несомненно, будет способствовать формированию гражданского общества в контексте развития процессов сетевизации современной России.

Приведем лишь некоторые наиболее яркие примеры направлений деятельности добровольчества в России.

Корпоративное волонтерство, которое становится современным трендом. Работодатели все активнее поощряют добровольческую деятельность сотрудников. Корпоративное волонтерство благоприятно сказывается на репутации компании и сплачивает коллектив, а самим сотрудникам такая деятельность позволяет расширять свои навыки и проявлять лидерские качества. В качестве иллюстрации может послужить всероссийский волонтерский экологический марафон «360 минут», который за шесть лет из инициативной группы в сто человек вырос до уровня масштабной акции, привлекающей тысячи добровольцев для благоустройства туристической среды и сохранения памятников природы. Тем не менее корпоративное волонтерство в России находится пока в стадии становления. Поэтому информационное сопровождение волонтерских мероприятий важно для того, чтобы общество привыкло к ним и осознало их полезность.

Определенный интерес представляет деятельность ресурсного центра по развитию и поддержке волонтерского движения «Мосволонтер». Этот ресурсный центр, существующий два года и поддерживаемый непосредственно государством, использует финансовые ресурсы и экспертную базу, имеющиеся в его распоряжении, для создания многопрофильного комплекса услуг (например, обучающие модули для управленцев, формирование библиотечного фонда), который был бы полезен партнерским организациям.

Этот ресурсный центр ставит перед собой такие ключевые задачи, как *объединение* всех волонтеров на территории Москвы и Московской области (в настоящее время в добровольческих проектах систематически участвуют 350 организаций и 33 тыс. человек), *создание имиджа волонтера и развитие культуры добровольчества*. Особое внимание уделяется изучению мотивации. Ведь важно пони-

мать, что именно привлекает людей разных возрастов и специальностей к единому делу – к безвозмездному служению обществу на различных поприщах. Сотрудниками «Мосволонтера» также принята к исполнению «Стратегия развития добровольчества в Москве до 2020 г.».

Другой пример. Фонд «Созидание» создан в целях совмещения общественно полезной деятельности волонтеров с образовательными проектами для детей, подростков и молодежи. Разработанная фондом программа «Обучение заботой», апробированная в средних образовательных учреждениях Москвы, совмещает учебный процесс с волонтерскими мероприятиями. Эта специальная практико-ориентированная методика создаёт школьникам, учащимся средних специальных учреждений условия для системного и организованного вовлечения их в волонтерское движение. Таким образом, можно рассматривать волонтерство как один из оптимальных способов патриотического и гражданского воспитания молодежи.

Не менее полезным в направлении развития добровольчества в России является создание регионального общественного движения гражданских инициатив в Тверской области «Доброе дело». Оно занимается оказанием адресной помощи пенсионерам силами молодежи в Торжке и Торжокском районе. Число благополучателей, поддерживаемых участниками «Доброго дела», достигает 3 тыс. человек. При этом активисты стремятся к эффективному взаимодействию с органами социальной защиты и муниципальными властями для полного охвата тех, кому нужна их помощь, а также для ведения информационно-просветительской работы среди молодежи.

В России успешно функционирует Национальный центр добровольчества, его президентом является ветеран добровольческого движения в стране Галина Бодренкова. Центр работает в тесной связке с отделом исследований и инноваций *Программы добровольцев ООН*. В числе наиболее перспективных направлений развития добровольчества в мире выделено измерение вклада волонтеров в социальную сферу, развитие инфраструктуры посредством увеличения количества ресурсных центров и формирования «волонтерских сетей», подразумевающих не только физическое присутствие, но и возможности информационных технологий. Основной посыл для России состоит в том, что неотъем-

лемой составляющей должна стать открытость внешнему миру для взаимного обмена: с одной стороны, распространение результатов российских научных исследований, с другой – усвоение опыта других стран, добившихся успеха.

Научный руководитель Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ Лев Якобсон отмечает наличие общих черт у представителей международного сообщества и считает, что это обстоятельство делает особенно целесообразными усилия по совместной экспертизе и обмену знаниями. Его коллега Кенн Аллен из Международной ассоциации добровольческих усилий, отмечая усиливающуюся поддержку волонтерского движения в России со стороны государства, призвал, однако, основываясь на опыте других стран, не забывать о сопряженных с этим процессом рисках¹.

В свете сказанного для современной России становится особенно настоятельной потребность в оперативном принятии закона о добровольчестве (волонтерстве), ибо среда, в которой ценится и уважается добровольческая деятельность, должна формироваться государством за счет устойчивой инфраструктуры и правовых законодательных рамок. При этом контроль над принятием решений, безусловно, должен оставаться за гражданами. Важно также, чтобы исследователи и менеджеры волонтерства действовали в русле единомыслия ради эффективного формирования концепции развития добровольчества в России, в которой заинтересованы все неравнодушные к этой проблематике.

Шиманская Э.С. Добровольчество как сетевая институция российского общества в XXI веке. Статья посвящена проблемам добровольческой (волонтерской) деятельности в России, возникающим в связи с сетевизацией современного общества.

Ключевые слова: новые социальные движения, добровольчество, сетевая самоорганизация, социально-политические отношения, социальное партнерство.

¹ Шляхова Г. Международный круглый стол «25-летие добровольчества в России: взгляд в будущее». 9 декабря 2017 г. [Электронный ресурс] / Портал ВШЭ. Национальный исследовательский ун-т. URL: <https://www.hse.ru/news/science/199681369.htm> (дата обращения: 22.01.2018)

Shimanskaya E.S. The volunteers as network institution of Russian society in XXI century. The article deals with the problems of volunteers activities in Russia under the condition of networkization of modern society.

Keywords: new social movements, voluntary activities, network self-institutions, social and political relations, social partnership.

Л.В. МАКУШИНА
*кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник Института
социологии ФНИСЦ РАН**

Социально-трудовые отношения: новые реалии – новые риски

Становление новых социально-трудовых отношений в условиях сетевизации экономики – явление сложное и неоднозначное, поэтому многие исследователи высказывают серьезную озабоченность судьбой труда и социально-трудовых отношений. Сетевая экономика базируется на полномасштабном использовании интернет-технологий, а это влечет за собой как глобальные изменения в системе социально-трудовых отношений, так и затрагивает отдельные ее элементы. Еще вчера очень важные и нужные профессии отмирают, а знания катастрофически быстро устаревают. Широкое распространение получает гибкая, атипичная, нестабильная занятость, что ведет к трансформации социально-трудовых отношений. В таких условиях для государства становится затруднительным осуществлять даже индикативное планирование будущих потребностей народного хозяйства в тех или иных специалистах. В глубоком системном кризисе может оказаться вся система профессионального образования.

Чем больше машины заменяют людей, тем чаще общество оказывается перед выбором: либо больше бессодержательной работы и меньше безработных, либо наоборот. Содержательная работа для всех – вот что могло бы стать политической повесткой наряду с обеспечением экономического роста и полной занятости. Кроме того новые формы занятости нарушают привычные трудовые отношения, затрудняют их колдоговорное и законодательное регулирование. Невозможность применения в полном объеме трудового законодательства, приспособленного к тради-

* Макушина Лариса Викторовна, e-mail: maklav2006@yandex.ru

ционными формам производства, приводит к ущемлению прав лиц наемного труда.

Острая проблема возникает в связи с увеличением в общем населении доли пожилых людей и неизбежным повышением пенсионного возраста в Российской Федерации. Трудно представить, что пожилые люди смогут быстро и массово адаптироваться к современным процессам в сфере занятости, поэтому уже сейчас необходимо думать о создании рабочих мест для этой категории граждан.

Информационное общество отличается от индустриального в большей степени не технологическими, а социальными инновациями (экономическими, организационно-управленческими и правовыми). Сюда же относятся и инновации в сфере социально-трудовых отношений. Так, В. Аузан и Д. Африн отмечают, что если «институт основан на централизации, вертикальной субординации, штатном расписании и постановке формальных целей, то сетевая организация – на относительной автономии частей, аутсорсинге и распределении рисков». Ученые в своем исследовании подчеркивают, что сетевые сообщества формируются из личностей, которые несут собственное концептуальное целеполагание, создавая под свои проекты временные виртуальные организации. «Если выдвинутая идея содержит вызов, то заразившиеся ею люди собираются в своего рода кластеры. Даже если один кластер сети разрушен, остальные могут продолжать функционировать»¹.

Важно предвидеть проблемы, возникающие в связи с новыми вызовами, порождающими неравенство в области социально-трудовых отношений. И это задача государства. Основные направления при этом – доступность образования, повышение квалификации и переквалификация; повышение качества трудовой жизни; возможность полноценно совмещать успешную профессиональную деятельность и семью; регулирование социально-трудовых отношений в новых условиях; повышение социальной ответственности бизнеса. Иначе все общество столкнется с очень большими проблемами. Перспективу и государственную поддержку должны иметь только те направления бизнеса, которые способствуют наряду с экономическим и научно-техничес-

¹ См.: Аузан В., Африн Д. Технологии против сетей // Эксперт, 2001, № 38, с. 88.

ким прогрессом устранению социального неравенства. При этом большую остроту приобретает проблема связи научно-технического прогресса с прогрессом социальным.

В условиях сетевизации происходит изменение социологии труда, распространяются новые модели взаимодействия работника и предпринимателя: дистанционная занятость, фриланс, коллаборация, проектное управление и т.д. Показательно в этом отношении высказывание М. Кастельса: «Никогда работники (безотносительно к их квалификации) не были более уязвимы для организации, ибо они стали “подтянутыми” индивидами, которые отданы на откуп гибкой сети и местоположение которых в этой сети неизвестно ей самой»¹. Действительно, размываются понятия “занятость”, “коллектив”, стирается грань между занятыми и безработными.

Согласно экспертным оценкам Международной организации труда (МОТ)² последствия дистанционной работы могут быть как положительными, так и отрицательными. При участии Европейского фонда по улучшению условий жизни и труда был опубликован доклад по результатам проведенного исследования дистанционной работы в 15 европейских странах³. Выявлено несколько типов работников, которые используют новые технологии для работы вне своих офисов, включая тех, кто постоянно работает из дома, и тех, кто удаленно выполняет разовые рабочие задания с использованием компьютерных технологий и мобильных рабочих приложений.

В докладе отмечается ряд положительных аспектов удаленной работы с использованием ИКТ и мобильных рабочих приложений; рабочие задания выполняются с применением современных коммуникационных технологий. Авторы доклада также указали на некоторые негативные аспекты такой модели занятости. Это, как правило, большая

¹ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000, с. 43.

² Конвенция МОТ № 177 и Рекомендации МОТ № 184 «О надомном труде». Приняты на 83-ей сессии Генеральной конференции МОТ. Женева, 20 июня 1996 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.conventions.ru/view_base.php?id=352 (дата обращения: 20.02.2018)

³ Байкалов А. 30 фактов о современной молодежи. Исследование Сбербанка. 13.03.2017. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.distanza.ru/30-faktov-o-sovremennoj-molodezhi-issledovanie-sberbanka/> (дата обращения 06.02.2018)

продолжительность рабочего времени и смешение личной жизни и трудовых обязанностей, что может приводить к сильному стрессу.

На сегодняшний день только в странах Европейского союза (ЕС) сформированы основы для адаптации к новым формам удаленной работы с использованием цифровых технологий, а также заключено Европейское рамочное соглашение об удаленной работе. Однако большая часть таких инициатив относится к формальной удаленной занятости, в то время как основные проблемы, судя по всему, связаны с неформальной и разовой удаленной работой.

По мере того как дистанционная работа становится все более заметным явлением, растет потребность разделения оплачиваемой работы и личной жизни работника. Во Франции и Германии уже идет поиск решений на уровне компаний, а также рассматриваются возможности внесения изменений в существующее законодательство и разработки новых законов.

Степень распространения удаленной работы с использованием ИКТ и мобильных рабочих приложений существенно различается – от 2% до 40% работников – в зависимости от страны, профессии, отрасли и от того, как часто сотрудники привлекаются к этому виду труда. В странах ЕС-28 в эту форму работы вовлечены около 17% работников. В большинстве стран еще значительная доля работников вовлекается периодически, не на постоянной основе.

Отметим такую новую форму процесса совместной деятельности, как *коллаборация*, которая приходит на смену традиционным трудовым коллективам. Этот вид трудовой деятельности, например в интеллектуальной сфере, объединяющий на время выполнения проекта, решения задачи двух и более человек или организаций, применяется для достижения общих целей, обмена знаниями, обучения и согласования интересов. Считается, что участники коллаборации могут получить больше возможностей достижения успеха в условиях конкуренции за ограниченные ресурсы.

Примером того, как интернет становится площадкой для новых форм социальной организации людей, в том числе для организации бизнеса, является *краудфандинг*. Одно из направлений краудфандинга – привлечение инвестиций. В этом случае самые разные, часто незнакомые друг с другом люди и компании вкладывают свои средства в стартапы,

становясь их соучастниками. В России уже функционируют несколько краудфандинг-площадок. Из наиболее известных: «С миру по нитке», «Тугеза», «Planeta.ru», «Indiegogo», «Kroogi» и др. Все они работают с проектами разных направлений, некоторые из них относительно недавно (около года-двух). Тем не менее эти площадки успели показать определенные результаты по объемам привлеченных средств. Например, BoomStarter – 5 млн. руб., Planeta.ru – 10 млн. и т.д. В ближайшие годы, как прогнозируют эксперты следует ожидать роста рынка в 7-9 раз ежегодно¹.

Приметой времени является «уход» рынка труда из-под контроля всех субъектов; он становится непрозрачным, теряет управляемость. В результате увеличиваются риски для всех его субъектов (работников, предпринимателей, государства). Становится практически невозможным применение трудового законодательства; нарастает «асимметричная информация на рынке труда». Прежние механизмы взаимодействия субъектов социально-трудовых отношений (в России это система трипартизма) в новых условиях становятся неэффективными.

Вместе с тем при переходе к новым формам важно сохранить все то положительное, что дала практика социального партнерства как в России, так и в мире. Поскольку в бизнес-моделях, социальных и регуляторных институтах ожидаются глубокие структурные сдвиги, очень важной задачей становится организация эффективного управления этими изменениями. Оно должно прежде всего согласовываться с существующим социокультурным профилем общества. При этом необходимость корректировки самого этого профиля также становится важной управленческой задачей, которую необходимо эффективно решать на уровне предприятий, страны в целом. Причем с учетом большой инертности наших культурных установок этот процесс надо начинать уже сегодня, а, может быть, надо было начать еще вчера.

В этом отношении представляет интерес мнение, высказанное А.А. Мардашовым в его выступлении на международном форуме «Международное экономическое сотрудни-

¹ *Рева М.* Краудфандинг – это... 24 июня 2015 г. [Электронный ресурс]. URL:<http://www.fb.ru/article/191500/kraudfanding---eto-primeryi-kraudfandinga-v-rossii> (дата обращения: 01.02.2018).

чество в новых реалиях» 7 февраля 2018 г.: «Для развития ценностей, ориентированных на инновации, необходимо повышать институциональное доверие, наращивать социальный капитал, бороться со страхом перед неопределенностью. Меры по развитию этих ценностей должны быть комплексными, внутренне скоординированными и согласованными по времени»¹.

В связи со всем вышесказанным имеет смысл использовать возможности эффективного социального диалога². Он дает некий стимул для разработки политики и поиска компромиссных решений, которые будут учитывать условия труда, потребности и приоритеты не только работодателей, но и сотрудников. Это, в свою очередь, даст долгосрочный устойчивый результат как для компаний, так и для общества в целом.

Благодаря развитию социального диалога появляются новые его участники. Например, *социальный диалог «трипартизм плюс»* может охватывать некоммерческие негосударственные организации (НКО). Такая возможность рассматривается в резолюции МОТ «О социальном диалоге и трипартизме» (2012)³. Основное внимание уделяется необходимости обеспечения репрезентативности этих организаций. Функции социального диалога регулируют интересы трех социальных сторон, а именно: государственные интересы, интересы бизнеса и интересы непосредственно работников.

Это и есть базовые функции социального диалога, выполнение которых обеспечивает социальный мир в обществе. Но следует упомянуть и о «косвенных» функциях, среди которых: влияние на формирование общества; гарантия социальной стабильности; влияние на развитие экономи-

¹ Международное экономическое сотрудничество в новых реалиях. Специальный выпуск к неделе Российского бизнеса // Новости АТР, 2018, №1(9), с. 10.

² Социальный диалог – мощный инструмент для решения трудовых споров или «пустышка»? [Электронный ресурс]. URL:<http://www.csrjournal.com/12052-socialnyj-dialog-moshhnyj-instrument-dlya-resheniya-trudovyx-sporov-ili-pustyshka.html> (дата обращения: 05.02.2018)

³ Резолюция МОТ 2012 г. «О социальном диалоге и трипартизме» // Международная конференция труда. 102-я сессия. 2013 г. [Электронный ресурс]. URL:http://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_norm/---relconf/documents/meetingdocument/wcms_210128.pdf (дата обращения 08.02.2018)

ческой демократии; гарантия социальной справедливости и социально-экономической безопасности.

Заметим, что эффективный социальный диалог в сфере социально-трудовых отношений возможен только в условиях доверия между его участниками. Основа такого типа социального диалога лежит в признании того факта, что работодатель и трудящийся имеют как противоречия, так и взаимные интересы. Эффективное проведение социального диалога позволит отыскать ответы на все спорные вопросы и прийти к консенсусу, который сможет удовлетворить все участвующие в процессе стороны. Фактически речь может вестись о появлении *«социального предпринимательства как, возможно, нового вида бизнеса»*.

Макушина Л.В. Социально-трудовые отношения: новые реалии – новые риски. В статье рассматриваются проблемы, возникающие в социально-трудовой сфере в условиях сетевизации экономики и имеющие важное социально-политическое значение.

Ключевые слова: сетевизация экономики; социально-трудовые отношения; социология труда; колдоговорное и законодательное регулирование; социальный диалог; трипартизм плюс.

Makushina L.V. Social and labor relations: new realities – new risks. The article deals with the problems that arise in the social and labor sphere in the conditions of networkization of the economy and have a very important social and political significance.

Keywords: networkization of the economy; social and labor relations; sociology of labor; collective and legislative regulation; social dialogue; tripartism plus.

О.Г. ЩЕНИНА
*кандидат политических наук, старший
научный сотрудник отдела исследований
социально-политических отношений
Института социологии ФНИСЦ РАН**

Многомерный характер развития сетевого общества

Многомерный характер общественного развития современного мира предполагает и многомерный анализ социально-политических процессов. Прежде всего хотелось бы заметить, что многомерность – это свойство многих процессов и явлений, в том числе и одна из характеристик человека. Многомерность, в свою очередь, предполагает сложность измерений изучаемых объектов. Поэтому, на наш взгляд, мы пока только приближаемся к взвешенной и объективной оценке поразительных возможностей и эффектов сетей и сетевого общества в целом.

Интересным сегодня представляется следующий ракурс его изучения – сетевое общество как объект политологического анализа. Следовательно, в повестку дня встает вопрос о политологической экспертизе сетевого общества. Во-первых, необходимо ответить на вопрос: где его начало, т. е. существует ли некая точка отсчета становления сетевого общества? Во-вторых, когда оно наконец обретет устойчивость и стабильность и будет ли некий очевидный для всех итог его становления? Каковы временные рамки этого периода и по каким параметрам это можно будет определить?

При изучении сетевого общества все большую роль будет играть аналитический подход к исследованию процессов и явлений. Ведь новое пространство политических сетей видоизменяет существующее и по сути формирует новый контекст социально-политического пространства, а также изменяет его конфигурацию. Изменяющаяся конфигурация сетей влечет за собой сегментацию пространства политических сетей и, пожалуй, сетевого общества в целом. При этом складываются новые конструкции сетевого общества.

* Щенина Ольга Геннадьевна, e-mail: oschenina@mail.ru

М. Кастельс указывает на расширение сетей в современном обществе. Очевидно, что это предполагает разнообразие путей становления сетевого общества в условиях сложной современной социальной реальности. В этой связи приобретает актуальность осмысление логики развития сетевого общества. Однако из-за того, что становление сетевого общества как одной из характеристик постиндустриального, информационного общества происходит в условиях трансформации самого общества и при этом еще и становления новой антропогенной цивилизации, достаточно сложно оценить долговременные тенденции и перспективы этого процесса. Таким образом, условия неопределенности и нелинейности развития выступают как факторы поступательного движения сетевого общества. Нестабильность – еще одна ключевая характеристика современного общества, в том числе и сетевого.

Сетевое общество стало одним из атрибутов современной жизни (проявления – например, Twitter), одновременно находясь в стадии становления и развития как социальный институт нового типа в современном обществе. Интересен ракурс анализа сетевого принципа организации коммуникации в условиях сетевого устройства социальной организации.

В то же время именно М. Кастельс одним из первых поставил вопрос в новом контексте: о власти коммуникаций в современном мире, полагая, что «коммуникационная власть находится в сердце структуры и динамики общества»¹. Специалисты отмечают, что сети активно проникают в социальную структуру общества и политику. Они изменяют наше представление о пространстве коммуникаций (например, телекоммуникации), то же самое происходит и с понятием времени (стремительное изменение скорости и интенсивности коммуникаций).

В целом мы наблюдаем совершенно очевидный тренд – с усложнением социальной структуры общества и развитием информационно-коммуникационных технологий происходит и усложнение коммуникаций. Объемы коммуникации (рассматриваемые нами как количество участников и число взаимодействий или контактов между ними) в условиях сетевого общества возрастают в геометрической прогрессии.

¹ Кастельс М. Власть коммуникации: Учеб. пособие / Пер. с англ. Н. М. Тылевич; Под науч. ред. А. И. Черных. М., 2016, с. 20.

По мнению известного исследователя сетевого общества К. Ширки: «поскольку сетевой ландшафт становится более плотным, более сложным, с большим числом участников, а сетевое население имеет теперь все больше доступной информации, оно получает больше возможностей публичного выступления, а его способность к проведению коллективных действий усиливается»¹.

Несмотря на кажущуюся прозрачность сетевых сообществ и отношений внутри них сегодня технологии предоставляют широкие возможности контроля или ограничения доступа к информационным ресурсам. При расширении каналов коммуникаций происходит сокращение диапазона свободы человека и тем самым расширение контроля за его деятельностью в разных областях, в том числе и в коммуникативном пространстве. Возрастают возможности манипулирования сознанием не только индивидов, но и групп и общества в целом. Оно не только меняет формат взаимодействия, но и влечет новые риски, вызовы и угрозы.

Интересна проблема количественного анализа в условиях сетевизации – проблема – big data – «больших данных» к ним можно отнести количество пользователей сети, число участников дискуссии, репосты, лайки и т.д. .

В сетевом обществе происходит изменение каналов и средств передачи информации. Исследователи указывают на тот факт, что в сетевом обществе политические события превращаются в потоки сообщений. В условиях информационного/сетевого общества большое значение приобретают символы (мемы, фейки, хештеги). Активно используемые в политике фейки, фреймы способствуют формированию у граждан образов субъектов коммуникации.

Множественно возрастают возможности манипулирования общественным мнением, массовым сознанием посредством различного рода информационных вбросов в политических сетях. Визуальное восприятие образов субъектов политики, формируемое командами специалистов-профессионалов, находится под влиянием транслируемых в политических сетях и сетевых сообществах смыслов и символов. Субъективность восприятия информации в ходе коммуникации напрямую связана с уровнем политической культуры граждан.

¹ Цит. по: *Кин Дж.* Демократия и декаданс медиа / Пер. с англ. Д. Кралечкина. М., 2015, с. 64.

В сетевом обществе благодаря новым технологиям появляется множество инструментов воздействия на политическое сознание граждан и их политическое поведение. Новая социально-политическая реальность изменяет не только сам характер политических отношений, но и сознание субъектов политики. Поэтому важную роль будет играть субъективное восприятие выстраиваемых заново или в новых условиях коммуникативных связей и отношений.

При этом, осуществляя самостоятельное управление коммуникациями, пользователь сетей по сути создает новую информационную среду, а также приобретает и формирует свою сетевую идентичность (идентичность, рассматриваемую в контексте теории социального конструирования реальности, например, П. Бергера). В рамках сетевой виртуальной реальности обретение пользователем идентичности в сетях существенно отличается от ее других видов и форм. И этот вопрос сегодня все больше интересует исследователей.

Кажущаяся на первый взгляд безграничность и масштабность сетей разного вида, в том числе и политических, ограничивается возможностями получения доступа к сетевым ресурсам (инфраструктурой ИКТ региона, например), включающим наличие компьютера, доступа к Интернету. Возникает вопрос о доступности Интернета – так называемый цифровой (дигитальный) разрыв.

Ограничением возможности будет также требование к современному человеку иметь навыки работы с новыми электронными носителями. При этом на первый план выходит умение поиска необходимой информации в онлайн пространстве, быстрая ее оценка и использование (применение) – все это требует не только определенных навыков в работе, но и более широкого подхода к решению этой проблемы, а именно смены парадигмы образования на основе компетентного подхода, и этот процесс мы наблюдаем сегодня.

В сетевом обществе роль Интернета как источника информации и средства коммуникации будет только возрастать, однако вопрос о влиянии Интернета в целом на политическую жизнь общества остается дискуссионным.

О положительных и отрицательных аспектах любого процесса или явления пишет в работе «Технологии власти» американский социолог М. Техранян: «На каждый аргумент в пользу демократического эффекта информационных технологий, от иероглифов до компьютеров пятого поколения, может

быть найден столь же сильный аргумент в пользу их анти-демократических последствий»¹.

В этой связи «некоторые говорят о третьей стадии демократического развития, на которой дух и сущность античной прямой демократии воплотятся в сетевой форме»². Дж. Кин рассматривает ее как «мониторную демократию – это эпоха опросов, фокус-групп, делиберативного голосования, сетевых петиций, голосований аудитории и потребителей»³.

Очевидно, что сети в новом онлайн формате в условиях формирующегося сегодня информационного общества создают новую коммуникативную среду для современного человека. Кроме того сетевой контекст исследования современной политики представляет интерес и с точки зрения формулирования и разработки новых теоретических и методологических подходов, которые являются дискуссионными в экспертном сообществе.

Исследователи отмечают возрастание роли сетевых сообществ в политической сфере. Это происходит посредством вовлечения пользователей сетей в процесс обсуждения и тем самым оказания влияния на процесс принятия политических решений, т. е. в сетевом обществе политические сети становятся агентом влияния на политическую власть.

К особенностям политических сетей можно отнести: возможность быстрого выявления целевых аудиторий; эффективность коммуникаций; практически мгновенное распространение информации в онлайн среде; не только ее доведение до пользователя, но и организацию обсуждения; несмотря на кажущуюся на первый взгляд хаотичность и неупорядоченность сетевых взаимодействий в них практически всегда присутствуют координационные центры, которые регулируют каналы распространения информации, определяют формат ее подачи пользователю. Таким образом, интерактивные ресурсы политических сетей позволяют формировать «форум мнений».

Сегодня многими специалистами в области социально-гуманитарного знания отмечается, что новые условия, созда-

¹ Цит по: *Михеев А.* Интернет и демократия: как новые информационные технологии влияют на политический процесс. 2002. [Электронный ресурс] // Библиотека научной и учебной литературы. URL: http://biblio.giuvus.ru/biblio/archive/miheev_internidemokr/ (дата обращения 28.12.17)

² *Кин Дж.* Указ. соч., с. 27.

³ Там же, с. 111.

ваемые онлайн средой, позволяют не только контролировать частную жизнь человека, но и активно вмешиваться в нее.

«Революционная эпоха коммуникационного изобилия»¹, по мнению Дж. Кина, позволила перейти к инновационным по своей сути формам коммуникативных взаимодействий, тем самым предлагая новые форматы и для политического дискурса. То есть дискурс сетевой становится неотъемлемой частью дискурса политического.

Сетевое общество предлагает новый подход к измерению социальной реальности и социального пространства. Коммуникационная составляющая социально-политических отношений стремительно изменяется на наших глазах. По мнению Е.А. Сафоновой «направленность изменений политических отношений обусловлена во многом видоизменяющейся под воздействием новых технологий структурой социального пространства и растущим влиянием масс-медиа»².

Политические отношения в сетевом обществе приобретают новые качества и свойства. В условиях сетевизации отношения социально-политические сохраняют динамичность и для них характерна нелинейность развития. Появляются новые субъекты политических отношений в виртуальном пространстве. В этом и состоит сложность в оценке состояния социально-политических отношений и прогнозировании их развития. Поэтому можно и нужно говорить о многомерности политических отношений.

М. Кастельс, один из авторов теории сетевого общества, в своей фундаментальной работе «Информационная эпоха: экономика, общество и культура» анализирует новую морфологию общества, в том числе и изменения политических отношений в условиях сетевого общества, выделяя ряд их особенностей, формирующихся под влиянием информации и сетей³.

В условиях сетевизации отношения социально-политические сохраняют динамичность и для них характерна нелинейность развития. Взаимодействия усложняются и фактор случайности играет все большую роль. Таким образом, много-

¹ Кин Дж. Указ. соч., с. 8.

² Сафонова Е.В. Основные аспекты исследования трансформации политических отношений в условиях постмодернити // Вестник Сибирского государственного индустриального университета, 2014, №1(7), с. 68.

³ См. Кастельс М. «Информационная эпоха: экономика, общество и культура». М., 1996.

вариантность политических отношений выступает как свойство и характеристика сетевого общества.

По мнению Ю.В. Ирхина, в условиях информационного общества «политика становится виртуальной и воплощается в коммуникативных и символических по своему содержанию политических технологиях, позволяющих не только воздействовать на социальную реальность, но и конструировать ее»¹. Таким образом, на современном этапе «приоритетной задачей является анализ новой социальной реальности и ее конструирование в интересах человека и общества»².

Щенина О.Г. Многомерный характер развития сетевого общества. В статье рассматриваются некоторые тенденции динамики современных социально-политических процессов в контексте становления сетевого общества.

Ключевые слова: сетевое общество, сети, коммуникации, политические отношения, информационно-коммуникационные технологии.

Shchenina O.G. The multidimensional nature of development of the network society. The article discusses some trends in the dynamics of modern socio-political processes in the context of the formation of a network society.

Keywords: network society, networks, communications, political relations, information and communication technologies.

¹ Ирхин Ю.В. Постмодернистские и постструктуралистские теории, подходы и методы изучения политической коммуникации // Политическая коммуникативистика: теория, методология и практика / Под ред. Л.Н. Тимофеевой. М., 2012, с. 168.

² Доклад о состоянии фундаментальных наук в РФ и о важнейших научных достижениях российских ученых в 2016 году. М.: РАН, 2017. С. 156. [Электронный ресурс] // Российская академия наук. Доклады РАН. URL: <http://www.ras.ru/FStorage/Download.aspx?id=6beda204-5057-4ca1-b959-cc85aae41566> (дата обращения 28.12.17)

А.В. НАЗАРЕНКО
*кандидат политических наук, старший
научный сотрудник отдела исследований
социально-политических отношений
Института социологии ФНИСЦ РАН**

Новая реальность – новая «заботливость», новые политические альянсы и новая «архаика»

Рефлексия себя и своего окружения обусловлена уровнем знания, влияющего на структуру общества и его состояние. В настоящее время все очевиднее проявляется связь информации, знания и власти – человек конституирует себя как объект и субъект познания одновременно. Знание и власть, по мнению Фуко, должны восприниматься как эквивалент, ибо существующая и реализующая себя в форме знания о человеке власть всегда связана с существованием и воспроизводством властных структур. «Производства истин нельзя отделить от власти и механизмов власти как потому, что эти механизмы власти делают возможными и продуцируют эти производства истин, так и потому, что эти производства истин сами оказывают властные воздействия, которые нас связывают и сковывают»¹. В массовых социальных структурах эпохи модерна власть индивидуализировалась, а ей просто противостояла остальная масса подданных. В мире постмодерна, где происходит разрушение привычных социальных структур, каждый индивид превращается в производителя истины, в казус, т. е. индивидуализируются, наоборот, подчиненные, а не власть. Это коренным образом меняет весь социально-политический ландшафт – отношения власти начинают пронизывать множество других вещей, на первый взгляд, имеющих очень мало общего с политикой.

* Назаренко Алексей Владимирович, e-mail: alek_nazarenko@mail.ru

¹ Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью М., 2002, с. 286.

Можно констатировать то, что мир перешел от состояния упорядоченной системы к ее изнанке, к конкретному индивиду со свойственной ему пульсирующей «метафизикой желаний» в образе делезовских «машин желания»¹. Постмодернистская презумпция отказа от идеи внешнего подчинения и принудительной казуальности – «смерть Бога», смещает акценты в пользу самопроизвольной и автохтонной процессуальности самоорганизации личности. Если воспринимать «самость» субъекта личности как «один из способов бытия этого сущего, то это сводится как будто все же к распылению собственного «ядра» присутствия». Однако, и с этим нельзя не согласиться, подобные опасения все же «питаются превратным предрассудком», поскольку «субстанция» человека есть не дух как синтез души и тела, но экзистенция»².

В результате ее множественные сингулярные субъективности уже нельзя объяснить целями – они сами становятся производителями всех целей. Мы имеем дело не только с субъективной множественностью, но и с их непостоянством, что в корне меняет наше представление об упорядоченности мира. Однако нельзя не согласиться с тем, что «единство не перестает перечить и противиться объекту», просто «в субъекте торжествует новый тип единства» – «мир утратил свой стержень, субъект не может больше создавать дихотомию, но он достигает более высокого единства – единства амбивалентности и сверхдетерминации – в измерении, всегда дополнительном к измерению собственного объекта»³. На столь зыбком смысловом фоне наиболее адекватным постмодернистским символом воспринимаемого как сеть общества видится делезовское понятие ризомы⁴. Именно в ризоматическом многообразии можно видеть и новую модель единства, и способ обретения новой тотальной универсальности, действующей в сфере знаний. В нем «семиотические звенья любой природы (*политической в том числе*) (курсив мой. – А.Н.) соединяются с крайне различными способами

¹ Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург, 2007.

² Хайдеггер М. Бытие и время. М., 2011, с. 117.

³ Делёз Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато. Капитализм и шизофрения. Екатеринбург, 2010, с. 11.

⁴ Там же, с. 6-45.

кодирования – биологическими, политическими, экономическими», запуская тем самым «в игру не только разные режимы знаков, но также и статусы состояния вещей. Действительно, *коллективные сборки высказывания* прямо функционируют в *машинных сборках*, и мы не можем установить радикальную купюру между режимами знаков и их объектами. То есть можно говорить о том, что любая политическая сборка в этом случае становится неопределенной и размытой. С одной стороны, это открывает перед ее носителем широчайшее поле для политических маневров, тогда как с другой стороны – «образ» этого носителя становится столь неоднозначным, что затрудняет его идентификацию. Все это мы и наблюдаем в действительности – образы «означающих» и «означаемых» политических субъектов в виртуальном мире, в социальных сетях, в средствах массовой информации и в реальности. Наиболее показательными с этой точки зрения являются «гибридные противостояния», где правду от лжи отделить практически невозможно.

Поскольку в любой социальной структуре субъекты априори неоднозначны и гетерогенны в своих предпочтениях и интересах, то по мере взрывного роста их потенциальной многомерной ризоматической взаимосвязанности – «сетевизации» проявляется и вся ее специфика. В такой социальной структуре субъекты, во-первых, взаимозаменяемы, равнозначны друг другу и имеют полную свободу вплоть до выхода из сети (принцип соединения и неоднородности). Важна множественность связей и коммуникаций, но никак не субъектов. При этом их плотность и конфигурация определяют лишь успех коммуникативных политических стратегий (принцип множественности). Согласимся с тем, что «множественное *нужно создать*, но не добавляя всегда более высокое измерение, а напротив, посредством *просто-напросто умеренности* (курсив мой. – А.Н.), на уровне измерений, коими мы уже располагаем»¹.

Во-вторых, если ризома – «альянс, только альянс», или иначе – коммуникационная сеть разорвана в любом месте, она либо возобновит свой рост в прежнем направлении, либо выберет новое, благодаря чему возникают новые коммуникации, не существовавшие к этому моменту. Разрыв

¹ Делёз Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато. Капитализм и шизофрения, с. 11.

коммуникационных связей не повлияет на характеристику сети и конечный результат, который окажется синхронизированным независимо от желания центральной инстанции (принцип незначащего разрыва). Звено, где произошёл разрыв, всегда «проявится» и начнет восприниматься как «препятствие», которое нужно и можно обойти.

В-третьих, поскольку сетевые конструкции предполагают постоянное изменение конфигураций, которые не позволяют политическим альянсам оставаться тождественными самим себе, любые аналогии с какими-либо социополитическими структурами становятся бессмысленными. В терминологии Делеза ризомы как сетевые альянсы – это карты, имеющие множество входов и выходов, подвижные в законченном состоянии (принцип картографии и декалькации). Смысл их существования – «заботливость» как «фактическое социальное установление», основанное на «бытийном устройстве бытия присутствия как события». Она «мотивирована тем, что присутствие обычно и чаще всего держится в дефективных и индифферентных модусах заботливости – «быть друг за-, против-, без друга, проходить мимо друг друга, не иметь дела друг до друга», характеризующих «повседневное и усредненное бытие друг с другом».¹ Поскольку информация и знания в сетях могут приходиться из разных мест, каждый «озабоченный» политический субъект подобно «картографу» имеет возможность бесконечно дополнять и менять карту реальности.

Из надстройки, приложения к материальным ценностям информация превращается или в их существенное дополнение – «дополненную реальность» AR, или в самостоятельную ценность – «виртуальную реальность» VR. Этот процесс явно не останавливается, ибо все больше признаков того, что материальные ценности становятся приложением к информационным системам. Это значит, что не материальный мир «структурирует» виртуальную реальность, а наоборот. Свободно циркулирующая информация уничтожает «приватность» субъектов, корректируя их модусы «заботливости». Ярким примером этого является проникновение информационных сетей Twitter, Telegram и даже Instagram в социальную ткань нашего общества, что так беспокоит российскую власть, заставляя принимать

¹ Хайдеггер М. Бытие и время. М., 2011, с. 121.

ответные меры для консервации собственного «означае-мого» образа и связанных с ним политических альянсов.

Большинство жителей планеты, а российские граждане исключением не являются, все чаще обнаруживают, что они живут и работают как бы в двух различных мирах одновременно. В виртуальном мире нам открывается неограниченный и быстрый доступ к информации – принцип «незначашего разрыва», который практически не зависит от технических инструментов и устройств. В реальном же мире мы по-прежнему натываемся на такие препятствия, как география, место рождения, среда – «бедные – богатые», «образованные – неграмотные», везение, «светлые» и «темные» стороны человеческого «Я». Потребности людей и их коммуникационные способности начинают все более явно превалировать над «технической упаковкой» социума. Можно говорить о том, что на наших глазах происходит смещение приоритетов от технологических возможностей к человекомерным факторам. Ведь знания и созданные на их основе инструменты влияют не только на объекты и процессы деятельности человека, но и на него самого в плане его сознания, а значит его коммуникаций и потенциальных альянсов. Отсюда любая попытка постановки и решения масштабных проблем без учета ключевых факторов развития информационной сферы, а главное без изменения «бытия – мировоззрения» граждан не позволит достигнуть положительного результата. Пока в истории человечества появление новых информационных технологий почти всегда приводило к усилению позиций определенных граждан за счет традиционных влиятельных сил, будь то короли, церковь или политические элиты. Причина этого – специфически «ограниченный» доступ к информации. В наше время, как и прежде, доступ к информации и новым каналам коммуникаций означает для граждан новые возможности для определения направления своего развития, предполагающие большую вовлеченность в процесс управления своей жизнью и большую ответственность за ее качество. Хотя коммуникационные технологии лишь формируют условия для «рассеивания» концентрации власти, их миссия оказывается куда более масштабной – они фактически способствуют ее перераспределению от государственных структур к общественным институтам и непосредственно к гражданам. Пример – «поколенческий» разрыв в

сознании российских граждан – одни по-прежнему пребывают в прошлом, а другие вслед за технологиями ушли далеко вперед. Одни и те же феномены и факты эти социальные альянсы начинают воспринимать противоположным образом. Возникающий в результате этого феномен «кентавризма» становится серьезным препятствием для возникновения социальных и политических альянсов в российском обществе¹.

Мы приходим к тому пониманию, что корень проблемы коммуникативных взаимодействий – социальных и политических – в любой сфере человеческих отношений находится в области текущего мировоззрения и практики управления. То есть создание и применение информационных технологий – это чисто гуманитарная проблема, до понимания которой нужно дорасти. Пока же политика и практика политической, экономической, социальной, культурной и религиозной деятельности, определяемая текущим мировоззрением, надежно защищает их носителей от обвинений в «невосприимчивости» новых идей, даже несмотря на «открытое» окно возможностей. Возможно, со временем, под воздействием информационных и сетевых технологий будет меняться соотношение целеполаганий во внутренней и внешней государственной политике – «максимизация мощи, влияния и безопасности государства» vs «максимальная открытость информационным потокам, рост числа коммуникаций, развитие социальных и политических альянсов для всестороннего гармоничного развития человека». Пока же остается наблюдать за тем, как периодически возникают две «версии» государственной политики: одна – для «реального мира», другая – для «мира виртуального», существующего online. Причем иногда эти версии начинают противоречить друг другу, разрушая субъекта. Заметим, что этим «грешат» все государства, противодействующие друг другу в киберпространстве на фоне демонстративного миролюбия в реальности. Это означает, что государство как предельно централизованная структура в силу своих возможностей по контролю за распространением информации и знаний будет любыми запретительными мерами пытаться справиться с новыми угрозами для своей власти, воз-

¹ Тощенко Ж.Т. Кентавр-проблема: опыт философского и социологического анализа. М., 2011.

никающими в результате потенциально более тесной и глубокой коммуникации граждан.

В то же самое время способы, которыми человек начинает структурировать свое бытие, начинают меняться. Можно наблюдать за тем, как человечество начинает уходить от текстовой культуры информационного обмена – целенаправленной, двигаясь к всеохватывающей культуре визуальной – обмен пиктограммами, смайликами, гифками – анимированными картинками, фотографиями, видеофрагментами, видеоинсталляциями, флешмобами и т.д. Очевидно, что рассчитанные на широкую аудиторию, они допускают достаточно вольное толкование их сути, вследствие чего возникающие в сознании оценивающего субъекта воображения и фантазмы способствуют структурной перестройке всей системы коммуникаций. Благодаря этому сразу возникает искомая «множественность». То есть виртуальный мир превращается по сути во множественную художественную галлюцинацию, позволяющую достаточно эффективно управлять социальными и политическими отношениями.

Реальность достаточно убедительно демонстрирует высокую эффективность визуальных политических пиктограмм и флешмобов в деле политической концентрации и направленности социума. Власти важно лишь научиться визуальной креативности – когда надо связать, казалось бы, не связанные вещи – делезовский принцип «соединения и неоднородности», в соответствии с которым «любая точка ризомы – альянса может и должна быть присоединена к любой другой ее точке». Именно это позволит «избежать» возврата к «дереву или корню, фиксирующим некую точку и некий порядок», что пока для власти в настоящем ее бытии смертельно опасно¹. Тем не менее именно это позволит «правильно» формировать «сеть» и «поток» – новую собственную реальность, где линии и «сравнительные скорости потока влекут за собой феномены относительного замедления, вязкости или, наоборот, стремительности и разрывов», конституируя «некую *сборку*»². Согласимся с тем, что на наших глазах совершается настоящая революция, которая «происходит из человеческой коллизии: давления неустранимой заданности». Раздвигая минимальный зазор, «мы заходим все дальше, хотим оста-

¹ Делёз Ж., Гваттари Ф. Указ. соч., с. 10.

² Там же, с. 7.

вить себя вовсе не заданным»¹. Конечно, в результате этого представления о реальности, эквивалентной виртуальному миру, могут стать столь же фантазмагоричными, лишенными привычных ограничительных рамок – моральных, культурных, религиозных и подобно «географическим картам» некоего условного предшественника из сети – восхитительными, но и чрезвычайно опасными.

С другой стороны, возникает следующий интересный феномен, требующий более детального осмысления в перспективе. Речь идет о том, что по мере усложнения социальной структуры, а это, как мы видим, налицо, закономерно происходит и внутреннее преобразование человека – он избавляется от политической одномерности и «усложняется». Поскольку в социуме возникает множество неоднозначностей, фантазмов, внутренних напряжений, социальных страт и слоев, контекстов и недоговоренностей, в которых необходимо разобраться, то есть он сложно и неоднозначно организован с точки зрения коммуникаций и потоков, его субъекты – люди внутренне реорганизуются, меняя свою идентичность. Благодаря этому возникают предпосылки для появления поистине блестящей антропологической футурологии – предсказания человека будущего и сопутствующего ему социального мира, в котором он в конце концов окажется. С одной стороны, «дионисическое освобождение от оков индивида» даст прежде всего почувствовать «умаление политических инстинктов», тогда как, с другой стороны, «градозиждающий Аполлон» в лице государства, в свою очередь, является «гением *privatim individuations*», поскольку «государство и патриотизм не могут жить без утверждения личности»². Это видится большим плюсом с точки зрения развития человека и, возможно, путем к его освобождению от оков «корневых» политических «условностей». Не случайно в российском социуме присутствуют «антиистеблишментские» настроения, что подтверждается ростом радикальных настроений как на левом, так и на правом политическом фланге, запросом на яркую индивидуальность и подлинность политика как человека на фоне размывания традиционных идеологий.

¹ Гефтер М. Я. 1917: неостановленная революция. Сто лет в ста фрагментах. Разговоры с Глебом Павловским. М., 2017, с. 25.

² Ницше Ф. Так говорил Заратустра. К генеалогии морали. Рождение трагедии. Воля к власти. Посмертные афоризмы. Минск, 2009, с. 549-550.

В этом, правда, есть и один существенный негативный момент. Если социальная конструкция виртуального мира как мира будущего предельно децентрирована, обезличена и в некотором смысле даже «авантюрна», могут возникнуть предпосылки для появления довольно примитивной «социально-политической архаики». Так российский социум, утративший единство «целей» и «смыслов», авторизированный и разделившийся на бесконечное множество ячеек по интересам, напоминает социальную сеть с ее кажущейся сложностью. Однако это лишь иллюзия восприятия, ибо возникающая сложность больше количественная, чем структурная. Ведь для того, чтобы «стабилизировать» такое общество в привычном «собранном» состоянии, число коммуникационных связей и их напряжённость должны возрасти. Для этого каждому члену подобного сетевого социума необходимо знать очень многое, множество контактов просто обязывает это делать. При этом для их поддержания нет необходимости разбираться в каждом конкретном вопросе достаточно глубоко, да это и не нужно в силу их «временной» актуальности. В результате можно ограничиться максимально широкими и общими информационными «популистскими вбросами», будоражащими воображение других и запускающими информационный поток в сети. Естественно, что подобный социум «производит» человека, хотя и знающего многое, по крайней мере знающего, где можно узнать, но по сути лишь выборочно и «дискретно» имитирующего мышление, не уходя при этом дальше собственных желаний. Человек в таком социуме, как правило, мало в чем сомневается и часто руководствуется уже готовыми идеями, взятыми извне, хотя они на деле могут оказаться не до конца продуманными на перспективу и настолько плохо «накладываются» на реальность, что способны повлечь за собой ответные действия, чреватые неприятными последствиями. Возникает ситуация, когда весь окружающий реальный мир может быть легко обвинен в заговоре против личного счастья «желающей машины», а значит человек, «замыкаясь» в удобных для него виртуальных и реальных рамках, становится «дискретным» и простым.

В результате наблюдается «разрушение» идентичности человеческого субъекта как «означающего», подобно фантасмагоричным «распадающимся» образам Пикассо, за

которым просматривается и разрушение его экзистенции. Ведь гораздо проще являть своему виртуальному окружению посредством социальных сетей и коммуникационных каналов «множество» не связанных между собой «означае-мых» образов, за которыми просто не видно цельной личности, ее «события» с другими и ее эволюции – становления. Обладание множественными «личностями» в виртуальном мире ведет к тому, что распространяемая по сети информация начинает оказывать влияние на виртуальные личности других пользователей сетей, способствуя возникновению новых непривычных форм виртуальной коллективной ответственности. В условиях, когда все прежние институты, идеологии и системы ценностей трансформируются во все большей степени, человек начинает чувствовать, что он остается один против очень сложного мира, в котором нет «Бога», а значит, или «все можно» или «ничего нельзя»¹. В результате ему легче инфантилизироваться, начиная «слышать голоса свыше» – теперь из сети. Все то, что совсем недавно казалось сущим безумием, перестает смущать и даже начинает завораживать. Возникает не только когнитивный диссонанс, но и нечто большее – человек готов допустить, что возможно невероятное расширение коридора его возможностей. «Всем можно все» реанимирует уже знакомый гоббсовский принцип «войны всех против всех», а значит, нигде больше в современном цивилизованном мире власть не является хоть сколько-нибудь сакральной и реально уважаемой. Это волне естественно ставит вопрос относительно роли и значимости государства и сопутствующих ему феноменов.

Надо заметить, что возникший феномен, который можно воспринимать как «социально-политическую архаику» в современном сетевом обществе, требует более глубокой проработки, ведь он в перспективе может охватывать весь спектр политических, социальных и человеческих взаимоотношений. Поэтому все вышеизложенное можно считать лишь предварительными поисковыми рассуждениями, которые, тем не менее, могут со временем стать ключевыми с точки зрения детерминации социально-политических отношений в таком сложном и неоднозначном виртуально-

¹ См.: *Достоевский Ф.М.* Бесы // Собр. соч. В 15 т. Л., 1990, т. 7; *Лакан Ж.* Семинары. Кн. 17. Изнанка психоанализа (1969-1970). М., 2008.

реальном мире сетей. Не случайно основным лозунгом экономического форума в Давосе в этом году стало – «Создание совместного будущего в раздробленном мире». То есть перед политиками встала задача целенаправленно сломать старую «корневую» и «древовидную» систему взглядов на мир, не попадая при этом в новые – старые архаичные ловушки, основу которой пока составляет не человек, а «хозяин» в различных институциональных проявлениях и его подчиненные – живые вещи и где есть право бить и наказывать, выражая тем самым свою любовь. Это, наверное, важнее, чем построение цифровой экономики, и даже важнее победы над коррупцией, а значит, политики, предлагающие для страны образ будущего, должны продвигать это в первую очередь.

Назаренко А.В. Новая реальность – новая «заботливость», новые политические альянсы и новая «архаика». В статье сделана попытка обозначить проблемы коммуникативных воздействий и специфику социально-политических отношений по мере создания и становления нового информационного общества постмодерна.

Ключевые слова: корень, ризома, альянс, виртуальность, реальность, текстовая культура, визуальная культура.

Nazarenko A.V. A new reality is a new "caring", new political alliances and a new "archaic". In the article an attempt is made to identify the problems of communicative influences and the specifics of socio-political relations as the creation and formation of a new information society of postmodern.

Keywords: root, rhizome, alliance, virtuality, reality, text culture, visual culture.

Н.С. КУЛЕШОВА

*доктор философских наук, доцент,
профессор кафедры политологии Востока ИСАА
МГУ имени М.В. Ломоносова*

А.А. БУРЫГИН

*магистрант кафедры политологии
Востока ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова**

Особенности образования мусульманских государств

Произошедшие геополитические перемены в качестве нового фактора в мировой политике определяют ислам. Политизации ислама способствовал и «исламский бум» конца 70-х – начала 80-х гг., который привел к другому процессу – исламизации политики. Сегодня в регионах распространения мусульманства наблюдается тенденция увеличения влияния религиозного фактора на политический процесс. Государства, определяющие для себя мусульманское вероучение и традицию как основу и принцип деятельности, руководствуются законами шариата и однозначно относят себя к исламским государствам, демонстрируют в современных политических условиях тенденцию к консолидации всего «исламского мира», используя в этих целях любые инструменты. В качестве примера можно привести участие подобных государств в международных организациях. В частности, Организация исламского сотрудничества (ОИС) объединяет 57 стран на четырех континентах – этакий исламский вариант Организации Объединенных Наций, и такой же вариант Всемирной торговой организации – Исламский банк развития.

В XXI в. Ближний Восток нестабилен, мы наблюдаем множество разнонаправленных политических процессов, которые приводят к непредсказуемым последствиям. Одним

* Кулешова Наталья Сергеевна, e-mail: kuleshova-nataly@mail.ru;
Бурыгин Александр Алексеевич, e-mail: aa95burygin@mail.ru

из таких последствий является обострение деятельности исламских фундаменталистских организаций. Любые экстремистские тенденции в сферах общественной жизни опасны и должны быть изучены, но в связи с тем, что религиозный вопрос обладает особой степенью деликатности, исследователю необходимо быть тактичным в своих выводах и уважать чувства верующих. Изучение проблемы роста религиозного экстремизма предполагает рассмотрение всей совокупности внутренних и внешних причин и условий, которые создают благоприятную почву для формирования и последующего развития религиозного экстремизма в стране или регионе. К подобного рода предпосылкам можно отнести противоречия «догоняющей модернизации», демографические перекосы, которые характерны для большинства стран Ближнего Востока, умелое использование фундаменталистами ислама в качестве основы экстремистской идеологии.

Близость географического положения и тесное экономическое взаимодействие превратили Ближний Восток в сферу интересов Российской Федерации, в связи с чем проблема стабильности и безопасности в этом регионе имеет для нас стратегическое значение. Москва выступает за политическое урегулирование кризисов на Ближнем Востоке и уважение территориальной целостности и суверенитета государств этого региона, а также за уважение чувств верующих.

Россия на сегодняшний день достаточно крупная мусульманская страна мира, после христианства ислам – вторая по численности религия в РФ, ее исповедует около 12,5% населения. Поэтому несложно представить, к чему может привести попытка разыграть исламскую карту. Высокую степень актуальности сегодня имеют вопросы, связанные с влиянием внешних факторов на распространение исламского экстремизма в России и на постсоветском пространстве. Под этими факторами мы понимаем все политические и идеологические процессы, которые могут привести к нарушению достигнутой на сегодняшний день стабильности в российском исламском мире, переходу части верующих на позиции религиозной нетерпимости и политического экстремизма. В этом контексте термин «исланизм» употребляется для обозначения практики использования исламской религии в политических целях. Поэтому Россия готова сотрудничать со всеми здравомыслящими силами в исламском мире и выступает за разработку эффективных программ борьбы с терроризмом и экстремиз-

мом на всех уровнях, в том числе и на международном. Российское руководство неоднократно подтверждало готовность к сотрудничеству с коалицией, которую возглавляют американцы. По мнению многих специалистов, принципиальное значение для эффективных действий мирового сообщества по сирийскому урегулированию имеет именно взаимодействие между РФ и США.

Сегодня мы отмечаем существенно возросшую значимость религиозного фактора в политике тех стран, где ислам является государственной религией, что выражается в стремлении этих государств к консолидации в рамках «исламского мира» и усилению его влияния на международной арене.

Поэтому важной задачей современной политической науки мы считаем изучение позиций и взглядов как отдельных мыслителей, так и целых концепций, поскольку они лежат в основе исламской идеологии, ее развития и формирования новых тенденций в процессе реализации.

В современной политической науке существует множество теорий происхождения государства. Это разнообразие объясняется сложностью предмета изучения, порой противоречивыми особенностями развития того или иного общества, специфическими чертами социального сознания определенных групп людей или народов, различными идеологическими и политическими установками, которых придерживаются или придерживались в прошлом идейные вдохновители той или иной группы теорий, и рядом других причин. Развитие теорий происхождения прошло те же этапы, которые прошло общественное сознание, поэтому представляется возможным их условное деление.

1. Группа теорий, которая была разработана на начальном этапе истории государств, называется мифологической. Она включает в себя учения древнеиндийских, древнегреческих и древнеримских мыслителей. Согласно этим теориям государство во всех своих проявлениях – в системе власти, в видах и формах принуждения, способах регуляции общественного поведения, идеологии – является результатом воли сверхъестественных сил. Государство оценивается сторонниками этой теории как незыблемая и вечная воля Творца, поэтому здесь имеет место очень высокая степень сакрализации институтов власти, в первую очередь фигуры правителя. Глава государства воспринимается поданными как наместник Бога на земле, иногда как его прямой

потомок, единственный носитель неоспоримой мудрости и абсолютного знания. В государствах подобного рода вопрос о легитимности правящего режима не имеет места, так как идет вразрез с самой идеологической основой общества. Для государств подобного типа также характерно отсутствие водораздела между обществом и государством – иными словами, здесь нет места для гражданского общества¹.

2. Следующая группа представлена системой взглядов на возникновение института государства, в основе которых лежит теологическая доктрина (начало XIII в.). Ее основоположниками стали два выдающихся христианских подвижника Средневековья: Фома Аквинский и Августин Блаженный. Согласно данной теории государство является объединением двух начал: божественной воли и разумной человеческой деятельности. Но правитель здесь уже не выступает потомком или наместником Бога. Он, безусловно, Его избранник и помазанник, поставленный управлять народом. Но степень сакрализации власти здесь намного ниже. Результатом подобного мировоззренческого прогресса стало иное отношение к системе государственной власти: сторонники этой концепции допускают, что государственная власть не всегда является абсолютно идеальной и непогрешимой. Наоборот, тираническая власть, которая не служит благу народа, может быть неуютной Богу и заслуживает порицания – это зависит от того, как именно власть используется элитой. Таким образом, данная теория все ещё преподносит главу государства как личность, стоящую выше всех остальных членов общества и сверяющую свои решения с высшими религиозными принципами – подобное отношение, безусловно, повышает авторитет власти в глазах населения. Однако данная теория оставляет место для критики в адрес власти, так как правителя теперь можно обвинить в ненадлежащем почитании Бога и в отходе от божественных заповедей. Правда, способы смещения правителя четко не прописаны, что означает трудность смещения «недостойного» правителя².

3. Теорией, характеризующейся отношением к институту государства как к чему-то вечному и неизблемому, является патриархальная теория, главными идеологом которой

¹ Мелехин А.В. Теория государства и права. М., 2007, с. 37-39, 45.

² Теологическая теория происхождения государства. URL: <http://fb.ru/article/39715/teologicheskaya-teoriya-proishozhdeniya-gosudarstva> (дата обращения: 02.04.2018).

выступил Конфуций. Странники этой группы концепций полагают, что государство выросло из семьи, а система власти политического лидера – это своего рода власть отца семейства в макромасштабе. Они объясняют это тем, что люди являются от природы существами коллективными, способными и стремящимися к сожительству на одной территории с себе подобными. Такое сожительство приводит к кооперации и взаимопомощи, итогом которых становится создание и последующее разрастание семей. Увеличение числа этих семей и усложнение семейных отношений, на их взгляд, и приводит к образованию государства. Таким образом, государство – это своего рода макросемья и наоборот. То есть отношения в семье и в государстве должны проистекать в одном и том же русле: глава семьи (монарх) заботится о своих родных (подданных), а те должны беспрекословно подчиняться ему и уважать его. Однако нельзя не признать, что данная теория имеет существенный теоретический изъян: она очень сильно упрощает процедуру формирования государства, сводит на нет механизмы формирования и функционирования публичной власти, экстраполируя понятие «семья» на понятие «государство», а такие категории, как «отец», «члены семьи», необоснованно отождествляются соответственно с категориями «государь», «подданные»¹.

4. Следующая теория – договорная – отходит от сакрального и незыблемого начала государства и рассматривает этот институт исключительно как продукт общественной деятельности людей. Главными идеологами концепции выступили Т. Гоббс и Дж. Локк, по мнению которых государство появилось как результат договора между группами людей. В этом договоре они решили, что для безопасной и организованной жизни необходимо социальное образование, которое и возьмёт на себя заботу о реализации общественных интересов. А люди, в свою очередь, обязуются подчиняться решениям этого социального механизма. Именно так, по мнению Локка и Гоббса, и возникло государство. Несомненным достижением данной теории стала демократия в ее основе и свободный выбор человека. Также здесь четко прописан механизм формирования и расформирования власти – по воле народа. Недостатком можно считать игнорирование объективных внешних факторов, во многом

¹ Мелехин А.В. Теория государства и права, с. 45-46.

определяющих идеологические и политические основы того или иного государства (социально-экономические, военно-политические)¹.

5. Еще одна группа теорий, о которой невозможно не вспомнить, – насильственная (Е. Дюринг, К. Каутский, Л. Гумплович). Эти концепции говорят о государстве как о результате насилия. Примером таких взглядов может быть завоевание одних племен другими или покорение государствами друг друга, что означает, что государство является не свободным выбором народа или итогом его социального развития, а исключительно аппаратом принуждения. Данную группу отличает признание элементов насилия, присущих процессу формирования некоторых государств как в прошлом, так и в настоящем. Недостатком теорий следует считать отсутствие социально-экономических и религиозных предпосылок, которые на практике могут оказать решающее воздействие на формирование и развитие государства².

Анализ происхождения современных арабских государств позволяет предположить, что основной моделью формирования этих государств является патриархальная, что связано, прежде всего, с историческим прошлым арабских стран: на протяжении долгого времени они были колониальными владениями европейских государств, независимость от которых была получена преимущественно революционным путём. Так, Тунис получил свою независимость в 1956 г. после десятилетий долгой и упорной борьбы, антифранцузских выступлений, ряда стачек и забастовок, идейным вдохновителем которых стал Хабиб Бургиба. Он же и возглавил Тунис после обретения независимости, став, согласно Конституции, «пожизненным президентом». Его власть продолжалась вплоть до Жасминовой революции 1987 г., в результате которой Бургиба был отстранен от власти, а президентом стал Зин ал-Абидин бин Али, который занимал этот пост до второй Жасминовой революции 2011 г. В результате проведенных

¹ Подробнее см.: *Мингалева В.А.* Договорная теория происхождения государства. Тюмень, 2010.

² См. об этом: *Самофалова Д.А.* Насильственная теория происхождения государства. Великий Новгород, 2010.

затем реформ сегодня не допускается занятие поста главы государства на пожизненный срок¹.

Современный облик Египта ассоциируется, прежде всего, с деятельностью Гамалея Абдель Насера, который по итогам революции 1952 г. и последующих лет своего президентства (1956-1970) сумел положить конец британскому влиянию в своей стране и отстоять политическую и экономическую независимость Египта, укрепить его региональные и международные позиции. Он не был первым президентом Египта после получения независимости, однако именно ему было суждено стать одним из самых влиятельных политиков XX в., наследие которого стало образцом для подражания для многих государственных деятелей других стран².

Если говорить о Ливии, то ситуация здесь иная: страна получила независимость от ГА ООН в 1949 г. (фактическая независимость провозглашена в 1951 г.), затем, ввиду открытия больших запасов нефти, вступила в эпоху экономического подъёма и социальной модернизации. Однако король Идрис в своём правлении ориентировался на США и Великобританию, не поддерживая идеи арабского национализма и социализма. Кроме того огромные нефтяные запасы превратили Ливию из бедной страны в одно из самых богатых государств мира. Но основная часть доходов от нефти концентрировалась в руках правящей элиты, что вызывало недовольство населения. Еще одной важной особенностью развития страны является произошедшая из-за процесса государственного строительства ломка родоплеменных отношений. Раньше глава государства опирался на противоречия между родоплеменными группами Ливии, являясь своего рода арбитром между ними. Теперь же люди оказались вырваны из традиционной среды, их прибежищем стала армия. Рост числа недовольных привёл к военному перевороту 1969 г. Лидером восставших стал полковник М. Каддафи. Он являлся главой Ливийской Джамахирии с 1969 по 2011 г.³

Если перенестись из Северной Африки в Юго-Западную Азию и посмотреть, как происходило становление государственной власти в арабских странах этого региона, то в

¹ Видясова М.Ф. Джихад без войны. Тунисский опыт модернизации и политическое наследие Хабиба Бургибы (1903-2000). М., 2012, т. II, кн. 2.

² Родригес А.М. Новейшая история стран Азии и Африки. XX век. Часть 2. 1945-2000. М., 2001, с. 161-174.

³ Егорин А.З. Муаммар Каддафи. М., 2009.

зону исследовательского интереса попадают Сирия и Ирак, к тому же как эпицентр военных действий против Исламского государства.

Во второй половине XX в. Сирия (после получения полной независимости и вывода англо-французских войск с её территории в 1949 г.) пережила ряд государственных переворотов и острых политических кризисов, в результате которых к власти в 1963 г. пришла партия БААС, президентом страны стал Салах Джадид, который был свергнут через два года Хафезом ал-Асадом. Таким образом, с 1971 г. и по сей день Сирия возглавляется династией ал-Асадов.

В истории Ирака необходимо вспомнить, что в 1932 г. он получил формальную независимость и вступил в Лигу Наций, но вместе с тем находился под влиянием Великобритании. Так, например, в 1925 г. в Ираке были обнаружены огромные запасы нефти – и лицензию на их разработку получил англо-франко-американский консорциум «Туркиш петролеум». Всё это привело к росту недовольства, которое в полной мере смогла выразить самая дисциплинированная и организованная часть общества – армия. Результатами политических кризисов в стране стали революция 1958 г. и свержение монархии, приход к власти иракского крыла партии БААС во главе с С. Хусейном (1979-2003 гг.) и установление в Ираке военной диктатуры. Об особенностях внешней и внутренней политики С. Хусейна написан не один десяток работ, поэтому нельзя не согласиться с тем, что эта личность играла ключевую роль в новейшей истории Ирака¹.

Из приведённого краткого обзора видно, что для формирования арабской государственности характерна ведущая роль личности/вождя, которого почитает весь народ и который со временем становится своего рода «отцом нации». Именно этот человек оказывает решающее влияние на векторы экономического и социально-политического развития страны, определяет структуру внешней и внутренней политики и, как правило, сосредотачивает в своих руках все рычаги управления. Кроме того четко прослеживается ключевая роль армии в процессе государственного строительства. Армия имеет большое значение не только для обороны страны, но и для ее политической жизни. Все это

¹ Родригес А.М. Новейшая история стран Азии и Африки. XX век Часть 2. 1945-2000, с. 50-80.

позволяет прийти к выводу, что перед нами патриархальная с заметной долей насильственных, а иногда и договорных элементов модель формирования государства.

Современники задаются вопросом о том, к какой группе теорий относится процесс государственного строительства в Исламском государстве (ИГ). Для того чтобы ответить на этот вопрос, необходимо четко представлять себе, что такое «исламское государство» в его научном понимании и какие элементы ему присущи. Эти вопросы мы рассмотрим в следующей публикации.

Кулешова Н.С., Бурьгин А.А. Особенности образования мусульманских государств. Авторы представляют существующие в современной политической науке основные теории происхождения государства, анализируют особенности возникновения и функционирования мусульманских государств.

Ключевые слова: государство, функции, политико-правовая система, идеология ислама, мусульманское государство.

Kuleshova N.S., Burygin A.A. Peculiarities of formation of Muslim states. The authors present existing in modern political science basic theories of the origin of the state, analyze the features of the emergence and functioning of Muslim states.

Keywords: state, functions, political and legal system, the ideology of Islam, the Muslim state.

В.В. БОРЩЕНКО
*преподаватель факультета среднего
профессионального образования и довузовской
подготовки Северо-Западного института
управления – филиала РАНХиГС при Президенте РФ**

Особенности современного информационного пространства как среды формирования информационно-политических угроз

Формирование информационного общества, основанного на превращении информации, информационных систем и технологий в системообразующий элемент всех сфер человеческой деятельности, не только обеспечило стремительное увеличение ее производительности, но и породило широкий спектр новых проблем, связанных с использованием информации. К числу постоянно растущих информационных проблем следует отнести развитие информационно-политических угроз, нарушающих политическую безопасность страны.

Категории «информационно-политические угрозы», «информационно-политическая безопасность» являются для теории политической безопасности достаточно новыми в научной и нормативной литературе. Одним из первых в научный оборот определение информационно-политической безопасности ввел М.М. Кучерявый¹, предложив понимать под нею состояние защищенности государства, при котором обеспечивается информационный суверенитет страны в условиях существующих угроз, исходящих от глобального информационного пространства с использованием сети Интернет, СМИ и других средств коммуникации. В процессе развития элементов теории информационно-политической безопасности это понятие было уточнено путем концентрации внима-

* Борщенко Виктор Владимирович, e-mail: boss-victor@yandex.ru

¹ Кучерявый М.М. К пониманию политики модернизации национальной безопасности // Управленческое консультирование, 2015, № 11(83).

ния на информационно-политических угрозах как угрозах политической системе, формирующихся с использованием информации и информационных технологий.

Уточненное понимание информационно-политической безопасности представляет собой комплексную проблему, заключающуюся в защите жизненно важных интересов граждан, государства и постиндустриального общества в целом в политической сфере от внутренних и внешних информационно-политических угроз¹. Данное уточнение позволяет рассматривать информационно-политическую безопасность несколько шире: во-первых, за счет включения в рамки этого определения политической деятельности граждан, организаций и государства; во-вторых, за счет учета в процессе формирования политических угроз информационного фактора, влияние которого «на государство в последние годы значительно превосходит сугубо отраслевые эффекты и является одним из важнейших факторов, способствующих решению ключевых задач государственной политики РФ»².

Эффективность мероприятий по предотвращению политических угроз будет в значительной мере зависеть от изученности той среды, где они реализуются. Существенную часть рассматриваемой среды занимает информационное пространство. Под информационным пространством принято понимать совокупность баз и банков данных, информационно-телекоммуникационных сетей и систем, а также технологий их использования, функционирующих на основе общих принципов и по правилам, обеспечивающим информационное взаимодействие организаций и граждан, а также их информационных потребностей³. Кроме того ряд авторов в состав информационного пространства включают инфор-

¹ Борщенко В.В., Косов Ю.В. Информационные аспекты теории политической безопасности // Управленческое консультирование, 2017, № 12.

² Стратегия развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации на 2014-2020 годы и на перспективу до 2025 года [Электронный ресурс] URL: http://minsvyaz.ru/common/upload/Strategiya_razvitiya_otrasli_IT_2014-2020_razv2025.pdf (дата обращения: 1.12.2017)

³ Финансовый словарь [Электронный ресурс] URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/fin_enc/23454 (дата обращения: 10.12.2017); "Концепция формирования и развития единого информационного пространства России и соответствующих государственных информационных ресурсов" (одобрена решением Президента РФ от 23.11.1995 N Пр-1694) [Электронный ресурс] URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=240699#0> (дата обращения: 10.12.2017)

мационные объекты, представляющие собой сформированные по определенным правилам данные, трактуемые информационной системой как единое целое¹.

Взаимодействие элементов политической структуры (политических и государственных организаций, институтов, учреждений) и отдельных людей в информационном пространстве осуществляется посредством обмена информацией. Поэтому качество такого взаимодействия будет определяться свойствами информационного пространства, к основным из которых относятся следующие.

1. Высокая динамика пространственного развития и семантического наполнения. Эта динамика связана: с постоянным совершенствованием инфотелекоммуникационных систем и технологий, инфраструктуры в целом; с постоянным повышением эффективности методов распространения информации, учитывающих тенденции информационных потребностей формируемого общества знаний (Интернет-газеты и информационные порталы, Интернет-радиостанции и телеканалы, обычные Интернет-сайты, Интернет-сайты на бесплатном месте, форумы, гостевые книги, электронная почта, ICQ IRC и т.п., сервера новостей и т.п.); с лавинообразным нарастанием массы разнообразной информации в современном обществе, получившим название информационного взрыва (по некоторым данным объем информации, хранящейся на серверах сети Интернет, увеличивается в два раза ежегодно), и с рядом других причин. Рассматриваемое свойство позволяет эффективно использовать для политической манипуляции такие методы, как: метод анализа, организации, представления и редактирования профессиональной информации путем составления карты распределения информации (information mapping); метод капитализации опыта; метод учета накопленного опыта; метод MKSM (Methods of Knowledge System Management), представляющий собой метод анализа систем знаний². Эти и

¹ *Коловой А.С.* Перспективы и динамика развития современного информационного пространства // Пензенский психологический вестник, 2014, № 2(3); *Левкин И.М.* Формирование единой информационной политики – важное направление развития единого информационного пространства Евразийского экономического союза // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. Международный научно-аналитический журнал, 2015, № 2(18), с. 106-112.

² Развитие системы управления знаниями в процессе инновационной деятельности промышленных организаций» [Электронный ресурс] URL: <http://metodichka.x-pdf.ru/15ekonomika/287952-4-razvitie-sistemi-upravleniya->

подобные им методы позволяют так сформировать информацию, чтобы ее получатель серьезно озаботился поднимаемыми там проблемами.

2. Структурированность информационного пространства означает, что выделены его элементы, установлены связи между ними, введены обозначения, элементы и связи упорядочены. Важным манипуляционным потенциалом сетевой структуры является возможность выхода на первоисточники, находящиеся в иностранных сегментах Интернета. Это связано с ростом заинтересованности молодежной части пользователей, составляющей две трети всей аудитории Интернета¹. Формирование содержания таких первоисточников может осуществляться иностранными спецслужбами и организациями, зарубежными и определенной частью российских СМИ, организациями сектантов и церковников, различного рода миссионерскими организациями, отдельными экстремистскими элементами и группами.

3. Постоянное повышение защищенности является важным свойством современного информационного пространства. Вместе с тем как бы эффективно ни работали органы защиты информации, в информационном пространстве существует немало слабых мест, которые могут быть использованы для несанкционированного доступа к информационным ресурсам.

4. Универсальность информационного пространства заключается в том, что оно является сферой деятельности органов государственной власти и управления (структур, вступающих в активную коммуникацию с населением – служб по связям с общественностью и подразделений), государственных и негосударственных средств массового информирования, а также негосударственных общественно-политических объединений, чья информационная и коммуникативная деятельность отвечает официально декларируемым национальным интересам, средств массовой информации, профессиональных групп или отдельных людей. Отсюда и возникают уникальные возможности для воздействия в любой

znaniyami-processe-innovacionnoy-deyatelnosti-promishlennih-organizaciy.php (дата обращения: 13.12.2017); Редакторский анализ – профессиональный метод редактора [Электронный ресурс] URL: <https://www.kazedu.kz/referat/103467> (дата обращения: 03.01.2018).

¹ Аудитория российской части Интернета [Электронный ресурс] URL: <https://studfiles.net/preview/2146295/page:7/> (дата обращения: 03.01.2018).

профессиональной области, в том числе и политической, как на коллективы людей, так и на отдельных индивидуумов.

5. Национальная специфика информационного пространства заключается в том, что оно обладает национально-специфичными способами построения, обработки и распространения информации¹. Эти способы связаны, по крайней мере, с двумя основными аспектами: технико-информационными и национально-информационными. Техничко-информационные аспекты предполагают способность создания новых аппаратно-программных средств в информационном пространстве. Национально-информационные аспекты построения информационного пространства связаны с национально-культурными особенностями его соответствующей части, а также политическими пристрастиями регионального (национального) истеблишмента.

6. Высокая потенциальная доступность, с одной стороны, и информационное неравенство, с другой стороны. Под доступностью понимают состояние информации (ресурсов автоматизированной информационной системы), при котором субъекты, имеющие право доступа, могут реализовывать их беспрепятственно. К правам доступа относятся: права на чтение, изменение, копирование, уничтожение информации, а также права на изменение, уничтожение, использование ресурсов². Одновременно с возможностью найти любую информацию Интернет создает условия для распространения по всему миру лживых, экстремистских утверждений, мошенничества и подобных негативных воздействий. При этом проверка достоверности сетевой информации часто в принципе невозможна.

7. Высокая технологичность информационного пространства определяется его разнообразными эксплуатационными качествами, определяемыми теми функциями, которые оно выполняет: интегрирующими, коммуникативными, актуализирующими, геополитическими, социальными и др. Высокая технологичность информационного пространства, с одной стороны, обеспечивает высокую доступность к его ин-

¹ Национально-специфические особенности электронной коммуникации на английском и русском языках [Электронный ресурс] URL: <https://studwood.ru/1341452/literatura/vvedenie> (дата обращения: 03.01.2018)

² Рекомендации по стандартизации «Информационные технологии. Основные термины и определения в области технической защиты информации» (Р 50.1.053-2005).

формационным ресурсам, с другой – создает возможности использования отдельных элементов технической и технологической структуры информатизации для несанкционированных действий с информацией.

В целом современное информационное пространство позволяет постоянно совершенствовать синергетическое взаимодействие миллионов участников (среди которых небольшое число «агентов влияния»), легко придавать частному формат всеобщего и в кратчайшие сроки превращать события, имеющие локальное значение, в события глобального масштаба.

Таким образом, рассмотренные свойства современного информационного пространства создают дополнительные возможности использования информации для формирования внешних и внутренних информационно-политических угроз стране. Эти возможности связаны с формированием и развитием электронной части глобального информационного пространства, создающей предпосылки:

- для оперативного наполнения информационного пространства дестабилизирующей информацией, ее доведения до различных категорий населения с учетом их национально-культурных представлений и социально-политических предпочтений;
- для модификации и компрометации политической информации, циркулирующей как внутри страны, так и за рубежом;
- для хищения, искажения, уничтожения различной информации при помощи новых технических средств и аппаратно-программных закладок, вредоносных компьютерных программ, технологий обработки информации и т.п.;
- для нарушения информационного суверенитета страны.

Борщенко В.В. Особенности современного информационного пространства как среды формирования информационно-политических угроз. В статье показано, что такие свойства современного информационного пространства, как высокая динамика его пространственного развития и семантического наполнения, структурированность, защищенность, универсальность, национальная специфика, доступность и технологичность, создают дополнительные возможности для использования информации в

интересах формирования внешних и внутренних информационно-политических угроз.

Ключевые слова: информационное пространство, свойства информационного пространства, информационно-политические угрозы, информационно-политическая безопасность.

Borshchenko V.V. The features of the modern information space as a medium of information-political threats. In the article it is shown that such properties of information space as high dynamics of its spatial development and semantic content, structure, security, universality, national specificity, accessibility, and adaptability create additional opportunities for use of information in the interest of creating internal and external information and political threats.

Keywords: the information space, properties of the information space, information- political threats, information-political safety.

Ю.Н. САЯМОВ
*кандидат исторических наук, заведующий
кафедрой ЮНЕСКО по глобальным проблемам
и возникающим социальным и этическим
вызовам для больших городов и их населения
на факультете глобальных процессов
МГУ имени М.В.Ломоносова**

Международные отношения и глобальные социальные трансформации

Международная социальная проблематика занимает особое место в деятельности кафедры ЮНЕСКО по глобальным проблемам и возникающим социальным и этическим вызовам для больших городов и их населения, созданной в 2010 г. на факультете глобальных процессов МГУ имени М.В. Ломоносова. В контексте проблематики международных отношений за прошедшие годы на кафедре были подготовлены курсовые и дипломные работы, магистерские диссертации и проектные научные исследования по глобальным социальным проблемам и вызовам. В центре внимания находились различные аспекты социального и гендерного неравенства, вопросы глобальной социальной проблематики миграции, проблемы неграмотности, доступа к образованию, медицине, природным ресурсам, воде, землепользованию и другие актуальные темы. Кафедра приняла участие в программе действий по образованию для устойчивого развития, в работе по реализации целей и задач устойчивого развития до 2030 г.

Включившись в осуществление программы ЮНЕСКО по менеджменту социальных трансформаций (программа МОСТ), кафедра провела в октябре 2015 г. совместно с Сектором социальных и гуманитарных наук Секретариата ЮНЕСКО первую в России школу по программе МОСТ¹ и выступила с инициативой разработки Международной магистерс-

* Саямов Юрий Николаевич, e-mail: y.sayamov@yandex.ru

¹ https://istina.msu.ru/conferences/committee_memberships/12394368/

кой программы высшего образования по управлению глобальными социальными трансформациями. Инициатива была поддержана на заседании Экспертного совета ЮНЕСКО 7-8 июля 2016 г., и кафедра приступила к разработке программы, опираясь на потенциал факультета глобальных процессов МГУ имени М.В. Ломоносова. Особое значение имело то, что научно-образовательная программа в сфере высшего образования и его второй ступени – магистратуры впервые разрабатывалась в актуальном тематическом ключе международных отношений в контексте глобальных процессов. К началу работы 13-й очередной сессии Межправительственного совета программы МОСТ 16-17 марта 2017 г. в Куала-Лумпуре (Малайзия) проект Международной магистерской программы высшего образования по управлению глобальными социальными трансформациями был разработан и представлен на заседании, получив одобрение участников.

Программа была разработана в соответствии с международными образовательными стандартами и требованиями Европейских стандартов и рекомендаций для гарантии качества в высшем образовании (ESG). Она соответствует принципам единого Европейского пространства высшего образования (European Higher Education Area—EHEA)¹, национальным (НРК РФ) и европейским (ЕРК) рамочным описаниям квалификаций и критериям ЮНЕСКО в отношении программ высшего образования с присвоением степени магистра.

Программа является интеллектуальным продуктом Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Она использует его образовательный стандарт по направлению подготовки «Международные отношения и глобальные социальные процессы», который представляет собой совокупность предметов и дисциплин в базовом и вариативном цикле и для изучения по выбору, обеспечивающих общую подготовку специалиста высокого уровня по проблематике управления глобальными социальными трансформациями.

Международная базовая магистерская программа высшего образования «Управление глобальными социальными

¹ Европейская зона высшего образования. Образована в марте 2010 г. на Министерской конференции в Будапеште/Вене по случаю десятилетия Болонского процесса. (http://referat.cis2000.ru/books/book2/ch1_11.shtml; <http://www.bologna-berlin2003.de/en/glossary/index.htm>)

трансформациями» соотнесена с соответствующим набором компетенций. Она формируется в рамках вариативной части направления подготовки и включает в себя помимо соответствующего программе набора специализированных компетенций также образовательные модули по специализированным дисциплинам, которые составляют содержательную часть программы и обеспечивают приобретение обучающимися необходимых знаний и навыков.

Наименование магистерской программы подготовки «Управление глобальными социальными трансформациями» указывается в документах о соответствующем уровне образования или квалификации, выдаваемых выпускникам высших учебных заведений, в которых она будет преподаваться и изучаться.

Стратегическая цель программы заключается в том, чтобы с помощью инновационных образовательных технологий и научных методов подготовить обучающихся к активному, содержательному и эффективному по результатам участию в реализации целей и задач устойчивого развития в области управления социальными трансформациями. Задачей программы является системная подготовка специалистов высшей квалификации для работы в сфере менеджмента социальных трансформаций, способных к творческому решению теоретических и практических вопросов профессиональной деятельности в современных условиях на основе формирования необходимых компетенций с учетом потребностей реализации целей устойчивого развития.

Миссия магистерской программы «Управление глобальными социальными трансформациями» состоит в углубленной подготовке компетентных конкурентоспособных специалистов, обладающих высокой квалификацией и профессиональной идентичностью в сфере данной проблематики.

Формулировка целей магистерской программы «Управление глобальными социальными трансформациями», утвержденной решением Ученого совета МГУ от 21 декабря 2017 г. по направлению подготовки «Международные отношения»,¹ определяется в области обучения и воспитания на основе стратегических направлений достижения устой-

¹ Заседание Ученого совета МГУ 21 декабря 2017 года.
<https://www.msu.ru/depts/uchsov/news/zasedanie-uchenogo-soveta-mgu-21-dekabrya-2017-goda.html>

чивого развития в соответствии с приоритетами ООН и ЮНЕСКО.

Программа направлена на профессиональное личностное развитие обучающихся, на осознание ими социальной значимости сферы применения полученной квалификации в международном контексте. Формирование компетенций в образовательном процессе осуществляется в соответствии с миссией и приоритетами ООН и ЮНЕСКО и направлено на подготовку конкурентоспособного и востребованного на рынке труда специалиста-международника со знанием глобальной проблематики, хорошо ориентирующегося в теме управления социальными трансформациями.

В результате освоения программы должны быть достигнуты следующие цели:

- понимание особенностей социальных трансформаций как системы знаний, вида человеческой деятельности и состояния общества;
- формирование представления о факторах и движущих силах социальных трансформаций;
- осознание необходимости новых оценок и подходов к существующим глобальным социальным деформациям и потребности в позитивных социальных трансформациях в контексте нового гуманизма и современных научных исследований;
- знакомство с общенаучными методами, а также методологией социальных и гуманитарных наук, с формами и основными этапами научного исследования;
- развитие способности анализировать различные аспекты социальных трансформаций и деформаций, а также ясно формулировать и аргументированно отстаивать собственное видение проблемы, вести корректную дискуссию с представителями иных воззрений.

Международная магистерская программа высшего образования «Управление глобальными социальными трансформациями» содержит базовую часть, вариативную часть, часть практики и научно-исследовательской работы и предусматривает итоговую государственную аттестацию. Базовая часть состоит из дисциплин и модулей, обязательных для изучения по направлению подготовки «Международные отношения и глобальные социальные процессы», освоение которых направлено на формирование у обучающихся

основных компетенций высшего образования по данному направлению подготовки.

Вариативная часть состоит из дисциплин магистерской программы «Управление глобальными социальными трансформациями» и дисциплин по выбору для данной программы.

Программа охватывает 5 основных модулей.

1. Социальное включение¹. Этот модуль предусматривает: а) изучение социального включения в общество посредством образования и б) развитие способностей, необходимых для совместной деятельности. В соответствии с программой МОСТ в процессе обучения обеспечивается операционализация инклюзивной политики в трех функциональных компонентах: (1) инклюзивной политики информационного центра; (2) краудсорсинга и совместных инноваций; и (3) создания потенциала и технических консультаций.

2. Мир и управление. Этот модуль предусматривает рассмотрение темы на основе принципа универсальности развития. Он направлен на смену парадигмы в достижении устойчивого развития, на изучение существующих и на создание новых механизмов сотрудничества в этих целях. Обучающиеся выявляют изменения в правилах игры в международном сотрудничестве для развития, знакомятся с расхождениями интересов развитых и развивающихся стран в этих вопросах, оценивают перспективы глобального управления, особую востребованность в этом контексте аналитического потенциала социальных наук.

3. Миграция. В этом модуле рассматриваются знания о демографических закономерностях и процессы, происходящие в демографической сфере, анализируются исследования международной миграции как фактора демографической, социальной и политической ситуации в отдельных странах, регионах и в мире в целом.

4. Межкультурный диалог. В этом модуле изучаются проблемы сосуществования культур, народов и цивилизаций в современных условиях глобализации и нестабильности мира. Они рассматриваются с позиций непрерывного процесса развития и происходящих изменений в международных отношениях в контексте глобальных процессов.

¹ См.: Социальное включение как основополагающая концепция целевых мер социальной политики. <https://lektsii.org/2-12412.html>

Основной контент этого модуля – выбор в пользу диалога, ценностей, поведения и взглядов, способствующих сотрудничеству и сближению культур в соответствии с принципами Всеобщей декларации ЮНЕСКО о культурном разнообразии¹. Исследуются понятия «диалог цивилизаций» и «межкультурный диалог» в повестке дня международного сотрудничества, механизмы межкультурного образования, модели межкультурных коммуникаций.

5. Возникающие технологии. В этом модуле изучаются принципиальные изменения, происходящие в обществе в результате смены технологий, влияния возникающих новых технологий на социальные трансформации, такие как структура занятости и др. Изучаются социокультурные факторы этого процесса с точки зрения формирования возможностей и препятствий для модернизации. Рассматриваются риски и социальные вызовы, порождаемые новыми технологиями, влияние скорости, с которой происходят технологические изменения, на содержание, размах и характер последствий, а также причины, по которым сегодняшние перемены можно считать не продолжением третьей промышленной революции, а началом четвертой, способной затронуть все группы, слои и профессии в обществе, стирая грани между физическими, цифровыми и биологическими сферами.

В базовой части программы изучаются дисциплины «Философия и история науки», «Язык международного общения для специальных целей», а также в общепрофессиональном цикле – курсы «Современные базы данных по социальным проблемам и трансформациям» и «Региональные проблемы социальных отношений и трансформаций».

Важной характеристикой современной эпохи является все более отчётливое осознание представителями разных стран и культур своей принадлежности к формирующемуся глобальному обществу. Складывается особый пласт научных исследований, посвящённых мегатрендам – крупномасштабным долгосрочным процессам мирового развития, определяющим качественное содержание текущего этапа эволюции отношений в мире.

¹ ООН. Декларации. Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии. Принята 2 ноября 2001 г. Генеральной конференцией Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры www.un.org

Курс «Мегатренды мирового развития и современные глобальные проблемы» призван ознакомить магистрантов с главными тенденциями современного мирового политического, экономического и социального развития в контексте происходящих глобальных процессов. Отдельное внимание при этом должно быть уделено выявлению новой повестки дня в изучении проблем трансформации международных отношений и социальной сферы в глобальном измерении.

Международные отношения и, в особенности, международные конфликты тесно связаны с социальными отношениями и социальным состоянием общества. Провозглашенное в начале 1990-х годов окончание «холодной войны» не привело к исчезновению конфликтов и войн. Мир не стал более стабильным и безопасным. Напротив, его разбалансированность и отсутствие новой системы международных отношений, способной надежно заменить предыдущую, стали причиной возникновения еще более опасных конфликтов, подчас на грани глобальной конфронтации. Нестабильность международных отношений и возникновение новых конфликтов, в ходе которых страдает все больше стран и народов, мультиплицирует напряженность в социальной сфере. Влияние социальных процессов на международные конфликты выражается в ухудшении положения их участников через ухудшение ситуации в социальной сфере вовлеченных стран, региона конфликта и мира в целом. Обратное влияние международных конфликтов на социальные процессы и трансформации заключается в том, что конфликты способны кардинально изменять существующие социальные отношения и иметь своим следствием их опасную деградацию, способную поставить под вопрос не только качество жизни, но и саму жизнь в очаге конфронтации. Курс «Современная ситуация в мире и международные конфликты» направлен на развитие представлений обучающихся о роли и влиянии международных конфликтов на социальные процессы и трансформации. Отдельное внимание при изучении курса должно уделяться динамике возникновения, развития и прекращения международных конфликтов, задачам их предупреждения и предотвращения, мирного решения международных проблем.

В ходе курса «История и методология глобальных исследований»¹ изучаются этапы формирования основной проблематики международных отношений и социальных процессов, их изучения, моделирования и прогнозирования. Даются характеристики основных различий и пересечений предметных областей исследований в области международных отношений и социальных процессов, рассматриваются различные школы и методологические основы теории, новейшие направления методологических поисков и развитие теоретических исследований в этой сфере. Излагается содержание основных этапов становления и развития глобальных исследований, затрагиваются вопросы институционализации глобалистики как самостоятельной области научного знания. Предметно рассматриваются наиболее значимые концепции и теории в области изучения глобальных явлений и процессов. Особое место уделяется развитию методологии глобальных исследований.

В вариативной части программы в основном курсе «Международные отношения в контексте глобальных процессов и социальная сфера»² раскрываются основные аспекты значительно усложнившегося характера современной версии глобализирующегося миропорядка, его нестабильность и несбалансированность, непосредственно сказывающиеся на состоянии социальной сферы, нерешенность вопросов которой все более серьезно осложняет положение на национальном, региональном и международном уровнях, генерируя возможности социального взрыва. С учетом острой потребности в специалистах, имеющих общенаучную и профессиональную подготовку высокого уровня в области международных отношений и социальных проблем, курс формирует у магистрантов целостное представление о структуре, содержании и тенденциях развития современных международных отношений в увязке с проблематикой социальной сферы. Теоретическая составляющая дисциплины обращена к выявлению особенностей формирования международных отношений в пост-биполярный период на фоне масштабного включения в их осуществление наряду с государствами других участников, в

¹ См.: Шестова Т.Л. История и методология глобальных исследований. М., 2016, с. 80; Чумаков А.Н. Глобализация. Контуры целостного мира. М., 2005.

² См.: Саямов Ю.Н. К вопросу о глобальном характере международных отношений // Геополитика и безопасность, 2016, №2(34), с. 17-25.

качестве которых выступают города, местные власти, международные организации, неправительственные объединения и политические движения.

Курс «Глобальная экономика и глобальное разделение труда в контексте социальной сферы» посвящён рассмотрению и выявлению тенденций развития и особенностей современных процессов глобализации мировой экономики и социального пространства.

Для целей обучения по Международной магистерской программе высшего образования «Управление глобальными социальными трансформациями» предусматривается исследовательская практика, которая рассматривается как вид учебной деятельности. Ее основным содержанием является выполнение учебных, учебно-исследовательских, научно-исследовательских, производственных, творческих заданий на учебно-производственной базе учреждений и организаций, осуществляющих подготовку специалистов и деятельность в сфере международных отношений и социальных процессов.

Она дополняется производственной практикой, целью которой является закрепление полученных при освоении программы магистратуры теоретических знаний и навыков в практической деятельности.

В числе специальных дисциплин Международной магистерской программы по социальным трансформациям особое место занимает курс по социальному неравенству, которое остается одной из наиболее трудноразрешимых проблем мирового сообщества. Социальное неравенство и социальная несправедливость, являясь глобальными проблемами современного мира, считаются факторами, способными оказывать существенное влияние на устойчивое развитие экономики и общества. Согласно докладу ЮНЕСКО¹, отсутствие должного внимания к проблематике, связанной с социальной несправедливостью и социальным неравенством, способно поставить под угрозу реализацию Целей устойчивого развития, обозначенных ООН в качестве приоритетов до 2030 г. В связи с этим актуальным представляется рассмотрение в рамках дисциплины «Социальное неравенство, социальная несправедливость» ос-

¹ Доклад ЮНЕСКО по науке «На пути к 2030 году».
<http://unesdoc.unesco.org/images/0023/002354/235407r.pdf>

новых концепций и взглядов на природу социального неравенства, подходов к анализу социального неравенства в современном мире, учитывая смежные с ним проблемы социальной мобильности и социального воспроизводства. В рамках курса предполагается ознакомить магистрантов с проблемами социального неравенства и социальной несправедливости в контексте основных закономерностей и тенденций процессов глобализации.

В рамках дисциплины «Глобальные проблемы и инициативы и их решение» предлагается рассмотрение критериев, по которым выделяются глобальные проблемы; ознакомление с основными группами глобальных проблем и глобальными инициативами, направленными на их решение, а также рассмотрение ключевых понятий, явлений и процессов в контексте глобальной проблематики.

Содержание дисциплины «Социальные связи в глобальном мире» является составной частью подготовки магистров по Международной базовой магистерской программе высшего образования «Управление социальными трансформациями». В более широком плане курс предназначен для магистров, изучающих глобальное и социальное взаимодействие и процессы, происходящие в мире. Курс предлагает не только изложение основополагающих сведений о предмете, методах и задачах социальных связей и социального сотрудничества, базовых категориях и понятиях предмета, ключевых проблемах в его рамках и путях их разрешения. В курсе анализируются процессы, происходящие в современном мире, и рассматриваются главные социологические теории глобализации. Создается целостная картина современности и ее социальных измерений.

Информационное общество вносит значительные изменения в социальную структуру и существующие механизмы принятия социальных решений на всех уровнях. Появляются новые общественные группы, смещаются акценты властных отношений, изменяется геополитическая картина взаимосвязи и взаимозависимости между странами, не в последнюю очередь, в контексте социальной проблематики и задач предотвращения социальных взрывов и нестабильности. Глобализация социальных отношений ведет к их трансформации, включая принципиально новые механизмы контроля и принятия решений. Знание происходящих

социальных процессов, обсуждение их тенденций и прогнозирование возможных результатов становятся важной составляющей задачи достижения устойчивого развития. Все большее значение в современном глобальном мире приобретает роль социальной консолидации населения в странах и регионах. Человеческий потенциал в благоприятных условиях для развития свободной, мыслящей, информированной и осознающей ответственность личности может стать фактором стабильности, успешно бороться с новыми вызовами в виде проявлений экстремизма, расизма, нетерпимости, моральной деградации. Особое место в рамках курса отводится обсуждению проблем толерантности в контексте социальных связей и сотрудничества, провала политики мультикультурализма¹ на фоне ложно понимаемых «европейских ценностей».

Курс «Глобальное управление и дипломатия» призван предоставить магистрантам, обучающимся по Международной магистерской программе высшего образования «Управление глобальными социальными трансформациями», необходимую подготовку в этой области. Он адресован тем, кто намерен связать свою будущую деятельность с практической работой в сфере международных отношений. Особое внимание уделяется тому, чтобы вопросы глобального управления и дипломатии рассматривались в увязке с проблематикой глобализирующегося мира и задачами, отраженными в концепциях внешней политики и безопасности России и других основных государств – центров формирующейся многополярной системы международных отношений.

Проблемы демократии, прав и свобод человека и гражданина рассматриваются в отдельном курсе, направленном на формирование у обучающихся целостного представления об основных этапах становления и развития демократических процессов.

Актуальность курса «Образование и наука» обусловлена необходимостью создания адекватного представления об их значении в современных глобальных процессах. Связь образования и науки выступает важным элементом в формировании гуманитарной составляющей в системе

¹ См.: Меркель А. Попытки построить мультикультурное общество в Германии полностью провалились // РБК, 17.10.2010. Британский премьер осудил политику мультикультурализма // Лента.ру, 05.02.2011. Саркози признал провал мультикультурализма // Лента.ру, 11.02.2011.

подготовки специалистов. Образование и процессы, происходящие в нем, позволяют развивать активную жизненную позицию, коммуникативные качества, дают возможность целостно видеть современный мир, анализировать сложные проблемы социальных отношений в обществе.

Межкультурное взаимодействие является актуальным вопросом современности и входит в глобальную повестку дня развития человечества. В условиях воздействия глобализационных процессов, которое характеризуется усиливающейся взаимозависимостью в мире, межкультурное взаимодействие приобретает все большее значение и актуальность. Сосуществование различных культурных контекстов в современном глобальном мире обуславливает необходимость привлечения сторон к межкультурному диалогу и оказания содействия его развитию. В рамках курса «Межкультурное взаимодействие» предлагается рассмотрение цивилизационных, национальных, этнических, религиозных и других составляющих межкультурного диалога, влияние на него современных информационных технологий и СМИ, способов реализации межкультурного диалога в свете новых вызовов современности и культурного разнообразия.

В рамках курса «Молодежь: социальные проблемы, культура и современные коммуникации» последовательно раскрываются объектная и предметная спецификация социологии молодежи, ее потенциал и актуальные социальные статусы, социальная стратификация и самоидентификация, включенность молодежи в социальное коммуникативное пространство, в систему образования, в борьбу за занятость и рынки труда.

Проблемы доверия в международных отношениях в управлении социальными трансформациями рассматриваются в контексте возможных мер и механизмов укрепления доверия между государствами в целях совместного противодействия новым вызовам и угрозам.

Положение депривированных категорий, к которым относятся заключенные, ущемленные в правах на законных и незаконных основаниях, рассматривается в международно-правовом контексте с выявлением детерминант социально-депривированных категорий.

Курс «Социальные трансформации в контексте целей устойчивого развития» призван сформулировать у обучаю-

щихся представлении о содержании и императивах утвержденной Организацией Объединенных Наций масштабной программы достижения к 2030 году намеченных горизонтов улучшения положения в мире на основе реализации 17 главных целей устойчивого развития. В курсе раскрываются задачи достижения необходимых социальных трансформаций по каждой из целей.

Курс «Особо опасные глобальные угрозы и вызовы» направлен на подготовку слушателей в отношении особо опасных угроз и вызовов, существующих в современном мире как следствие сопряженных с их возникновением социальных деформаций и задач борьбы с ними. Курс «Цели в области устойчивого развития» рассматривает особо опасные угрозы и вызовы, знакомит с определениями преступлений против мира, военных преступлений и преступлений против человечества, разъясняет понятие геноцида. Особое внимание уделяется проблематике терроризма и других форм политической, социальной, этнической, расовой, религиозной и другой направленности, получающих все более широкое распространение вследствие нерешенности таких глобальных проблем, как социальное неравенство, бедность, нищета, голод и порожденных ими социальных деформаций. На фоне появившихся опасных иллюзий в отношении возможности уцелеть и победить в глобальном ядерном конфликте разъясняется глобальная угроза всеобщего уничтожения человечества в результате термоядерной войны и ее последствий – радиоактивного заражения, наступления «ядерной зимы», исключая выживание человечества.

Курс «Новый гуманизм в контексте социальной проблематики» раскрывает идею и содержание концепции нового гуманизма, продолжающего в XXI в. благородные традиции просветителей эпохи Возрождения и предлагающего новые принципы мира и взаимопонимания. Не случайно концепция нового гуманизма формировалась в ЮНЕСКО, создание которой сразу после Второй мировой войны происходило на основе записанного в Преамбуле ее Устава положения о том, что «мысли о войне возникают в умах людей, поэтому в сознании людей следует укоренять идею защиты мира»¹. Этот основополагающий принцип ЮНЕСКО

¹ Устав ЮНЕСКО. <https://ru.unesco.org/>

сегодня актуален как никогда прежде на фоне множащихся в современном мире кровавых конфликтов и разрушительных конфронтаций.

Международная магистерская программа «Управление глобальными социальными трансформациями», разработанная в соответствии с призывом ЮНЕСКО создавать образовательные курсы и материалы по программе МОСТ, призвана стать частью всеобъемлющей стратегии ее реализации.

Саямов Ю.Н. Международные отношения и глобальные социальные трансформации. В статье рассматриваются теоретические основы и содержание международной магистерской программы «Управление глобальными социальными трансформациями», разработанной по инициативе кафедры ЮНЕСКО на факультете глобальных процессов МГУ имени М.В. Ломоносова и одобренной Исполнительным советом ЮНЕСКО в мае 2017 г. Анализируются курсы, составляющие программу, предлагаются рекомендации в отношении ее использования в образовательном процессе.

Ключевые слова: международные отношения, глобальные процессы, социальные трансформации, магистерская программа, ЮНЕСКО.

Sayamov Y.N. International relations and global social transformations. The article considers theoretical grounds and contents of the International Master Program “Management of Global Social Transformations” elaborated on the initiative of the UNESCO Chair at the Faculty of Global Processes of the Lomonosov Moscow State University and welcomed by the Executive Board of UNESCO in May 2017. Courses composing the Program are analyzed and recommendations made for its use in the process of education.

Keywords: international relations, global processes, social transformations, master program, UNESCO.

Д.Ю. КУШНИР
*аспирантка Департамента социологии,
истории и философии Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации**

Анализ мультимедийных технологий и их влияние на массовое сознание аудитории

Архибыстрое развитие информационно-коммуникативных систем требует применения методов модельного представления и исследования систем коммуникации и коммуникационных процессов. Модели, сформулированные в ходе анализа социальной коммуникации, разительно отличаются друг от друга. Причина этого научного явления кроется в различных подходах, положенных в основу рассмотрения процесса коммуникации¹.

Быстрые изменения в информационных технологиях и, в частности, стремительное расширение Интернет-коммуникаций и социальных сетей за последние десятилетия выявили важный вопрос, связанный с влиянием средств массовой информации на формирование массового сознания. С самого начала Интернет был межнациональным сообществом с особенностями экстерриториальности². Интернет-коммуникации и мультимедийные технологии преобразовывают структуру средств массовой информации. Децентрализация, открытость и отсутствие временных ориентиров и пространств способствуют потере изначального смысла термином «средства» в понятии «средства массовой информации» (далее – СМИ). Средства само становятся содержанием, а главную роль начинают играть целые мультимедийные системы. Подобный процесс способствует расширению числа пользователей; переводу различных знаний и информации в

* Кушнир Дарья Юрьевна, e-mail: dariyakushnir7@gmail.com

¹ Ореховская Н.А. К вопросу определения понятия «социальная коммуникация» // Социально-гуманитарные знания, 2016, № 2, с. 104-109.

² Ершов Ю.М. Нация-государство и новые медиа: теоретические подходы // Вестник Томского государственного университета. Филология, 2014, № 3(29), с. 174-182.

электронную, ориентированную на Интернет форму; развитие и модернизации программных и технических средств.

Цифровая эра меняет способ потребления медиа, приобретающий более индивидуальный характер. В Интернете существует огромное количество источников новостей. Оно обусловлено характером Интернета как метамедиа с параллельными интерфейсами. Компьютер не обслуживает всех членов домашних хозяйств, но является индивидуальным способом общения. Поскольку пользователи сети распространяются по всему миру, использование Интернета приобретает местный и в то же время глобальный характер.

Россиянин, который долгое время жил в другой стране, на другом конце мира, может в любое время присоединиться к обсуждению региональных проблем России на Facebook, если он интересуется проблемами общества своей страны. Целью создания Интернет-форумов является поддержание социальных контактов. В этой связи Facebook довольно похож на это воображаемое сообщество.

Однако не стоит упускать из вида существование анонимности в случае общения в социальных сетях, что значительно снижает возможность социальных последствий такого общения. Сравнительный анализ традиционных каналов и контента Интернет-коммуникаций убеждает нас в том, что вместо контраста нового и старого необходима схема, элементы которой могут диалектически устранять противоречия предыдущего периода. Таким образом, проблемы в коммуникации, которые существовали между печатными изданиями и телевидением, исчезают в Интернет-изданиях, содержащих в себе как преимущества длинных текстов, так и визуализацию, присущую телевидению. Этим сообщество в сети привлекает новые целевые аудитории. Кроме того новые медиа получили совершенно новые функции, которые не были учтены при создании Интернет-коммуникаций.

Любая информация может быть распространена через СМИ. Мы живем в обществе, где общение стало основополагающим, поскольку оно является не только средством объединения людей, но и элементом, который структурирует общество¹. Сегодня все учреждения являются медиаинститутами, Сеть приходит и упрощает формы взаимодействия

¹ Ореховская Н.А. Массовое сознание как объект информационно-коммуникативных PR-технологий. Монография. М., 2010.

между людьми и медиаструктурирует общество. М. Дьюз подошел к характеристикам медиалогии, обратившись к специализированной области журналистской коммуникации. Он отметил, что интеграция с помощью того, что он назвал «континуумом конвергенции», станет реальностью и способом работы: «рано или поздно все медиаорганизации продвигаются к этапу, на котором интеграция различных частей процесса создания новостей (включая аудио-, видео-, текст, изображения, графику, а также маркетинг, перекрестное продвижение, продажи, перераспределение и взаимодействие с общественностью)»¹.

Эволюция в интеграции не является линейной, поскольку некоторые части медиаорганизаций работают медленнее. Это идея, которая может быть распространена на все общество. Некоторые организации лучше адаптируются, принимая новые технологии, в то время как другие демонстрируют консервативный дух. Есть социальные, экономические и административные заинтересованные стороны, которые хотят стать частью тенденции конвергенции, но не имеют необходимых ресурсов для приобретения услуг и материалов. Это непростая ситуация, которая также проявляется на индивидуальном уровне, потому что новые инструменты и технологии стоят денег.

Интернет-издания развиваются куда стремительнее, чем другие средства массовой информации. Задача каждого Интернет-СМИ заключается в том, чтобы сделать из обычного текста мультимедийную статью, в которой будут как сам текст, так и фотографии, видеоролики, инфографика и т.д. Благодаря таким технологиям совершается переход СМИ в новое качество. Происходит смещение от информирования к коммуницированию. В масс-медиа прочно внедрился интерактив. Кроме того меняется облик издания, усложняется и расширяется его информационная структура.

В наше время мультимедиа играет основополагающую роль в определении облика изданий, их направленности. Современное общество с его потребностями и быстроразвивающимися навыками использования технологий ставит перед Интернет-СМИ следующие задачи:

¹ *Deuze M. Media Work. Cambridge, 2007; Deuze M., Bruns A. and Neuberger C. Preparing for an Age of Participatory News // Journalism Practice, 2007, № 1(2), p. 322-338.*

- разработка и использование новых мультимедийных технологий подачи информации;
- роботизация новостных потоков и первичной аналитической обработки;
- развитие интерактивных способов коммуникации;
- навигация в Интернет-пространстве¹.

Две черты Интернета – интерактивность и гипертекстуальность – продолжают активно развиваться и приобретать новые формы. Издание получает возможность коммуницировать с целевой аудиторией, быстро и своевременно предоставляя информацию и получая обратную связь. В таком случае стремительно развивающиеся технологии позволяют вести диалог в режиме реального времени.

Также мультимедиа позволило размещать в Интернет-изданиях фото- и видеогалереи, аудиозаписи, инфографику и др. Теперь Интернет-СМИ стали не просто горизонтальным набором сервисов, а полноценной интегрированной медиа-системой. Главной задачей журналиста становится превращение обычного текста в мультимедийную систему, включающую в себя различные виды технологий. Это требует от журналиста не только навыков поиска информации, но и умения сочетать различные способы подачи материала, который смог бы повлиять на разные органы человеческих чувств (слух, зрение, осязание и т.д.) и вызвать у читателя определенные эмоции, реакцию.

Технологии развиваются стремительно. И если еще три года назад мультимедийность была востребована Интернет-изданиями не в полной мере (СМИ чаще использовали текстовую форму), то сейчас издатели стремятся активно использовать аудио- и видеоматериалы. На смену объемным аналитическим материалам пришли статьи, в которых органично сосуществовали сжатые информационные заметки и иллюстрации к ним, фотографии, аудиозаписи, видеоролики, инфографика и т.д.

Кроме того широкое распространение получили блоги и порталы, имеющие глубокое проникновение и связь между журналистскими жанрами и гораздо более высокий субъективизм подхода и контента. Будущее принесет еще одно

¹ Давыдов И. Масс-медиа российского интернета. Аналитический доклад. 2000, Русский журнал URL: http://old.russ.ru/politics/20000928_davydov.html (дата обращения 26.02.2018)

важное изменение, поскольку используемые технологии будут все больше интегрироваться. Новые мультимедийные инструменты доступны широкой общественности, и в настоящее время не только журналисты, но и целевая аудитория Интернет-изданий участвует в выпуске новостей либо для традиционных медиаучреждений, либо для тех, кто недавно появился в электронной среде.

Новые технологии также позволяют интенсифицировать процесс наблюдения. Он включает:

- наблюдение за окружающей средой для выявления проблем и нарушителей общественного спокойствия, безопасности;
- использование данных для стимулирования контроля над обществом, установление определенного социального поведения.

Развитие цифровых средств массовой информации связано как со скоростью передачи сигналов и установлением связей между людьми в больших или небольших сообществах, так и с пробуждением конкретных интересов¹. Однако стоит отметить: Интернет сам по себе не является ни плохим, ни хорошим. Новые СМИ также должны быть морально инертны и беспристрастны. На самом деле преимущества мгновенной коммуникации и возможность установления контакта даже на больших расстояниях создают и риски, поскольку тот, кто хочет подорвать социальные ценности и действовать в собственных интересах влияя на сознание своей целевой аудитории, имеет в руках сильный аппарат.

В заключение стоит отметить, что, опираясь на информационные технологии и принимая во внимание то, насколько сильно современные СМИ влияют на массовое сознание, Интернет-издания разрабатывают свою собственную мультимедийную систему, используя быстроразвивающиеся технологии и стараясь изобрести новые концептуальные и содержательные решения, которые смогли бы гармонично сосуществовать и удовлетворять запросы аудитории.

Кушнир Д.Ю. Анализ мультимедийных технологий и их влияние на массовое сознание аудитории. В данной статье рассматривается развитие мультимедийных технологий и их влия-

¹ *Byrne C. Online Ideology: a comparison of website communication and media use // Journal of Computer-Mediated Communication, 2013, № 18, p. 137-153.*

ние на массовое сознание. Актуальность статьи состоит в том, что Интернет продолжает отвоевывать позиции у других средств коммуникации, а современные мультимедийные технологии вносят качественные изменения в облик СМИ и отношение аудитории к предоставляемой информации.

Ключевые слова: мультимедийные технологии, информационные технологии, интернет-коммуникации, средства массовой информации, массовое сознание, целевая аудитория.

Kushnir D.Y. Analysis of Multimedia Technologies and their Impact on Mass Consciousness of the Audience. This article considers the development of multimedia technologies and their impact on mass consciousness. This topic is extremely relevant not only because the Internet continues to win positions from other sources of communication, but also because modern multimedia technologies make qualitative changes in the image of the media and the attitude of the audience to the provided information.

Keywords: multimedia technologies, information technologies, Internet communications, mass media, mass consciousness, target audience.

Г.Р. БАЙТУРИНА
аспирант кафедры философии,
социологии и политологии Института
инновационных технологий и государственного
управления Московского технологического
университета*

Трансформация веберовской концепции бюрократии в моделях Р. Мертона и А. Гоулднера

Бюрократия как социальная структура имеет сложную и противоречивую природу. Если в повседневной жизни распространено обыденное (негативное) понимание термина «бюрократия», то основоположник теории бюрократии Макс Вебер (1864-1920) полагал, что бюрократия – единственно возможная эффективная конструкция любой социальной организации с любым типом управления во всех политических системах. Это – идеальная рациональная организация¹, форма осуществления власти, отличающаяся стабильностью, предсказуемостью, дисциплиной, способная достичь наивысшей степени административной эффективности.

С течением времени происходила трансформация содержания и смысла термина «бюрократия», понимания соотношения функций бюрократии и государственной власти. Однако классическая веберовская теория бюрократии заняла центральное место в теориях государственного и организационного управления.

Согласно М. Веберу у всех современных административных систем есть общие черты, присущие бюрократии, которая является следствием процесса интеграции и рационализации коллективной деятельности, общества и культуры и способна влиять на все сферы социальной

* Байтурина Гулия Рифкатовна, e-mail: baiturina@gmail.com

¹ Лазукова Е.А. Категории «госслужащие», «чиновничество» и «бюрократия» // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки, 2013, № 18(45), с. 54.

жизни. Среди основных признаков бюрократии, которые описывал М. Вебер, можно выделить следующие:

- внедрение принципа строгой иерархии с предоставлением полномочий и необходимого инструментария управления для осуществления отдельных функций, делегирование ответственности, а также письменная регламентация властной воли вышестоящей системы и определение компетенций каждого из бюрократических уровней;

- следование принципу должностной субординации и разделению обязанностей по направлениям деятельности как основы иерархической организации бюрократической структуры с целью эффективного выполнения задач организации;

- формально установленная единая система процессов управления внутриорганизационной деятельностью, включающая в себя комплекс норм и принципов, административных процедур и операций, предопределяющих права и обязанности функционеров, строгий порядок и подотчетность в организации, ограничивающие возможное своеволие руководителя в его управленческой деятельности;

- отсутствие фаворитизма в служебных взаимоотношениях, безличность и эмоциональная нейтральность административной деятельности, а также конкурентная основа при подборе и расстановке кадров в зависимости от профессиональной квалификации и объема социальной власти;

- принцип господства профессионализма над некомпетентностью, норм над произволом, а объективности над субъективностью¹.

Перечисленные выше характеристики бюрократии, по мнению М. Вебера, выступают обязательным требованием эффективности трансформации задач политического характера в целерациональные формы и способы управления.

Решающим признаком бюрократического управления, в отличие от традиционного господства, по Веберу, стало то, что подчинение теперь основано не на преданности личности правителя, а на служебном и нравственном долге. Раньше властитель действовал через приближенных и доверенных лиц и их полномочия не были строго регламентированы, а определялись при исполнении каждого отдель-

¹ Гудков А., Левада Ю., Лаверсон Ф., Седов Л. Бюрократизм и бюрократия: необходимость уточнений // Государство и право, 2004, № 1, с. 43.

ного поручения. В современном мире власть не обожествляется, компетенции строго определены посредством формально установленных норм, а легитимность господства закрепляется законодательными нормами и выражается в четко сформулированных инструкциях и правилах.

Принцип личной преданности был характерен для традиционного и харизматического типов власти. Усиление бюрократии произошло в период существования абсолютной монархии с мощным бюрократическим аппаратом в виде королевской власти и церкви. Наконец, на смену персонифицированной власти суверена приходит легальный и рациональный тип власти, построенной на основе иерархии и системе назначений, где нижестоящие на социальной лестнице не испытывают священного трепета перед теми, кто стоит выше и обладает большей социальной властью.

Формируется новый, наиболее совершенный, по Веберу, рационально-бюрократический тип власти, когда члены корпоративной группы подчиняются не власти индивидуума, но власти безличного порядка¹. Таким образом, М. Вебер рассматривает исключительно позитивно стандартизацию управления, при которой для осуществления власти необходимы соблюдение определенных правил и повиновения, наличие специально подготовленных кадров и соподчиненность субъектов управления². Теоретическая модель рациональной бюрократии М. Вебера подверглась серьезной критике со стороны ряда его последователей, которые уделили особое внимание анализу функций и структур бюрократической организации в условиях капитализма.

Один из них – создатель метода структурно-функционального анализа Роберт Кинг Мертон (1910-2003). Он не ставит под сомнение обоснованность идеального типа бюрократии М. Вебера, однако указывает на то, что имеет место определенное несоответствие основных положений веберовской теории и реальной управленческой практики. Р. Мертон не согласен с наметившейся в классической социологии тенденцией ограничивать анализ установленным позитивного вклада бюрократической структуры в

¹ Weber M. The Theory of Social and Economic Organization. Illinois, 1947, p. 330.

² Вебер М. Бюрократия // Классики теории государственного управления: американская школа / Под ред. Дж. Шафритца, А. Хайда. М., 2003, с. 56-57.

социальную жизнь. Он корректирует концепцию Вебера в том смысле, что у деятельности бюрократической структуры могут быть как функциональные, так и негативно влияющие на стабильность общества – дисфункциональные последствия. Исследователь указывает на ситуации, когда структурно сформированное поведение чиновника на самом деле не способствует достижению целей организации. Например, чиновники видят положительные стороны пребывания в должности: стабильность, возрастающая зарплата, регулярное продвижение по службе. Поэтому у них имеется стремление сохранить своё место, а чувство общей судьбы, командный дух только поддерживают стремление защищать существующее положение дел. В результате их собственные интересы объективно главенствуют над интересами клиентов и высшего руководства; налицо проявления консерватизма и формализма в работе¹. Средства достижения организационных целей превращаются в самоцель, главные цели замещаются побочными, а рациональные – иррациональными. Следование бюрократическим правилам приводит к утрате работниками объективности, творческого и интеллектуального потенциала, самостоятельного мышления.

Р. Мертон предлагает разграничивать ситуации, когда субъективно предусматриваемая цель совпадает с объективным результатом², и случаями их расхождения. И, соответственно, разделять явные и латентные функции, уделяя преимущественное внимание последним: выявлению процессов, находящихся за пределами непосредственного внешнего наблюдения.

Последователем М. Вебера и Р. Мертона, переосмыслившим их взгляды на бюрократию под несколько иным углом, в 50-е гг. XX в. был Алвин Уорд Гоулднер (1920-1980). В этот период он являлся сторонником структурно-функционального анализа (позже, в 60-70-е гг., он выступит с резкой критикой этого направления).

¹ *Мартьянова Н.А.* Влияние бюрократической структуры на формирование личности в социологической концепции Роберта К. Мертона. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-byurokraticheskoy-struktury-na-formirovanie-lichnosti-v-sotsiologicheskoy-kontseptsii-roberta-k-mertona> (дата обращения 13.03.2018)

² *Мертон Р.* Социальная теория и социальная структура. М., 2006, с. 146.

Вслед за Р. Мертоном А. Гоулднер анализирует последствия применения бюрократических правил, ориентированных на поддержание стабильности организационной структуры и осуществление контроля за деятельностью сотрудников организации. Правила и техники контроля изначально имеют благую цель уменьшения или устранения напряженности, свойственной отношениям подчинения и контроля. Однако попытка повысить мотивацию сотрудников путем жесткого контроля над соблюдением правил часто приводит к непредвиденному обратному результату – росту разногласий, увеличению напряженности, нарушению равновесия в организации в целом¹. А. Гоулднер не отрицает эффективности власти бюрократии в противовес альтернативным формам управления, но подчеркивает, что в современных условиях классическую модель бюрократии необходимо существенно модернизировать, уделяя значительное внимание дисфункциональным последствиям данной формы управления.

Таким образом, можно заключить, что критический анализ веберовской теории бюрократии Р. Мертоном и А. Гоулднером с позиций структурно-функционального анализа позволил избежать ее абсолютизации как универсального образца и представить феномен бюрократии более глубоко и всесторонне, выявить плюсы и минусы бюрократической организации. Использование указанных выводов структурно-функционального анализа на практике позволит повысить эффективность ее деятельности.

Байтурина Г.Р. Трансформация веберовской концепции бюрократии в моделях Р. Мертона и А. Гоулднера. В статье рассмотрены особенности теории бюрократии М. Вебера и ее критический анализ Р. Мертоном и А. Гоулднером. Сделан вывод, что этот анализ позволяет более глубоко и всесторонне охарактеризовать феномен бюрократии, определять пути повышения эффективности бюрократической деятельности.

Ключевые слова: теория бюрократии, наука управления, структурный функционализм, целерациональное действие, иерархия, эффективность управления.

¹ Трактовка бюрократии А. Гоулднером URL: <http://portal-u.ru/gg/guk/item/1583-traktovka-byurokratii-a-gouldnerom> (дата обращения 09.03.2018)

Bayturina G.R. Transformation of Weber bureaucracy concept in the models of R. Merton and A. Gouldner. The article deals with the peculiarities of the M. Weber theory of bureaucracy and its critical analysis by R. Merton and A. Gouldner. It is concluded that this analysis allows to characterize the phenomenon of bureaucracy more deeply and comprehensively, to define ways of increase of efficiency of bureaucratic activity.

Keywords: the theory of bureaucracy, the science of management, structural functionalism, rational action, hierarchy, management efficiency.

Р.А. БАЛДАНОВА
*аспирант кафедры политологии Востока
ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова*

Политические и правовые особенности въезда и выезда в КНР

В современном мире миграционное законодательство – важный инструмент, регулирующий миграционные отношения, и элемент системы государственной безопасности. Китай в силу своей исторической специфики никогда не был иммиграционной страной, но в последние десятилетия реформ и открытости активно разрабатывает и совершенствует миграционное законодательство. На сегодняшний день миграционное законодательство КНР представлено Конституцией КНР, Законом КНР «О гражданстве КНР»¹, Законом КНР «Об управлении въездом и выездом». Следует отметить, что регулирование миграционной сферы помимо законов осуществляется на уровне подзаконных актов правотворчества, принимаемых органами Госсовета. В их перечень входят «Правила выдачи вида на постоянное жительство иностранцам в КНР», «Правила прописки КНР» и др. Наша задача рассмотреть, как Закон КНР «Об управлении въездом и выездом» реализуется, какие возникают проблемы и каковы политические последствия его реализации для китайского общества.

Закон КНР «Об управлении въездом и выездом» был принят 30 июня 2012 г. и вступил в силу 1 июля 2013 г. Данный закон устанавливает общие правила въезда в КНР и выезда из КНР граждан Китая, иностранных граждан, правила оформления виз для иностранных граждан, правила

* Балданова Раджана Александровна, e-mail: radzhana1603@mail.ru

¹ Zhonghua renmin gongheguo guojifa. (Закон КНР «О гражданстве КНР» от 10.09.1980 г.) // Zhongyang zhengfu wangzhan. URL: http://www.gov.cn/ban-shi/2005-05/25/content_843.htm (дата обращения: 24.05.2017 г.)

пребывания, проживания и постоянного проживания иностранных граждан на территории КНР, правила проведения проверок нарушений иммиграционного законодательства и депортации иностранных граждан-правонарушителей. Мы предлагаем рассмотреть содержание гл. 3 «Въезд и выезд иностранных граждан» и гл. 4 «Пребывание и проживание иностранных граждан на территории Китая» этого закона, а затем рассмотреть его действие на практике.

Глава «Въезд и выезд иностранных граждан» состоит из двух параграфов – «визы» и «въезд и выезд». После образования КНР (1949 г.) правительство начало устанавливать визовый режим. В это время правительство КНР при формировании миграционной политики руководствовалось такими целями, как построение коммунизма, утверждение лидирующих позиций в развивающихся странах. Поэтому в период до 1980 г. правительство жестко контролировало процесс выезда из страны. Тех, кто пытался эмигрировать из Китая, называли «pantaozhe»¹. В данных исторических и политических условиях постановления о сроке действия визы для иностранцев, правила пересечения границы, а также цели приезда имели определенные ограничения. На момент, когда в 1964 г. Государственный совет опубликовал положения, регулирующие туризм, проживание, въезд и выезд иностранных граждан, число въезжающих и проживающих иностранцев было невелико². Но по мере расширения политики реформ и открытости международные отношения продолжали активно развиваться, число въезжающих и выезжающих иностранцев все увеличивалось, вследствие чего возникла необходимость срочно пересмотреть систему въезда и выезда иностранцев³. В 1985 г. был принят Закон (ныне действующий Закон 2012 г.), регулирующий въезд и выезд иностранцев. Иностранцы, въезжающие в Китай, должны были подавать заявление на оформление визы в дипломатическое представительство, консульское учреждение или в другое уполномоченное МИД заграничное учреждение. Иностранец может быть освобожден от оформления визы, если он следует по транзитному билету международным рейсом через

¹ Пантаоджэ (кит. «pàntáo zhě») – предатели, дезертиры.

² *Xin Chuning, Huan Wey. Zhonghua renmin gongheguo churujing guanlifa jiedu* (Анализ Закона КНР «Об управлении въездом и выездом» от 30.06.2012 г.). Peking, 2012.

³ *Liu Guofu. Chinese Immigration Law*. Burlington, 2010.

территорию КНР в другое государство, при этом период его пребывания на территории КНР не превышает 24 часов без выхода из пункта пропусков¹.

В КНР существуют четыре типа виз: дипломатические визы, визы вежливости, служебные визы и обыкновенные визы. Дипломатические и служебные визы выдаются иностранным гражданам, въезжающим по дипломатическим или служебным основаниям. Виза вежливости выдается иностранным гражданам, которым необходимо оказать прием в силу особенностей их правового положения. Иностранным гражданам, въезжающим в связи с работой, учебой, посещением родственников, туризмом, коммерческой деятельностью, привлечением специалистов, выдается обыкновенная виза соответствующей категории. Визовые органы выдают визы соответствующей категории опираясь на законодательство, а также исходя из статуса, цели приезда, категории паспорта иностранца.

Глава «Пребывание и проживание иностранных граждан на территории Китая» включает в себя два раздела – «временное пребывание» и «постоянное проживание». В данном законе пребывание и проживание разграничиваются на основании различий в документах на въезд и выезд, продолжительности срока пребывания. В соответствии с целью поездки иностранного гражданина определяется, к какой категории он будет причислен – временное пребывание либо постоянное проживание. Эти правила распространяются на определенные визовые категории. Согласно положениям закона период в течение 180 дней является временным критерием определения принадлежности к категории постоянного проживания либо временного пребывания².

В ст. 30 говорится, что минимальный срок проживания иностранного гражданина в связи с работой – 90 дней, максимальный – 5 лет. Минимальный срок проживания иностранца

¹ Bork-Hüffer, *Tabea and Yuan Yuan-Ihle*. The Management of Foreigners in China: Changes to the Migration Law and Regulations during the Late Hu-Wen and Early Xi-Li Eras and Their Potential Effects // *International Journal of China Studies*, 2014, № 5(3), p. 571-597.

² Zhonghua renmin gongheguo churujing guanli tiaoli (Положение «Об управлении въездом и выездом иностранных граждан») // *Zhongyang zhengfu wangzhan*. URL:http://www.gov.cn/zwggk/2013-07/22/content_2452453.htm (дата обращения: 12.06.2017 г.)

ранного гражданина с визой других видов¹ – 180 дней, максимальный – 5 лет. Временное пребывание в течение 180 дней в общемировой практике считается относительно продолжительным сроком. Большинство стран использует 90 дней как самый длительный срок пребывания для краткосрочных виз. Что касается реальной практики Китая, то находящиеся за рубежом визовые органы в основном выдают визы сроком менее чем на 90 дней, визы сроком свыше 90 дней выдаются довольно редко. Виза со сроком пребывания 180 дней предназначена для удобства этнических китайцев с иностранным гражданством при возвращении на родину, визитах родственников, по работе, а также при привлечении иностранных высококлассных кадров для содействия экономическому и социальному развитию Китая.

Иностранцы, которые нуждаются в продлении срока, указанного в визе, могут подать заявление на продление срока действия визы. При необходимости продлить срок пребывания заявление подается за 7 дней до окончания срока пребывания, указанного в визе. В случае отказа в продлении визы иностранный гражданин обязан в срок выехать за границу. Решение об отказе в продлении обыкновенной визы, вынесенное отделом управления въездом и выездом органа общественной безопасности, является окончательным, поэтому нельзя подать заявление на пересмотр административных действий в случае несогласия с вынесенным решением или подать административный иск. Чтобы предотвратить попытки иностранных граждан увеличить срок пребывания через многократное продление, ст. 29 Закона постановляет, что «продление срока пребывания по визе не может в общей сложности превышать общий срок пребывания, указанный в визе». Таким образом, если иностранец обладает визой сроком на 90 дней, он может продлить срок пребывания самое большее на 90 дней, длительность пребывания будет $90+90=180$ дней, а после истечения данного срока иностранцу необходимо покинуть страну.

Мы предлагаем рассмотреть положения действующих законов на примере туристической визы, так как данная визовая категория является самой распространенной. Автор настоя-

¹ Документы на проживание в связи с учебой, для журналистов, в связи с воссоединением с семьей или по личным основаниям (ст. 15 Закона КНР «Об управлении въездом и выездом»).

щего исследования прибыла в Китай, провинцию Гуандун, г. Гуанчжоу по туристической однократной визе сроком на 30 дней. С целью получения эмпирического материала для данной статьи автор намеренно просрочила визу и обратилась в отделение миграционной полиции. В соответствии со ст. 29 Закона КНР «Об управлении въездом и выездом» для продления действия визы необходимо обратиться в отдел управления въездом и выездом полиции за 7 дней до окончания срока пребывания¹. Разрешение на продление срока пребывания выдается в случае признания причин подачи заявления обоснованными и подтвержденными после проведения проверки. При обращении в миграционное отделение г. Гуанчжоу за консультацией выяснилось, что для подачи документов на продление необходимо предоставить документ, подтверждающий регистрацию. В положении «Об управлении въездом и выездом иностранных граждан» о регистрации не упоминается. Однако в правилах продления визы отдела управления въездом и выездом органа общественной безопасности г. Гуанчжоу есть пункт о необходимости регистрации иностранного гражданина.

Что такое временная регистрация? В соответствии с Законом КНР «Об управлении въездом и выездом» иностранный гражданин при поселении или проживании в другом месте помимо гостиницы обязан в течение 24 часов оформить регистрацию в органе общественной безопасности по месту нахождения. По сути для держателей туристической визы регистрация необходима только в случае подачи заявления на продление визы. На практике же наличие регистрации у туристов никак не отслеживается. Иностранец может сделать временную регистрацию по месту жительства в отделе полиции. Документы, необходимые для подачи заявления – виза, бронь отеля или договор аренды квартиры.

Для сравнения мы обратились в два полицейских участка. В участке, назовем его А, оказалось необходимым личное присутствие арендатора жилья на момент подачи документов. В правилах данного участка красным выделен пункт: иностранец, делающий регистрацию в первый раз, должен прийти вместе с владельцем квартиры. Если владелец не

¹ Zhonghua renmin gongheguo churujing guanlifa (Закон КНР «Об управлении въездом и выездом» от 30.06.2012 г.) // Zhongyang zhengfu wangzhan. URL: http://www.gov.cn/flfg/2012-06/30/content_2174944.htm (дата обращения: 12.06.2017 г.)

может прийти, то доверенное лицо должно прийти с документами хозяина (оригиналом и копиями). В нашем случае после длительных переговоров они согласились ограничиться копиями документов хозяина квартиры, но потребовали сделать проверку места жительства. Проверка носила формальный характер: начальник полиции приехал не на служебном, а на личном автомобиле в сопровождении двух сотрудников. Основная цель проверки – установить факт проживания человека, подавшего заявление на продление визы, в данной квартире. Но в действительности это проверить практически невозможно. Равным образом можно пригласить сотрудников полиции в квартиру друга, который дал возможность сделать временную регистрацию, предоставив контракт аренды жилья и копии документов владельца квартиры. Формальность процедуры заключалась в небрежном фотоотчете на личный телефон сотрудника полиции. В участке Б, куда мы обращались ранее для оформления регистрации, личное присутствие владельца квартиры и копии его личных документов не требовались. Но процедура регистрации оформлялась в течение трех календарных дней.

В отделе управления въездом и выездом органа общественной безопасности г. Гуанчжоу наше заявление на продление визы было принято только после получения регистрации. Нам удалось договориться, чтобы виза вместо семи календарных дней была готова уже через три дня.

Представляется возможным сделать следующие выводы. В Китае еще нет специального органа, занимающегося исключительно проблемами мигрантов. Задачи неравномерно распределены между многочисленными государственными структурами, действия которых не систематизированы и не скоординированы. В каждой провинции действует своя миграционная политика, регулируемая актами правотворчества, принимаемыми местными органами власти и в основном направленными на регулирование вопросов социально-экономического развития региона. Например, даже полицейские участки имеют собственный регламент процедуры регистрации иностранных граждан: в положении «Об управлении въездом и выездом иностранных граждан» регистрация не упоминается, но она необходима согласно правилам миграционной полиции г. Гуанчжоу. В системе очень много изъянов, которые можно легко обойти. Так как нормативно-правовая база миграционной политики Китая нахо-

дится на стадии становления, многие процедуры зачастую носят формальный характер.

Во время исследования мы обращались в разные государственные инстанции за получением информации. Нельзя не отметить моменты, характеризующие особенности китайской бюрократии. Сотрудники довольно хорошо знают содержание законов, но складывается впечатление, что они боятся брать на себя ответственность за решение проблем, выходящих за рамки регламента. Также нельзя не отметить тот факт, что все деловые переписки и звонки осуществляются через личные мобильные телефоны чиновников в мессенджере «вчат»¹.

Рассматриваемый закон дает представление об основных приоритетах миграционной политики Китая это: борьба с нелегальной миграцией, нелегальным проживанием и нелегальным пребыванием иностранных граждан. Однако для более глубокого понимания реальной ситуации в сфере миграционного регулирования необходимо анализировать сопутствующие подзаконные нормативные правовые акты и местные акты правотворчества.

Балданова Р.А. Политические и правовые особенности въезда и выезда в КНР. Статья посвящена действующему Закону КНР «Об управлении въездом и выездом». Анализ правоприменительной практики помогает более точно определить современное состояние миграционной политики Китая и ее политико-правовые последствия.

Ключевые слова: Закон КНР «Об управлении въездом и выездом», визовый режим КНР, миграционная политика КНР, миграционное законодательство КНР, нелегальная миграция.

Baldanova R.A. Political and legal features of entry and exit in the PRC. The article is devoted to the current Exit-Entry Administration Law of the People's Republic of China. Analysis of law enforcement practice helps to more accurately determine the current state of China's migration policy and its political and legal consequences.

Keywords: Exit-Entry Administration Law of the People's Republic of China, the visa regime of the PRC, the migration policy of the PRC, the migration legislation of the PRC, the illegal migration.

¹ WeChat (кит. *Wēixin*, дословно «микрообщение») – мобильная коммуникационная система для передачи текстовых и голосовых сообщений.

И.Д. ВАН
*аспирант Института монголоведения,
буддологии и тибетологии
Бурятского научного центра СО РАН**

Закредитованность населения как один из показателей социально-экономического развития Республики Бурятия

Социально-экономические преобразования в стране и кризисные явления, характерные для последних лет, серьезно повлияли на уровень и качество жизни как отдельных граждан, так и социальных групп. Углубление дифференциации населения по доходам, рост цен и тарифов на услуги, безработица, увеличение числа бедных граждан ведут не только к миграционным настроениям и негативному социальному самочувствию, сокращению рождаемости и повышению смертности, но также и к более частому обращению населения в банки и микрофинансовые организации за кредитами и займами с надеждой улучшить свое финансовое положение.

Уровень и качество жизни населения отражает множество показателей – среднедушевые доходы, уровень заработной платы, уровень безработицы, уровень занятости, рождаемость и смертность, миграционные процессы. Сравнительно недавно стали использовать и еще один из показателей для характеристики субъектов РФ – закредитованность населения.

«Закредитованность – это высокая долговая нагрузка заемщика денежных средств. Понятие закредитованности считается относительным и рассчитывается в зависимости от того, какую часть доходов приходится отдавать заемщику в банк на выплату кредитов»¹.

* Ван Ирина Доржиевна, e-mail:

¹ Закредитованность, 2017 г. URL: <http://lentakreditov.ru/glossary/zakreditovannost> (дата обращения: 30.01.2018).

В настоящее время приходится смириться с тем, что кредиты стали нашей повседневностью, необходимостью и неизбежностью. «На заемные деньги живут свыше 45 миллионов россиян – более половины работающего населения страны, причем около 8 миллионов граждан не справляются с платежами. Однако банки продолжают выдавать кредиты. При этом более половины полученных населением новых кредитов идет на полное или частичное погашение старых кредитов»¹.

Как правило, основными мотивами для получения кредита являются различные потребности граждан – от желания купить элементарные вещи для удовлетворения физиологических потребностей в пище, одежде, жилье, а также поправить здоровье до стремления иметь современные гаджеты, недвижимость (транспорт, квартира, дом и др.) либо как средство пользования, передвижения и проживания, либо как предмет роскоши и богатства.

Определенное значение имеет и отсутствие финансовой грамотности у граждан. Известная аксиома о том, что если потребности высокие, а доходы низкие, то брать кредит нежелательно и нецелесообразно, иначе можно оказаться в долговой яме, как показывает практика, не является сдерживающим фактором. Несмотря на очевидную невыгодность кредитов многие граждане решаются на этот отчаянный шаг.

Ситуация усугубляется деятельностью микрофинансовых организаций, где просроченная задолженность даже небольшой суммы грозит огромными штрафными санкциями. Население оказывается практически в долговой кабале, что значительно ухудшает качество жизни. О финансовой безграмотности некоторых слоев населения говорит и деятельность финансовых пирамид, псевдоинвестиционных проектов, и опыт долевого строительства многоквартирных домов. Зачастую недобросовестные застройщики, получив денежные средства от дольщиков, так и не доводят строительство до конца. А обманутые дольщики, получив кредитные средства для долевого строительства и передав их застройщику, так и не дожидаются своих заветных квадратов, исправно оплачивая ежемесячные

¹ Петрова Е. Россия: жизнь в кредит, или россияне ставят долговые рекорды // Россия сегодня. Иносми.ру, 2017 г. URL: <http://inosmi.ru/social/20171009/240469819.html> (дата обращения: 30.01.2018).

платежи по кредитам. На сегодняшний день в Бурятии насчитывается около 40 тыс. таких покупателей жилья¹.

По мнению ряда исследователей, «главной причиной закредитованности населения является их (кредитов. – *И.В.*) легкая доступность и буквально навязывающая политика коммерческих банков. Кредитование, особенно на фоне высоких процентных ставок на кредит, как в России, не нацелено на повышение благосостояния общества в целом, а лишь дополняет существующий механизм неравенства в распределении доходов»².

Иными словами, при существующей дифференциации населения по доходам, когда их значительная часть уходит на потребительские расходы, закредитованность лишь отражает общую картину неравенства и структуру заемщиков. По количеству кредитов населения и их суммам, а также социальному статусу заемщиков можно сделать вывод о характере стратификационных процессов, которые происходят в конкретном регионе РФ. Чем сложнее социально-экономическое положение в регионе, тем больше кредитов у населения, причем у той его части, которая является наименее обеспеченной и платежеспособной. В благополучных и богатых регионах уровень закредитованности населения ниже.

По данным РАНХиГС, у 2 млн. человек, взявших в банке кредит, сумма доходов меньше ежемесячного платежа по долгу, 4,7 млн. человек должны отдавать банку от 50% до 75% всего заработка³.

По данным Общественной палаты РФ, в антирейтинге регионов по уровню закредитованности населения на февраль 2017 г. лидируют Республика Бурятия, Сахалинская область и Ханты-Мансийский автономный округ – Югра⁴.

¹ Обманутые дольщики из Улан-Удэ сами достраивают дом, в котором купили квартиры // Информ-Полис, 2017 г. URL: <https://www.inf-pol.ru/news/society/132735-obmanutyedolshchiki-iz-ulan-ude-sami-dostraivayut-dom-v-kotorom-kupili-kvartiry/> (дата обращения: 31.01.2018).

² *Либенсон И.Р., Дейч О.И., Кузнецова О.Н.* Проблема закредитованности населения – в неравенстве по доходам // Закредитованность населения регионов Российской Федерации. Материалы Международной научно-практической конференции. Элиста, 2017.

³ Закредитованность населения РФ. Актуальные данные // Информационный центр Aftershock, 2017 г. URL: <https://aftershock.news/?q=node/585673> (дата обращения: 30.01.2018).

⁴ Доклад ОП РФ о состоянии гражданского общества за 2017 год. URL: <https://www.oprf.ru/press/news/2017/newsitem/38864> (дата обращения: 30.01.2018).

Причем в данном рейтинге учитываются долги населения перед банками свыше 500 тыс. руб. на человека, которые не выплачиваются более трех месяцев подряд.

Названные регионы отнюдь не богатые, скорее наоборот. Так, Республика Бурятия в 2015 г. занимала 68-е место в рейтинге субъектов РФ по ВРП на душу населения, 75-е место по уровню безработицы, 79-е место по уровню занятости населения и 4-е место по числу зарегистрированных преступлений на 10000 человек населения. Одной из существенных экономических проблем республики является низкий уровень среднедушевых доходов, который в 2016 г. составил 25165 руб. в месяц (45-е место в России), и если учесть, что в многодетной семье только один родитель работает, то на каждого члена семьи приходится в среднем по 5000-6000 руб., т. е. даже ниже уровня прожиточного минимума. Ситуация значительно усугубляется в неполных семьях, количество которых растет с каждым годом. В 2016 г. 18,3% всего населения республики имели денежные доходы ниже прожиточного минимума, в то время как величина прожиточного минимума за IV квартал была установлена в Бурятии на уровне 9247 руб. Потребительские расходы на душу населения составили 18835 руб. в месяц¹.

Несмотря на тот факт, что среднедушевой доход населения выше величины средних потребительских расходов в статистических данных не учитываются сведения о величине возможных выплат по кредитам, поскольку после ежемесячных кредитных платежей у людей денежных средств остается гораздо меньше величины средних потребительских расходов, а то и меньше величины прожиточного минимума. Нередки ситуации, когда население берет новые кредиты не на текущие нужды, а для погашения старых кредитов. Появился даже термин «мультизаемщик», который обозначает человека, имеющего сразу несколько кредитов и частью нового кредита выплачивающего старый. Число таких заемщиков растет по всей стране.

Повышение долговой нагрузки населения негативно влияет и на экономику в целом. Резко сокращается покупательская способность граждан, возрастает доля населения,

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели: Стат. сб. М., 2016.

которая может позволить себе приобретение только продуктов питания. Для наглядности приведем примеры по доходам населения республики (см. табл. 1) и структуре их использования (см. табл. 2).

Таблица 1

**Структура денежных доходов населения
Республики Бурятия (в % от общего объема денежных
доходов)¹**

Виды доходов	2005	2016
Доходы от предпринимательской деятельности	11,6	13,4
Оплата труда	40,6	31,8
Социальные выплаты	13,5	19,5
Доходы от собственности	1,6	2,3
Другие доходы (включая «скрытые», от продажи валюты, денежные переводы и пр.)	32,7	33,0

Таблица 2

**Структура использования денежных доходов населения
Республики Бурятия (в % от общего объема денежных
доходов)²**

Виды доходов	2005	2016
Покупка товаров и оплата услуг	65,1	74,9
Обязательные платежи и разнообразные взносы	9,9	10,3
Приобретение недвижимости	0,3	1,3
Прирост финансовых активов	24,7	13,5
из него прирост (уменьшение) денег у населения	1,5	- 1,4

Как видно из табл. 1, основной источник доходов – заработная плата людей, за последние 10 лет она сократилась на 8,8% в общей сумме доходов. Увеличилась доля населения, которая «живет» за счет различных социальных выплат. «Себестоимость» жизни дорожает с каждым годом.

¹ Составлено по: Регионы России. Основные характеристики субъектов РФ. М., 2017 [Электронный ресурс]. URL: www.gks.ru (дата обращения 31.01.2018)

² Там же.

Согласно табл. 2, «львиную» долю доходов (74,9%) население тратит на покупку товаров и услуг, повысились и обязательные платежи (услуги сферы ЖКХ). Такой показатель, как прирост финансовых активов, уменьшился на 11,2%, из него прирост денежных средств показал отрицательное значение.

Показатели структуры потребительских расходов являются одними из важнейших характеристик потребительского поведения населения. К наиболее значимым в структуре потребительских расходов относятся расходы на покупку продуктов питания. Этот показатель характеризует следующую закономерность: чем меньше денежных средств тратит семья на питание, тем выше уровень ее благосостояния. Для развитых стран он составляет порядка 15%¹.

Доля расходов на питание в структуре потребительских расходов в 2016 г. по России составила 35,5%, по СФО – 35,0%, по Бурятии – 40,8%². Достаточно большой процент расходов населения на питание в Бурятии (самый высокий в СФО и один из самых высоких в РФ) объясняется невысоким уровнем дохода и качества жизни населения, сохранением рынка «работающих бедных» (та категория населения, которая работает, но получает за свой труд слишком мало, чтобы обеспечить даже элементарные жизненные потребности).

Возможно, поэтому в республике все еще сохраняется отрицательное сальдо миграции, преимущественно трудовой (см. табл. 3). Отсутствие работы, стремление улучшить свое материальное положение, поиски перспектив служебного и карьерного роста служат главными причинами трудовой миграции населения. Уезжает из региона наиболее перспективная часть населения – молодые высококвалифицированные кадры, специалисты с достаточно высоким уровнем образования. Переселяются, как правило, в более благополучные регионы, прежде всего в Центральный федеральный округ и соседнюю Иркутскую область. «За 2015 год из общего числа уехавших из Бурятии трудоспособные составили 84% мигрантов, дети – 11% и пожилые только 5%. При этом каждый второй имел высшее или

¹ Черкашнев Э.Ю., Дорожкина Н.И., Федорова А.Ю. Показатели, характеризующие структуру денежных доходов и расходов населения в Тамбовской области // Социально-экономические явления и процессы, 2014, №2, с. 153-157.

² Регионы России. Социально-экономические показатели.

среднее профессиональное образование. Число уехавших с высшим образованием превысило число приехавших на 1221 человек»¹.

Таблица 3

Коэффициент миграционного прироста на 10000 человек²

Регион	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015
ЦФО	101	74	56	62	60	56	57
СФО	-41	-18	1	-4	-8	-4	-5
Бурятия	-26	-24	-45	-47	-37	-13	-20

Наряду с миграцией для республики характерно постепенное старение населения. В общей численности населения республики доля пенсионеров составляет практически четверть (266,4 на каждую тысячу человек). Средний размер назначенных пенсий в Бурятии в 2016 г. составил 16604 руб. (58-е место в рейтинге регионов), что значительно ниже величины средних потребительских расходов³.

Негативные тенденции в социально-экономической сфере Республики Бурятия, в том числе закредитованность населения, в основном объясняются действием макроэкономических и субъективных факторов.

К макроэкономическим можно отнести недостаточность развития экономики; недофинансирование развития сельского хозяйства; низкий уровень заработной платы и социальных выплат, не соответствующих реальной «стоимости» жизни; депрессивный рынок труда, когда сохраняется слой «работающих бедных». Эти факторы заметно влияют на углубление социального неравенства и рост доли бедных в общей численности населения, которые, пытаясь улучшить свое финансовое положение, берут различного рода кредиты и займы.

¹ Кризис в Бурятии привёл к безработице, а за ней – преступности и миграции, 2017 г. URL: <https://www.baikal-daily.ru/news/15/221133/> (дата обращения: 01.02.2018).

² Составлено по: Регионы России. Основные характеристики субъектов РФ. М., 2016 [Электронный ресурс]. URL: www.gks.ru (дата обращения 31.01.2018)

³ Регионы России. Социально-экономические показатели...

К субъективным причинам, на взгляд автора, относится финансовая безграмотность населения. Экономические последствия низкой финансовой грамотности населения выражаются в росте числа финансовых злоупотреблений, в закредитованности населения. Во многих странах повышение финансовой грамотности является одной из важных задач государственной экономической и социальной политики. Повышение своей финансовой грамотности помогло бы населению ориентироваться в вопросах кредитования, сбережения, подавило бы инертный иждивенческий настрой слоя безработных. Это могло бы стать одним из факторов решения многих социально-экономических проблем.

Решение проблем социально-экономического развития республики, как и всего региона Восточной Сибири является актуальным и приоритетным для всей страны. Необходима, прежде всего, консолидация федерального центра, в том числе принятие законодательных актов в отношении развития региона, чтобы учитывались мнение и опыт местной власти. По мнению автора, такие меры, как повышение уровня социально-экономического развития региона, субсидирование сельского хозяйства, создание благоприятных условий для развития предпринимательской деятельности, развитие туризма и другие, будут способствовать повышению уровня жизни населения и преодолению неблагоприятных последствий экономических и социальных трансформаций. В то же время необходимо повышать уровень финансовой грамотности населения и принять необходимые сдерживающие меры в отношении деятельности коммерческих банков и микрофинансовых организаций для преодоления высокого уровня долговой нагрузки людей.

Ван И.Д. Закредитованность населения как один из показателей социально-экономического развития Республики Бурятия. Статья посвящена актуальным в наши дни проблемам закредитованности населения, постоянного увеличения числа бедных, углубления дифференциации населения по доходам в Республике Бурятия. Следствием подобных тенденций является миграционный отток трудоспособного населения из региона, негативное социальное самочувствие больших социальных групп и слоев.

Ключевые слова: закредитованность населения, долговая нагрузка, социально-экономическое развитие, показатели социально-экономического развития, финансовая безграмотность.

Van I.D. Debt load of the population as one of the indicators of social and economic development of the Republic of Buryatia.

The article is devoted to the actual in nowadays problems of population's debt load, the constant increase in the number of destitute people, and the deepening of differentiation of the population according to incomes in the Republic of Buryatia. The consequence of such trends is the migration outflow of the employable population from the region, the negative social feeling of the large social groups and strata.

Keywords: debt load of the population, debt burden, socio-economic development, indicators of socio-economic development, financial illiteracy.

О.А. САМУСЕВА
аспирант кафедры политологии Востока
*ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова**

Молодежная политика в КНР, России и США

Специфика современной молодежной политики в США, РФ и КНР как в странах со статусом реальных (или потенциальных) сверхдержав заключается в создании «социальных лифтов», которые способны реализовать запросы местных молодых пассионариев и тем самым укрепить статус сверхдержавы.

Стоит отметить, что в науке нет единой точки зрения на определение понятия «молодежь». Как отмечали Г. Ст. Холл, Ш. Бюлер, В. Райх, Э. Эриксон, молодежь – это группа людей определенного возраста с биологическими особенностями и психологическими отношениями. Данная трактовка основывается на социально-психологическом подходе. Э. Шпрангер, Т. Парсонс, Т. Розак, Ч. Рейч в свою очередь определяют «молодежь» как группу людей, которые обладают особым образом жизни, стилем поведения, культурными ценностями и нормами, отличающимися от образцов доминирующей культуры (это субкультурный подход). В.Т. Лисовский и В.И. Чупров используют стратификационный подход к определению понятия «молодежь», трактуя её как социально-демографическую группу, которая выделяется на основе возрастного критерия и обладает особыми социальными позициями.

Общественные организации (ООН, ЮНЕСКО) относят к социальной группе молодежи юношей и девушек в возрасте от 17 до 25 лет. Американские социологи определяют период молодости с 12 до 24 лет, при этом разделяют период молодости на «юношество» (с 12 до 18 лет) и «возраст молодых взрослых» (с 18 до 24 лет), а в ряде других стран верхние границы молодежи ограничивают возрастом в 35

* Самусева Ольга Александровна, e-mail: Olysam@mail.ru

лет¹. Сянганские (гонконгские) ученые в своей статье «Формирование китайской молодежной политики и участие молодежи»² указывают 12 лет как нижнюю грань возрастных рамок для молодежи и 30 лет как верхнюю грань.

Рассматривая модели взаимоотношений между молодежью и государством, О.В. Степанищенко указывает, что существуют четыре наиболее распространенные модели взаимоотношений государства, региональных и муниципальных образований, общественных институтов, а также молодежи:

- консервативная, подразумевающая минимальное вовлечение государства в молодежную политику (например, в США);
- государственно-общественная – ограниченное вовлечение государства в молодежную политику;
- социально-государственная – всеобъемлющая финансовая поддержка от государства;
- коммунитарная модель – государство-доминант в молодежной политике (например, в КНР).

По мнению О.В. Степанищенко, Россия не вписывается в данную типологию, так как в ней наблюдается «смешанный тип». Причиной этого может быть процесс становления нормативно-правовой базы молодежной политики в России³. А.С. Сафонова указывает, что «четкого и содержательного структурирования молодежной политики так и не случилось ...»⁴. При этом Н.П. Лесовских предлагает определенную классификацию законодательного поля относительно молодежной политики с примерами из регионального законодательства. 1. Законы о молодежи, например Закон Свердловской области «О молодежи в Свердловской области» № 113-ОЗ от 29 октября 2013 г. 2. Законы о молодежи и государственной молодежной политике. Пример – Закон Калининградской области «О государственной моло-

¹ Социология молодежи: Учебник для академического бакалавриата / Под ред. Р.В. Ленькова. М., 2015, с. 41-43.

² *Ngan-Fun Ngai, Chau-Kiu Cheung, Chi-Kei Li. China's Youth Policy Formulation and Youth Participation* [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://202.116.197.15/cadalcanton/Fulltext/21154_2014319_101816_48.pdf

³ *Степанищенко О.В.* Актуальные проблемы формирования молодежной политики в Российской Федерации // Научный журнал КубГАУ - Scientific Journal of KubSAU, 2012, № 84, с. 1002-1003.

⁴ *Сафонова А.С.* Молодежная политика и молодежь в политике: зарубежный опыт [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://scjournal.ru/articles/issn_1997-292X_2013_2-2_40.pdf

дежной политике в Калининградской области» № 169 от 28.01.2000 г. в ред. от 01.08.2012 г. 3. Законы и постановления правительств субъектов РФ узконаправленного характера. Пример – Закон Волгоградской области «О государственной поддержке специализированных организаций, осуществляющих работу с детьми, подростками и молодежью» № 787-ОД от 18.02.2003 г. в ред. от 21.01.2015 г.¹

Основным законодательным инструментом определения молодежной политики России в нынешний исторический период являются «Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года». В Распоряжении Правительства Российской Федерации от 29 ноября 2014 г. N 2403-р² даются четкие определения относительно терминологии молодежной политики: «молодежь», «молодая семья», «молодой специалист», «молодежное предпринимательство» и др., а также указываются «Основные принципы реализации государственной молодежной политики», «Цели и приоритетные задачи государственной молодежной политики» и механизмы их реализации. Но при всей целостности данного Распоряжения множество «проблемных вопросов» так и не раскрывается и не предлагается четкий алгоритм их решения. Данные проблемы удачно, на мой взгляд, сформулировали А.П. Меркулов и его коллеги: «... сокращение численности молодежи ...» и «нестабильное состояние межэтнических ...отношений ...»³. Стоит отметить, что в России не найден ответ на главный вызов современности – тенденцию сокращения молодого населения. Эта тенденция не угрожает США и КНР: первым – вследствие постоянного притока молодых специалистов извне, второй – вследствие огромного демографического потенциала.

Особенность молодежной политики США заключается в отсутствии единого координирующего государственного органа. Данная политика функционирует на региональном уровне, т.е. на уровне отдельных штатов. Так, в США

¹ Лесовских Н.П. Законодательство Российской Федерации в сфере молодежной политики // Вестник Уральского института экономики, управления и права, 2016, № 3(36), с. 34.

² Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 ноября 2014 г. N 2403-р, г. Москва [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://rg.ru/2014/12/08/molodej-site-dok.html>

³ Меркулов П.А., Малик Е.Н., Бакалдина Е.С., Елисейев А.Л. Государственная молодежная политика в современной России: инструменты интеграции молодежи в общественные практики // Власть, 2015, № 10, с. 29.

существует более 300 (или 400 по иным подсчётам¹) программ поддержки и защиты молодежи, например: «Студенты за ликвидацию голода», «Лицом к улице» и др.². В регионах молодежная политика представлена следующими программами: «Обучающая сеть», «Нью-Йоркский добровольческий корпус» (Нью-Йорк), «Федерация сотрудничества для образовательного опыта» (Массачусетс), «Ребенок напрокат» (Миннесота) и др.³.

И если молодежная политика США характеризуется региональным разнообразием и децентрализацией, то у китайской молодежной политики отличительными чертами являются «масштаб» и монолитность. Так, в КНР существует 3,59 млн. низовых комсомольских организаций, а общее число членов Коммунистического союза молодежи Китая (КСМК) составляет 89,906 млн. человек⁴, а это больше, чем население любой страны Европейского Союза. КСМК выполняет руководящие функции в Пионерской организации Китая, объединяющей детей в возрасте до 15 лет. Кроме этого существует Всекитайская федерация молодежи (ВФМ), в состав которой входят все 52 молодежные организации КНР. Она реализует ряд программ и проектов, таких как молодежная консультативная служба «Горячая линия», молодежная программа поддержки образования «Надежна», программа «Красная лента» – профилактика СПИДа среди молодежи, «На завтра» – проект по профилактике правонарушений среди несовершеннолетних и др.⁵.

В КНР действует разветвленная система пионерского воспитания, во многом «скопированная» у СССР, а в США – скаутское движение, в России же на данный момент подобных массовых организаций не существует. Особенностью

¹ Немшилов О.О. Особенности молодежной политики в Соединенных Штатах Америки [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://novainfo.ru/article/?nid=4186>

² Зеленин А.А. Национальная модель реализации молодежной политики в Соединенных Штатах Америки // Вестник КемГУ, 2009, № 4, с. 69.

³ Там же.

⁴ Кордубаев М.К., Шмигирилова Л.Н. Национальная модель реализации молодежной политики в Китайской Народной Республике (КНР) // Научное сообщество студентов XXI столетия. Общественные науки: Сб. ст. по материалам XXVI междунар. студ. науч.-практ. конф. 2014, № 11(25). [Электронный ресурс] – Режим доступа: [http://sibac.info/archive/social/11\(25\).pdf](http://sibac.info/archive/social/11(25).pdf)

⁵ Там же.

китайской молодежи является массовое позднее взросление по сравнению, например, с американской молодежью. Кроме этого, по утверждению Н. Вавилова, в КНР существует «табу» на рассмотрение во внутренних СМИ информации относительно клановости китайской элиты¹, а также единый взгляд на формирование молодежной политики.

Спорт – одна из немногих возможностей для продвижения молодежи вверх по «социальным лифтам» и попадания их в международную или национальную элиту. В самом Китае кроме спорта, которому государство уделяет значительное внимание как способу позиционирования КНР на международной арене, значительным «социальным лифтом» является армия, которая позволяет молодому населению из деревенской местности добиться карьерного роста. По версии Global Firepower Index², армия КНР является третьей по силе и мощности после армий США и России, а второй военный бюджет в мире – 161,7 млрд. долл. США явно предоставляет возможности для продвижения молодых кадров в армии страны.

Но всё же в ситуации практически полной монополии Коммунистической партии Китая именно продвижение молодежи по «социальным лифтам» партийного истеблишмента является основным условием омоложения элиты страны. Так, если в Уставе КПК на XVIII и XIX съездах партии позиция относительно молодежи не изменилась, то в «Полном тексте доклада, с которым выступил Си Цзиньпин на XIX съезде КПК»³, молодежной тематике посвящено значительно больше внимания, чем в «Полном тексте доклада, с которым выступил Ху Цзиньтао на XVIII съезде КПК»⁴. Данные выводы основываются не только на более частом упоминании термина «молодежь» в различной трактовке, но и на качественном изменении термина, например,

¹ Перетолчин Д., Вавилов Н. Некоронованные короли красного Китая (2016) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=5e53cwt6gK4>

² Global Firepower Index [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.globalfirepower.com/index.asp>

³ Полный текст доклада, с которым выступил Си Цзиньпин на XIX съезде КПК [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726299.htm

⁴ Полный текст доклада, с которым выступил Ху Цзиньтао на XVIII съезде КПК [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://russian.people.com.cn/31521/8023968.html>

вместо «молодые и рабочие крестьяне» Си Цзиньпин использовал термины «молодые кадровые работники» и «молодые специалисты».

Безусловно, данное исследование не дает ответов на многие актуальные политические вопросы современной китайской реальности, но совершенно очевидно, что сама китайская молодежь должна стать предметом пристального исследования в рамках политической науки.

В результате можно выделить следующие особенности молодежной политики в КНР, России и США:

- монополия самой влиятельной партии в стране и массовость движения в КНР;

- влияние государства на молодежную политику, но скорее по инерции с советского периода, при наличии большого количества различных законодательных актов, которые не являются системными, в Российской Федерации;

- значительная децентрализация молодежной политики и разнонаправленность молодежной политики в США.

Самусева О.А. Молодежная политика в КНР, России и США. Статья посвящена анализу моделей молодежной политики, сложившихся в КНР, России и США. Автор приходит к выводу, что молодежная политика этих стран различается. Наименьшую степень централизации молодежной политики демонстрируют США, наибольшую – КНР.

Ключевые слова: молодежь, политика, законодательство, централизация.

Samuseva O.A. Youth policy in PRC, Russia and The USA. The article examines three models of youth policy, developed in China, Russia and The USA. The author comes to the conclusion that the youth policy of these countries differs. The most decentralized model functions in the USA, the most rigid exists in China.

Keywords: the youth, policy, legislation, centralization.

Н.М. АДАВИ
аспирант кафедры международных отношений
Дипломатической академии МИД России*

Эволюция терроризма: от группировок к государству

Исследуя проблему терроризма в контексте современной цивилизации, следует упомянуть два эпохальных события XX в. – Первую и Вторую мировые войны. Основанием для этого является тот факт, что формальным поводом к их началу стали террористические атаки. В первом случае – это террористическая акция в отношении австрийского эрцгерцога Франца Фердинанда, застреленного в Сараеве в июле 1914 г., а во втором – захват силами СС и СД нацистской Германии радиостанции в польском городе Гляйвице в августе 1939 г. (операция «Консервы»). Террористические действия в обоих случаях сыграли роль детонатора мировых войн, причем инцидент с захватом немецкой радиостанции являлся тщательно спланированной провокацией, оценка которой была дана Нюрнбергским трибуналом (теракт был запланирован и осуществлен для того, чтобы гитлеровская Германия имела формальный повод для начала войны против Польши).

Подобных провокаций история знает немало вплоть до новейшей истории, когда поводом для агрессии США в отношении Ирака стало лжесвидетельство Наиры Сабах¹, выступившей 10 октября 1990 г. перед Комиссией по правам человека Конгресса США и рассказавшей, что она якобы видела, «как вооружённые иракские солдаты ворвались в больницу, выбросили из инкубаторов новорождённых детей и оставили их умирать на холодном полу»². Показания Н. Сабах неоднократно цитировались сенаторами и президентом США Дж. Бушем и способствовали росту голосов за поддержку Кувейта в войне против Ирака, а в 1992 г., уже после интервенции США в Ирак, выяснилось, что Наира

* Адави Насер Мустафа, e-mail: abuqaisn@gmail.com

¹ Леа А.Н.А. Подлые заговоры против человечества // Muz4in.Net (03.05.2013)

² CSPAN Video Recording

является дочерью кувейтского посла в Соединённых Штатах Сауда Нассера ас-Сауд ас-Сабах, а её «показания» были сфабрикованы американским PR-агентством Hill & Knowlton. В этом случае не потребовалось даже трупы подбрасывать, хватило лжесвидетельства.

Что касается «сараевского убийства», то оно до сих пор вызывает вопросы и заслуживает, на наш взгляд, особого внимания. Прежде всего, оно продемонстрировало, что организация «Млада Босна», подготовившая и осуществившая убийство Фердинанда, являлась организацией сербских националистов весьма условно: в ее рядах были не только православные сербы, но и хорваты (католики), и сербы-мусульмане (бошняки), т. е. идея объединения южных славян в единое государство под властью Белграда нашла поддержку у представителей различных национальностей и конфессий¹, которые объединились для достижения общей политической цели. Таким образом, можно говорить о том, что в XX в. политическая составляющая терроризма окончательно вышла на передний план, оттеснив религиозные и национальные мотивы, что впоследствии привело к возникновению не поддающихся логическому объяснению террористических группировок и альянсов, таких как, например, «Красная армия Японии», активно поддержавшая борьбу палестинского народа с израильскими оккупантами, или ИГИЛ, фактически создававшая квазигосударство.

Также примечательно, что террорист Гаврило Принцип, действия которого стали поводом к одной из самых кровопролитных войн в истории человечества и должны осуждаться всем международным сообществом, в Сербии до сих пор почитается как национальный герой. Так, в июне 2014 г. к 100-летней годовщине сараевского убийства в Восточном новом Сараеве в Республике Сербской (Боснии и Герцеговины) ему был установлен памятник. Присутствовавший на церемонии открытия президент Республики Сербской М. Додик заявил, что сербы гордятся предками, боровшимися за сохранение своей идентичности², а в 2015 г. президент Сербии Т. Николич открыл памятник Принципу в Белграде,

¹ *Dejan Djokić*. Yugoslavism: histories of a failed idea, 1918-1992. L., 2003, p. 59.

² Боснийские сербы установили памятник Гаврило Принципу // Euronews

заявив, что «Гаврило Принцип был героем, он был символом идеи освобождения»¹.

Мы ни в коей мере не ставим под сомнение право какого-либо народа чествовать своих героев, но считаем необходимым отметить, что такой подход является проявлением пресловутых «двойных стандартов»: террористы в общественном сознании делятся на «плохих» и «хороших», хотя действия и тех, и других направлены на подрыв существующего миропорядка. Романтизация образов террористов-революционеров (борцов за государственную независимость, героев национально-освободительного движения и т.д.) дезориентирует общественность и размывает границы дозволенного в политике.

Следует констатировать, что начиная с середины XX в. терроризм приобрел характер стихийного бедствия мирового масштаба. Одна за другой стали возникать организации экстремистского толка, причём не только в странах третьего мира, но и в благополучных и стабильных государствах.

Наиболее активными в этот период были праворадикальные и леворадикальные экстремистские организации. Под антиимпериалистическими и прокоммунистическими лозунгами выступали: в Испании – баскская организация ЭТА, во Франции – организация «Прямое действие, в Германии – «Фракция Красной армии», в Италии – «Красные бригады», в Греции – организация «Народная революционная борьба»². В Японии в 1970 г. была создана «Красная армия Японии»³, основой идеологии которой стала смесь лозунгов марксизма и кодекса самураев «Бусидо». Причем до того, как это название закрепилось, организация, точнее ее международный отдел, находящийся в Палестине, назывался «Арабу сэкигун», т.е. «Арабская красная армия», но поскольку членами этого отдела являлись исключительно японцы, название вызывало когнитивный диссонанс и его пришлось сменить.

Наиболее известными праворадикальными экстремистскими организациями, осуществлявшими террористические акции в этот период, были «бритоголовые» в Великобритании и различного рода неонацистские группировки как в

¹ В Белграде установлен памятник убице эрцгерцога Фердинанда // Lenta.ru

² <http://www.antiterror.sis.md/file/Attachment.pdf>

³ <http://pl.maoism.ru/foreign/JRA.htm>

самой Германии, так и в ряде других государств. В США, к примеру, такой организацией стал Ку-клукс-клан в третьей своей реинкарнации.

В этот же период в Турции возникла группировка право-го толка «Серые волки», насчитывающая до 30 тыс. членов и имеющая 80 филиалов в разных странах мира. Самой резонансной акцией этой организации стало покушение на папу Иоанна Павла II.

Следует отметить, что многие международные террористические организации действовали (и действуют) под лозунгами национально-освободительной борьбы. К ним относятся, например, «Ирландская республиканская армия» (Великобритания) – католическая организация, основанная в 1914 г. и активно действующая с 1969 г. под лозунгом воссоединения британской провинции Ольстер с Ирландией.

Среди других наиболее известных групп экстремистов, использующих террор в качестве основного способа борьбы, следует выделить «Палестинский исламский джихад», действующий в секторе Газа; «Гамаия исламия» («Исламская группа») в Египте; «Вооруженная исламская группа» в Алжире; «Тигры освобождения Тамил Илама» в Шри-Ланке. Всего же с 60-х гг. XX в. возникло около 500 нелегальных террористических организаций. С 1968 по 1980 гг. ими было совершено около 6700 террористических актов, в результате которых погибло 3668 и ранено 7474 человека¹.

Согласно данным исследования, приведенным в Глобальном рейтинге терроризма за 2015 г. (составлен Британским институтом экономики и мира), в период с 2000 по 2014 гг. в результате 61000 террористических акций погибло более 140 тыс. человек². По мнению составителей рейтинга, кульминационным моментом стала террористическая акция «9/11», и во многом это было предопределено вторжением США в Афганистан в 2001 г. и Ирак в 2003 г., осуществленным как раз под предлогом борьбы с международным терроризмом.

11 сентября 2001 г. стало отправной точкой роста числа террористических актов, которое достигло своего максимума в 2007 г. в разгар войны в Ираке (рост в 4 раза). В 2008-

¹ *Гушер А.И.* Проблема терроризма на рубеже третьего тысячелетия новой эры человечества http://old.nasledie.ru/terror/25_8/article.php?art=3

² The Global Terrorism Index 2015. – URL: http://static.visionofhumanity.org/sites/default/files/2015Report_2.pdf

2012 г. показатели террористической активности несколько снизились, однако с 2013 г. вновь отмечен её значительный рост. По мнению британских аналитиков, это стало следствием возникновения массовых военизированных групп радикальных исламистов и их объединений на территории ряда стран Ближнего Востока и Северной Африки¹, что косвенно свидетельствует о том, что росту террористической угрозы в значительной мере способствовали ход и результаты «арабской весны».

Печальным результатом «арабской весны» в Тунисе, Египте и Ливии стало создание предпосылок для всплеска терроризма на большой территории: от Пакистана до Испании. И едва ли можно считать случайным усиление в этот период потенциала ИГИЛ, заявившей не только о своем существовании, но и о претензиях на участие в переделе политического пространства, причем не только Ближнего Востока, но и сопредельных ему Североафриканского и Центрально-Азиатского регионов.

Как следует из Глобального рейтинга терроризма, 2014 год стал пиковым. Количество совершенных за этот год терактов и их жертв превысило аналогичные показатели 2000 г. более чем в 9 раз: 32 658 человек в 2014 г., тогда как в 2000 г. таковых было 3 329 человек².

Характерной особенностью терроризма в обозначенный период стало постепенное расширение его географии. В 2014 г. теракты имели место в 95 странах, наиболее высокий уровень террористической активности отмечался в пяти государствах: Афганистане, Ираке, Нигерии, Пакистане и Сирии. Эти же страны возглавляют и рейтинг терроризма. В первую десятку стран попали также Индия, Йемен, Сомали, Ливия и курортный рай – Таиланд.

В соответствии с Глобальным рейтингом терроризма, на который мы уже ссылались, наибольшую террористическую активность проявляют четыре организации: ИГИЛ, «Боко Харам», «Аль-Каида» и «Талибан». На их долю приходится более 66% всех смертельных исходов в результате терактов. По заявлению Генерального секретаря ООН Пан Ги Муна, на верность ИГИЛ присягнули уже 34 вооруженные

¹ Ibidem.

² Ibidem.

группировки в разных частях света, и это число будет, по моему мнению, расти¹.

По мнению О. Кронина, директора международной программы в области безопасности Университета Джорджа Мейсона, ИГИЛ является квазигосударством со сложной административной структурой: для управления подконтрольными территориями созданы своего рода советы, которые управляют финансами, средствами массовой информации, ведут религиозными вопросами². Более того, как следует из опубликованных британской газетой «Guardian» материалов, лидеры ИГ разрабатывают нормативные основы функционирования своих организационно-управленческих структур³. В полученной «Guardian» внутренней инструкции изложены планы по формированию внешних отношений, программа создания мощного пропагандистского аппарата, перечислены меры по централизованному управлению нефтяным и газовым секторами и другими жизненно важными отраслями экономики. В инструкции также изложены способы, благодаря которым ИГИЛ стала самой богатой террористической группировкой за последние полвека.

Совокупность перечисленных выше фактов свидетельствует о том, что ИГИЛ действительно строит государство, основанное на терроризме, насилии, насаждении страха как на подконтрольных территориях, так и во взаимоотношениях с мировым сообществом.

Адави Н.М. Эволюция терроризма: от группировок к государству. Статья освещает вопросы трансформации террористических группировок в квазигосударство.

Ключевые слова: Ближневосточный регион; терроризм, группировка, террористическое государство.

Adavi N. M. The Evolution of Terrorism: from Groups to State.

The article highlights the transformation of terrorist groups into a quasi-state.

Keywords: Middle East region; terrorism, grouping, terrorist state.

¹ См.: Генсек ООН: на верность ИГ в разных частях света присягнули 34 группировки. – URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2644823> 39

² Сергеев Д. Экспансия террора: откуда есть пошел ИГИЛ ваххабитский. – URL: http://tvzvezda.ru/news/vstrane_i_mire/content/201512180901-vily.htm.

³ Как ИГИЛ строит свое исламское государство. – URL: <http://ino-smi.ru/politic/20151209/234731316.html>. 40

И ЧЖЭН
аспирант кафедры политологии Востока
ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова*

Сотрудничество России и Китая в БРИКС

В последние десятилетия между Россией и Китаем сложились отношения всеобъемлющего стратегического партнерства, в рамках которых происходит эффективное взаимодействие в различных областях. Сотрудничество между странами развивается как на межгосударственном, так и на международном уровне. Обе страны не только участвуют в работе различных международных межправительственных и региональных организаций, но и являются инициаторами их создания. Так, в июне 2009 г. в Екатеринбурге главы России, Китая, Бразилии и Индии объявили о создании новой организации, получившей свое название по первым буквам стран-участниц – БРИК. Несколько лет спустя, в 2011 г., членом организации стала Южно-Африканская Республика, и с того времени за группой закрепилось название БРИКС (BRICS). Организационной основой функционирования группы стал принцип «трех не»: не блоковый характер объединения, не конфронтационные подходы при выработке механизмов по решению международных проблем, не направленность против третьих стран и объединений¹.

Изначально было заявлено, что объединение имеет прежде всего экономические цели. Впрочем, очевидно, что потенциал организации не ограничивается достижениями в области экономики. По мере ускорения темпов развития экономики государства-члены БРИКС приобретают все большее политическое влияние, являясь центрами силы современного миропорядка. Таким образом, происходит формирование полицентричного мира, в котором акторы стремятся учитывать интересы друг друга.

Актуальность заявленной темы определяется как потребностью в изучении последних тенденций взаимодействия

* Чжэн И. e-mail: zdiamor@gmail.com

¹Титаренко М.Л., Петровский В.Е. Россия, Китай и новый мировой порядок. Теория и практика. М., 2016, с. 164.

России и Китая в рамках БРИКС, так и острой дискуссионностью вопроса о роли и месте БРИКС в мировой политике и экономике.

Феномен БРИКС вызывает разные, зачастую прямо противоположные оценки. Российские¹ и зарубежные эксперты² выработали различные подходы к деятельности организации и ее перспективам, ее значению в трансформирующейся системе международных отношений.

Автор статьи разделяет подход российских политологов И.В. Ильина и О.Г. Леоновой, которые считают, что компаративный и экономикоцентричный подходы, доминирующие в современных исследованиях БРИКС, непродуктивны. БРИКС следует рассматривать как центр совокупного влияния региональных лидеров трех континентов. В геополитических рамках БРИКС и их партнеров происходит формирование внеамериканской зоны взаимодействия, которая постепенно будет эволюционировать в Глобальный незападный проект (Global Non-West Project)³.

Цель статьи – изучить наиболее важные факторы, определяющие взаимодействие членов организации, выявить, на какой основе она функционирует, и рассмотреть роль России и Китая в БРИКС.

Взаимодействие стран-участниц организации напрямую зависит от международной обстановки. В настоящий момент ни одна из стран мира не обладает достаточной мощностью, чтобы уравновесить США, которые по-прежнему являются гегемоном, хотя и заметно слабеющим из-за упрочения позиций на мировой арене государств, никогда прежде не игравших столь заметную роль в системе международных отношений. Прежде всего речь идет о Китае и России, бросающих вызов США и их союзникам. На международной

¹ Новое направление российской внешней и внешнеэкономической политики – взаимодействие в БРИКС / Отв. ред. С.П. Глинкина. М., 2014; *Алексеев О.А., Ильин И.В.* БРИКС как новая форма полицентричности мирового порядка // Научно-аналитический журнал «Обозреватель-Observer», 2014, № 12(299), с. 35-42.

² *Вань Цинсун.* Перспективы и вызовы сотрудничества стран БРИКС: взгляд из Китая // URL: <http://svom.info/entry/604-perspektivy-i-vyzovy-sotrudnichestva-stran-briks-v/> (Дата обращения: 30.09.2017); *Roberts C.* Are the BRICS Building a Non-Western Concert of Powers? // The National Interest. 08.07.2015. URL: (Дата обращения: 30.09.2017).

³ *Ильин И.В., Леонова О.Г.* Зарубежные подходы к анализу феномена трансрегионализма БРИКС // Сравнительная политика, 2017, № 8(2), с. 130-139.

арене КНР и РФ защищают традиционные ценности в мировой политике, в первую очередь концепцию суверенитета и принцип невмешательства во внутренние дела государств. Зачастую критики БРИКС обвиняют членов организации, особенно КНР и РФ, в том, что они бросают вызов существующему миропорядку, и в этом плане их действия угрожают дестабилизировать систему международных отношений, сделать ее менее предсказуемой¹. Своё несогласие с данной точкой зрения высказал министр иностранных дел России С. Лавров, отметив, что БРИКС динамично развивается несмотря на попытки засыпать ее «ворохом скептических оценок»².

На взаимодействие государств-членов БРИКС оказывают влияние развивающееся между ними межгосударственное сотрудничество, а также те противоречия, которые существуют между сторонами. В общей совокупности страны БРИКС производят 30% мирового ВВП и представлены примерно 45% населения Земли. Таким образом, вне всякого сомнения, они имеют колоссальный потенциал. По мере роста собственной мощи каждой из стран сотрудничество между ними приобретает все более существенное значение³.

Однако разногласия между сторонами являются существенным препятствием для полного развития потенциала возможного сотрудничества. Прежде всего данное обстоятельство касается взаимодействия таких членов организации, как Китай и Индия. Китайско-индийские отношения по-прежнему остаются напряженными, прежде всего из-за нерегулированного пограничного вопроса⁴.

Россия и Китай играют ключевую роль в БРИКС. Стороны связывают отношения стратегического партнерства, которое также развивается в совместном участии в международных

¹ *Tharoor Sh.* Taking the BRICS Seriously // Project Syndicate. 19.06.2015. URL: <http://www.project-syndicate.org/commentary/cooperation-major-emerging-economies-by-shashi-tharoor-2015-06> (Дата обращения: 30.09.2017).

² Лавров: БРИКС динамично развивается, несмотря на критику. 29.10.2015 //URL:<http://tass.ru/politika/2389537> (Дата обращения: 30.09.2017).

³ *Вань Цинсун.* Перспективы и вызовы сотрудничества стран БРИКС: взгляд из Китая // URL: <http://svom.info/entry/604-perspektivy-i-vyzovy-sotrudnichestva-stran-briks-v/> (Дата обращения: 30.09.2017);

⁴ *Уянаев С.В.* Сотрудничество РФ и КНР по международным вопросам // Китай в мировой и региональной политике. История и современность, 2012, № 17, с. 26.

организациях и на различных международных площадках, самыми значимыми из которых являются Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) и БРИКС. Из состава БРИКС только Россия и Китай одновременно входят в обе организации, идейно вдохновляя структуры на дальнейшее сотрудничество, имеющие цели укрепления безопасности, торгово-экономического сотрудничества и формирования независимой от стран Запада позиции на мировой арене.

Ряд исследователей видят угрозу в таком преимуществе Китая и России перед другими странами БРИКС и полагают, что организация является крайне неустойчивой структурой из-за совершенно разного уровня социально-экономического развития стран-участниц, существенной разницы в общественно-политическом устройстве и политических противоречий сторон. Но автор статьи придерживается другой точки зрения и считает, что Россия и Китай не стремятся к конкуренции и подавлению участников организации, не обладающих определенными преимуществами. Стороны намерены совместно усиливать позиции на мировой арене, создавая противовес США и их союзникам. Россия и Китай не пытаются использовать свое положение, уважают собственный выбор стран-участниц БРИКС.

При таком подходе сплоченность членов организации только растет, так как более слабые участники выигрывают от сотрудничества с сильной стороной, а Россия и Китай упрочивают позиции в трансформирующейся системе международных отношений, создавая широкую платформу, альтернативную классическим западным организациям.

Президент РФ В.В. Путин является одним из идеологов БРИКС. В преддверии саммита, состоявшегося 4-5 сентября 2017 г. в Китае, российский лидер опубликовал программную статью «БРИКС – к новым горизонтам стратегического партнерства». Президент РФ высоко оценил Китай как председателя БРИКС в 2017 г. и призвал повысить роль этой организации в мировой политике и экономике¹.

Сближению России с Китаем, а также с другими странами БРИКС способствует недальновидная политика США и их союзников, проявившаяся во введении антироссийских санк-

¹ Путин написал статью о своем видении роли БРИКС и России в мире. 01.09.2017. URL: <http://www.rbc.ru/politics/01/09/2017/59a889519a7947513a58d449> (Дата обращения: 30.09.2017).

ций. По сути санкции способствуют усилению «восточного» вектора внешней политики России, сближению России с участниками БРИКС, испытывающими определенное давление со стороны стран Запада. Таким образом, происходящая интеграция является объективным процессом, во многом ставшим следствием политики Запада.

Итак, взаимодействие крупных развивающихся государств, принадлежащих к разным цивилизационным ареалам, делает диалоговую платформу БРИКС всеобъемлющим неформальным объединением, которое отражает интересы разных государств мира на международной арене и их стремление к формированию многополярной системы международных отношений.

Между Россией и Китаем сложились отношения всеобъемлющего стратегического партнерства, и БРИКС является одной из площадок для развития широкомасштабного сотрудничества сторон как друг с другом, так и с другими членами организации. Руководство двух государств высоко оценивает успехи, достигнутые в этом направлении, и не планирует ослаблять усилия, расширяя социальную и материальную базу сотрудничества.

Чжэн И. Сотрудничество России и Китая в БРИКС. Предметом исследования является изучение сотрудничества РФ и КНР в БРИКС. Основной вывод автора представлен тезисом о том, что сотрудничество России и Китая в БРИКС имеет большое значение для укрепления стратегического партнерства между сторонами, для формирования многополярного миропорядка.

Ключевые слова: Россия, Китай, Индия, Бразилия, Южно-Африканская Республика, БРИКС, США.

Zheng Yi. The cooperation between Russia and China in BRICS. The subject of the investigation is the studying of the cooperation between The Russian Federation and People's Republic of China in BRICS. The author came to conclusion that the cooperation between Russia and China in BRICS is working towards closer strategic partnership between the countries, and contributes to the building of the multipolar world order.

Keywords: Russia, China, India, Brazil, Republic of South Africa, BRICS, The USA.

Ю.В. СМОРОДИНА
аспирант кафедры глобалистики
факультета глобальных процессов
МГУ имени М.В. Ломоносова*

«Умная сила» во внешней политике США: гуманитарный и политический аспекты

В период «холодной войны» между США и СССР, продолжавшейся четыре десятилетия, впервые использовались не только «жесткие», но и «мягкие» методы воздействия. Инструменты «мягкой силы» были доминирующими в политике США и дали им преимущество в системе международных отношений.

Сейчас понятие «мягкая сила» всё больше вытесняется другим термином – «умная сила». «Умная сила» – это сочетание «мягкой» и «жесткой» силы, а также разумное использование всех имеющихся у государства ресурсов для достижения целей на международной арене.

В данной статье пойдет речь о гуманитарном и политическом аспектах «мягкой» и «умной силы», а также об их использовании во внешней политике США в эпоху Дж. Буша, Б. Обамы и Д. Трампа.

«Мягкая сила» США как часть «умной силы» – гуманитарный аспект. Первый принцип, на котором основывается политика «мягкой силы» США – это привлекательность американской культуры и образа жизни.

О.Г. Леонова рассматривает концепт «мягкой силы» более широко, как «совокупность гуманитарных ресурсов страны (государства), которые можно реализовать при помощи определенных технологий»¹.

«Мягкая сила» США включает в себя идеологию и национальную идею США, которые полностью или частично принимаются половиной людей в мире. Ее универсальность, простота и, таким образом, восприятие людьми с

* Смородина Юлия Валерьевна, e-mail: juliacassis@yandex.ru

¹ Леонова О.Г. Интерпретация понятия «мягкая сила» в науке // Обозреватель-Observer, 2015, №2, с. 88.

различной культурой и ценностями делает американскую идеологию действительно популярной. Однако во многом её успех связан не столько с качествами самой идеологии, сколько с усилиями и затратами на её продвижение.

Термин «мягкая сила», введенный Дж. Наем, начал активно использоваться в Соединенных Штатах после создания в 2007 г. «Центра стратегических и международных исследований» в Вашингтоне и специальной комиссии по использованию «мягкой силы». Однако очевидно, что сама политика «мягкой силы» применялась и раньше.

Культурная политика является одной из основных составляющих «мягкой силы» страны. США весьма успешны в реализации своей культурной политики в рамках концепции «мягкой силы». Например, сегодня 1,5 млрд. человек в мире говорят на английском языке, и еще один миллиард изучает его. В Германии для любителей ресторанов быстрого питания открыты более 600 McDonald's, в Австралии их насчитывается около 635, во Франции и Англии – 625 и 700 соответственно. Семь из десяти фильмов в российских кинотеатрах – американские. Всё вышеперечисленное свидетельствует о распространении массовой культуры США.

Американизация – процесс влияния США на образ жизни многих людей и их мировоззрение. За пределами Соединенных Штатов это понятие часто имеет отрицательное значение, так как связано с нарушением традиционной культуры и обычаев.

Голливуд – это основной инструмент современной американской культурной политики, главное идеологическое оружие США. Американское кино, которое предлагает свое видение тех или иных событий, чрезвычайно популярно среди подавляющего большинства населения развитых стран. Зрители формируют представление о США во многом именно по кинофильмам. Кино служит наиболее эффективным инструментом внедрения и распространения американских ценностей.

Важным средством формирования имиджа Соединенных Штатов на мировой арене являются СМИ. Американские телевизионные передачи транслируются через спутник по всему миру, также США продают свое программное обеспечение, фильмы, телевизионные сериалы в другие страны. Свыше 1 млрд. человек в мире смотрят новости по каналу CNN, который формирует общественное мнение как в США,

так и в ряде других стран. Стоит отметить также Интернет США, в том числе социальные сети (например, Facebook) и поисковые системы (например, Google).

Важной частью американских культурного экспорта являются музыка и музыкальный шоу-бизнес, чья продукция распространяется через средства массовой информации: знаменитые музыкальные каналы, например MTV, Интернет и, конечно, радиовещание.

Таким образом, неконтролируемый поток американской культуры транслируется в различные страны мира с помощью средств массовой информации, музыки, кинематографа и т.д.

От политики «жесткой силы» к «мягкой» и «умной»: политический аспект. Рассмотрим эволюцию политики США на примере нескольких президентов страны в XXI в.

«Жесткая» и «мягкая сила» в политике Дж. Буша-младшего. Во время правления администрации Дж. Буша и после терактов 11 сентября 2001 г. США использовали в основном «жесткую силу», которая заключалась в применении военного вмешательства. Война в Афганистане, вторжение в Ирак и уничтожение режима С. Хусейна, несмотря на отсутствие доказательств того, что в Ираке было оружие массового уничтожения, а также существовала связь между иракским режимом и «Аль-Каидой», – всё это было проявлением «жесткой силы».

В этот период Дж. Буш использовал такие термины, как «ось зла» и «крестовый поход». Это был один из способов сформировать общественное мнение внутри США и на международной арене и обеспечить поддержку военного вмешательства.

Технологии «мягкой силы» использовались США для оправдания военного вмешательства. Эти войны, конечно же, не сделали Ирак и Афганистан демократическими государствами, но развязали гражданскую войну и стали первым шагом к формированию новых радикальных террористических организаций.

Кроме того, эти войны нанесли серьезный удар по имиджу и популярности США во всем мире. По данным опросов¹, война в Ираке вызвала неодобрение у большинства

¹ Curtin J.S. Japanese Anti-War Sentiment on Iraq in Accord with Global Opinion // Social Trends, 2003, № 28, February 24; World Opposed to Bush and

стран, а многие европейцы начали считать, что мир стал более опасным после войны в Ираке¹. Американская культура и ценности, когда-то считавшиеся одними из самых популярных, находились под угрозой. Таким образом, можно сделать вывод, что в эпоху Дж. Буша американская «умная сила» была подорвана. По словам Дж. Ная, «какими бы ни были итоги войны, они слишком скудны, чтобы оправдать потери»².

«Мягкая сила» политики Б. Обамы. Использование военной силы в качестве средства разрешения конфликтов оказало большое влияние на следующего американского президента. Ему необходимо было решить множество экономических проблем внутри страны, одной из них был огромный бюджетный дефицит, образовавшийся в частности из-за иракской войны.

На международной арене все чаще использовалась «мягкая сила». Формально политика США стала более умеренной, однако несиловые методы воздействия на другие страны, в том числе «цветные революции» и смена неугодных США режимов с их помощью приобретали все больший масштаб. Были созданы различные центры, содействующие развитию демократии, мирному переустройству других стран.

22 сентября 2010 г. Б. Обама подписал президентскую политическую директиву по глобальным вопросам развития (PPD on Global Development), где были определены основные направления деятельности федеральных агентств США, позиции национальных неправительственных организаций в области экономической, гуманитарной, финансовой и иной помощи зарубежным странам в целях сохранения американского глобального лидерства, улучшения международного имиджа США и повышения привлекательности американского образа жизни.

Документ «Всесторонний четырехлетний обзор состояния и перспектив дипломатии и международного развития», представленный Конгрессу и президенту США в 2010 г.,

Iraq War, BBC Poll Says. URL: http://en.people.cn/200306/18/eng20030618_118439.shtml (Дата обращения 10.12.2017)

¹ Many Europeans oppose war in Iraq // USA Today, May 20, 2005; Springford J. 'Old' and 'New' Europeans united: Public attitudes towards the Iraq war and US foreign policy. Briefing note. December 11, 2003.

² Nye J. History Will Judge Bush on Iraq War, 2013. URL: <https://www.belfercenter.org> (Дата обращения 10.12.2017)

полностью посвящен проблеме применения «мягкой силы» как ключевого компонента реализации внешней политики.

Согласно этому документу исходя из динамики и характера развития международной обстановки, Белый дом планирует сосредоточиться на следующих направлениях:

- формирование новой архитектуры международных партнерских связей и активизация общественной дипломатии в отношении неправительственных и общественных организаций, неформальных объединений, предприятий и национальных общин, учитывая их большую роль в формировании внешней и внутренней политики иностранных государств;

- оказание прямой безвозмездной помощи зарубежным странам с целью ее большей согласованности с торгово-экономическими вопросами, кредитованием и инвестиционной политикой;

- расширение сферы деятельности «Агентства США по международному развитию» и повышение его роли как одного из основных каналов распространения американского влияния в мире, чтобы установить постоянный диалог с проблемными странами, предоставляя разнообразную (экономическую, социальную и гуманитарную) помощь;

- повышение качества взаимодействия между МИД и Министерством обороны США за рубежом, прежде всего в постконфликтных ситуациях в интересах расширения американского влияния на региональные процессы.

К концу правления Б. Обамы в политическом дискурсе США все чаще стал употребляться термин «умная сила». В одной из своих речей Б. Обама заявил: «Мы должны интегрировать все аспекты нашего могущества, усилить невоенные инструменты нашего влияния»¹. Эти идеи стали ядром его политики.

В бюджете США были увеличены расходы как на военные нужды («жесткая сила»), так и на помощь глобальному развитию и публичную дипломатию («мягкая сила»).

Д. Трамп и политика «умной силы». После вступления Д. Трампа в должность президента США в 2017 г. у всего мирового сообщества был вопрос, какой курс будет проводить Белый Дом. Президент Трамп пришел к власти с обещанием сделать Америку великой снова. Республи-

¹ Цит. по: *Чихарев И.А.* «Умная мощь» в арсенале мировой политики // Международные процессы, 2011, т. 9, № 1(25), с. 95.

канская партия и Трамп хотят вернуть образ сильной Америки, они считают, что политика Б. Обамы была слабой и это повлияло на имидж США.

Однако от Д. Трампа можно было услышать также о том, что он будет заботиться в первую очередь о национальных интересах США и не станет вмешиваться во внутренние дела других стран, а займется улучшением экономической ситуации внутри своей страны.

Дж. Най считает, что экономическая мощь является одним из самых важных инструментов в структурированной политике «умной» и «мягкой» силы¹. На данном этапе Д. Трамп использует комбинацию «мягкой» и «жесткой» силы, т. е. «умную силу», применяя прямые военные угрозы параллельно с переговорами и дипломатией. Таким образом, внешнеполитический курс США намерен оставаться в русле «умной силы». Что будет дальше, покажет время.

Смородина Ю.В. «Умная сила» во внешней политике США: гуманитарный и политический аспекты. В статье рассматривается концепция «умной» силы США в ее политическом и гуманитарном аспектах. Используя «мягкую силу» в сочетании с «жесткой», США реализуют политику «умной силы», которая при разных американских президентах имела свои особенности.

Ключевые слова: «мягкая сила», «жесткая сила», «умная сила», внешняя политика США.

Smorodina U.V. «Smart power» in foreign policy of the USA: humanitarian and political aspects. The article reveals the concept of the US «smart power» in its political and humanitarian aspects. Using «soft power» combined with «hard power» the United States implement a policy of «smart power», which under different US presidents had its own characteristics.

Keywords: «soft power», «hard power», «smart power», US foreign policy.

¹ Nye J. The Future of American Power // Foreign Affairs, December 2010.

К.Х. АБУ АЙША
*аспирант кафедры международных отношений
Дипломатической академии МИД России**

Конфликтный потенциал Ближнего Востока в свете принципа неделимости международной безопасности

Нет сомнения в том, что тезис о неделимости безопасности государств полностью соответствует духу Устава ООН. Сама идея того, что безопасность одного государства не должна обеспечиваться за счёт безопасности другого¹, в случае ее адекватной реализации если бы и не свела на нет угрозу возникновения конфликтов между государствами, то по крайней мере снизила бы конфликтный потенциал в мире в целом и на Ближнем Востоке в частности, поскольку в настоящее время эпицентр угроз международной безопасности переместился из Европы именно на Ближний Восток.

С точки зрения региональной и международной безопасности на Ближнем Востоке наличествуют угрозы, общие не только для стран региона, но и для всего мира: терроризм, угроза распространения ОМУ, внутренние и межгосударственные конфликты, вызванные совокупностью причин: различным политическим устройством, религиозными противоречиями, территориальными претензиями и нерешенностью проблемы справедливого распределения природных ресурсов, в первую очередь – водных.

Одной из особенностей периодически возникающих на Ближнем Востоке военно-политических кризисов и конфликтов является их взаимосвязь друг с другом: примерами могут служить и палестино-израильский конфликт, и конфликт в Ираке, и спекуляции вокруг иранского «ядерного досье» и т. д. Характерной особенностью этих конфликтов является то, что они развиваются на фоне очевидной вовлеченности в их

* Абу Айша Камаль Хаммад, e-mail: Kamal-hammad@outlook.com

¹ Лукашук И.И. Международное право. Особенная часть: Учебник для студентов юрид. фак-тов и вузов. М., 2010, т. 2, с. 297.

урегулирование «тяжеловесов» – США, Европейского Союза, России, Китая, что дает основания предполагать, что ведущие мировые державы рассматривают Ближний Восток как исключительно нестабильный регион с высоким конфликтным потенциалом, угрожающим их собственной безопасности.

Проблемы обеспечения региональной безопасности на Ближнем Востоке во многом основываются на непрекращающемся соперничестве ведущих региональных держав за политическую, экономическую и военную гегемонию на Ближнем Востоке. Это утверждение относится, прежде всего, к Египту, Израилю, Ирану, Саудовской Аравии, Сирии и Турции. Ситуацию осложняет наличие как потенциально конфликтных противоречий между перечисленными государствами, так и многочисленных внутренних проблем политического и социально-экономического плана. Следствием этих противоречий и проблем является отчетливо выраженное стремление вышеперечисленных государств к доминированию в регионе, что неизбежно влечет за собой гонку вооружений (на страны Ближнего Востока приходится до 40% всего закупаемого в мире вооружения), рост потерь среди мирного населения в случае возникновения конфликта, вовлеченность третьих стран, прежде всего США и России, в региональные процессы.

Новым вызовом безопасности в Ближневосточном регионе и стабильности в Европе стала волна массовых народных выступлений против авторитарных режимов, получившая название «арабской весны», ставшая в 2011-2013 гг. ещё одной серьезной причиной политической дестабилизации на Ближнем Востоке, так как она привнесла существенные изменения в геополитическую ситуацию в регионе: за короткий период рухнули казавшиеся вполне устойчивыми режимы в Тунисе, Египте, Йемене и Ливии. В настоящее время под ударом находится Сирия¹. И это утверждение не потеряло своей актуальности по сей день.

Обращает на себя внимание и тот факт, что выступление арабо-шиитского большинства в Бахрейне против правящей династии суннитов в феврале 2011 г. было успешно подавлено с помощью силовых структур Саудовской Аравии и других монархических режимов Персидского залива. А

¹ *Абу-Фадель Джозеф*. Сирия между народной революцией и иностранным заговором // Аль-Манар, 27.02.2012.

демонстрации против властей в Алжире, Марокко, Иордании, Ираке, Султанате Оман не носили столь массового и агрессивного характера, как это имело место в Тунисе, Египте, Ливии, Йемене, Сирии. В Кувейте же волнения вообще удалось предотвратить: власти страны с целью предупреждения возможных эксцессов выдали каждому гражданину денежные средства в размере 4 тыс. долл. США и бесплатные продуктовые талоны¹.

Отсутствие массовых волнений в Саудовской Аравии также можно объяснить тем, что еще в феврале 2011 г. было выделено 36 млрд. долл. США на повышение уровня жизни в стране, а к 2014 г. на повышение качества образования, здравоохранения и улучшение местных инфраструктур было потрачено 400 млрд. долл.)².

Говоря о конфликтном потенциале Ближнего Востока, также следует отметить, что в последние годы этот регион стал местом трех крупнейших международных вооруженных вмешательств, осуществленных под руководством США (в Афганистане и дважды в Ираке), при этом регион остается важнейшим поставщиком нефти для мировой экономики, что влечет за собой специфический комплекс проблем безопасности регионального и мирового масштаба.

Причинами жестких столкновений являются также территориальные претензии и борьба за нефть между Ираном, Ираком, Саудовской Аравией и другими государствами Персидского залива. Еще острее стоит проблема доступа к водным ресурсам: арабский учёный Набиль Фаррас в исследовании «Война за воду в контексте арабо-израильского конфликта»³ указывает на то, что Израилю жизненно важно сохранить за собой Голаны, а также иметь неограниченный доступ к водам Иордана и другим источникам. Аналогичные выводы содержатся в докладе Организации палестинских исследований «Проблема воды в Израиле и её влияние на арабо-израильский конфликт»⁴, но если конфликты из-за

¹ Эмир Кувейта откупается от революции. 22.02.2011. // [http:// www. newsru. com](http://www.newsru.com)

² Король Саудовской Аравии, опасаясь участи Каддафи, выделяет \$36 млрд. бюджетникам, студентам и безработным. [http://www.gazeta. ru/ news/ business/ 2011/ 02/ 24/ n_ 1718413. shtml](http://www.gazeta.ru/news/business/2011/02/24/n_1718413.shtml)

³ *Набиль Фаррас*. Война за воду в контексте арабо-израильского конфликта. Бейрут, 1993, с. 335.

⁴ Проблема воды в Израиле и её влияние на арабо-израильский конфликт. Организация палестинских исследований. 1980, с. 53.

природных ресурсов имеют многовековую историю, то последнее десятилетие ознаменовалось новым вызовом – поступательным ростом террористической угрозы в регионе в лице ИГИЛ.

Приведем мнение О. Кронина, директора международной программы в области безопасности Университета Джорджа Мейсона, который полагает, что ИГИЛ в настоящее время представляет собой квазигосударство со сложной административной структурой, в котором для управления подконтрольными территориями созданы своего рода советы, управляющие финансами, средствами массовой информации и ведающие религиозными вопросами¹.

Следует обратить внимание на то, что в сфере безопасности региона Ближнего и Среднего Востока в отличие от Европы отсутствует общая организационная структура региональной безопасности.

В сложившейся ситуации нужно учитывать, что одним из важнейших направлений деятельности дипломатии арабских стран являются вопросы межарабского взаимодействия и сотрудничества. Именно идеи единства арабской нации (панарабизм) оказали определяющее влияние на развитие интеграционных процессов на Арабском Востоке. Под их влиянием возникла и Лига арабских государств (ЛАГ)², призванная обеспечить более тесные отношения между государствами-членами организации, координацию их политических действий, а также их независимость и суверенитет. Устав Лиги арабских государств предусматривает, что договаривающиеся государства имеют право консультироваться друг с другом в случае, если существует опасность для территориальной целостности, независимости или безопасности. В случае неминуемой угрозы войны или любого другого осложнения в международных отношениях, государства должны немедленно объединить свои усилия по принятию превентивных мер и обороны, как того требует ситуация³.

Однако именно эта организация в настоящее время стала мощным инструментом в руках Запада, который США и неко-

¹ *Сергеев Д.* Экспансия террора: откуда есть пошел ИГИЛ ваххабитский. – URL: http://tvzvezda.ru/news/vstrane_i_mire/content/201512180901-vily.htm

² Устав Лиги арабских государств. <http://www.aljazeera.net/special-files/pages/6d89e59a-b826-44cc-b6f1-4bf159f0ce5e#2>

³ *Джамиль Матар, Али ад-Дин Хияль.* Арабская региональная система. Бейрут, 1988, с. 151-181.

торые европейские государства используют для дестабилизации ситуации в ряде арабских стран, включая Сирию¹.

Кроме деятельности ЛАГ предпринимаются попытки создания организационной структуры безопасности в рамках Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), обсуждаются пути реализации концепции формирования объединенных вооруженных сил этих стран «Щит полуострова». Представители ССАГПЗ продвигают идею формирования в районе системы безопасности с участием государств-членов ССАГПЗ. Элементом такой системы, по их мнению, может быть создание в районе Персидского залива зоны, свободной от оружия массового уничтожения.

Тем не менее несмотря на предпринимаемые инициативы ЛАГ и ССАГПЗ следует признать, что Ближний Восток все еще остается, пожалуй, самым конфликтогенным регионом мира. Одной из причин этого является недостаточно развитая институциональная структура региональной безопасности².

Абу Айша К.Х. Конфликтный потенциал Ближнего Востока в свете принципа неделимости международной безопасности. В статье рассмотрены ключевые факторы высокого конфликтного потенциала на Ближнем Востоке, а также специфические проблемы обеспечения региональной безопасности: активное вмешательство в региональные конфликты третьих стран и недостаточно развитая институциональная структура региональной безопасности.

Ключевые слова: Ближневосточный регион; безопасность; конфликт, терроризм.

Abu Aisha K.H. Conflicting potential of the Middle East in the light of the principle of indivisibility of international security. The article considers the key factors of the high conflict potential in the Middle East, as well as specific problems of ensuring regional security: active intervention in regional conflicts of third countries and insufficiently developed institutional structure of regional security.

Keywords: Middle East region; security; conflict, terrorism.

¹ Хасан Абу Талеб. Дилемма: принятие решений в нынешних геополитических условиях // Аль-Ахрам, 02.08.2006.

<http://acpss.ahram.org.eg/Ahram/2001/1/1/ANAL524.HTM>

² Феофанов К.А. Понятие и классификация международных организаций. ООН как универсальная международная организация // Международные организации и урегулирование конфликтов: Учеб. пособие / Под общ. ред. Закаурцевой Т.А., Кашириной Т.В. М., 2017.

В.Е. ЗИНЕНКО

**аспирантка социологического факультета МГУ
имени М.В. Ломоносова, заместитель главного
редактора газеты «Спецназ России» при
Международной Ассоциации ветеранов
подразделения антитеррора «Альфа»***

Приоритетные направления современной государственной молодежной политики

История отношений государства и молодежи в России всегда имела непростой и особый характер. С одной стороны, «молодежь – это ценность особого рода, это главная ценность общества, это понятие не только демографическое, но также экономическое, социальное, политическое»¹, т.е. это группа, обладающая субъективными признаками. С другой стороны, молодежь как одна из уязвимых категорий граждан часто выступает объектом различного рода манипуляций.

Но процесс реформирования российского общества, который начался в 1990-е гг., отразился на реализации государственной молодежной политики (ГМП) и участии молодежи в общественно-политической деятельности. Исследователями фиксируется различие между интересом молодежи к общественно-политической жизни в стране и непосредственным участием в ней. Так, в 2017 г. интерес молодежи к участию в политических организациях достиг 48%, но только 2,8% молодых людей изъявили желание непосредственно участвовать в деятельности молодежных политических организаций². В научной среде данный тип поведения получил название «наблюдатель». Он характеризуется высоким уровнем субъективного политического интереса и

* Зиненко Виктория Евгеньевна, e-mail: vickan@inbox.ru

¹ Луков Вал. А. Молодежная политика: концепция И.М. Ильинского // Знание. Понимание. Умение, 2016, № 2, с. 18.

² Ценностные ориентации российской молодежи и реализация государственной молодежной политики: результаты исследования (монография). М., 2017, с. 37.

весьма низким уровнем гражданской активности, в том числе и невысокой электоральной активностью¹.

Массовый доступ к сети Интернет также сыграл большую роль в развитии культуры «наблюдателей». Высокий уровень виртуальной активности молодежи не сочетается с достаточно низким уровнем непосредственного участия в общественно-политической жизни общества. Но несмотря на это российская власть рассматривает молодежь как активный субъект социально-политических и экономических преобразований. Данная позиция руководства страны была подтверждена на заседании Государственной Думы РФ в мае 2017 г.

В 2017 г. в Государственной Думе РФ впервые в истории современной России прошли парламентские слушания на тему «О молодежной политике в Российской Федерации». В дискуссии приняли участие многие государственные деятели России и представители региональной власти, руководители молодежных движений и центров по опросу общественного мнения и т.д. Участники слушаний обратили внимание на отсутствие единого подхода к проблемам ГМП и противоречивость ее нормативно-правовой базы на федеральном и региональном уровнях. Многие представители молодежи выдвинули предложения, направленные на расширение полномочий молодежных объединений, поддержки молодежных инициатив.

Комментируя состояние ГМП в настоящее время, можно согласиться с мнением И.М. Ильинского, что «законодательная, организационная и финансовая составляющие государственной молодежной политики за почти два десятилетия развивались по известной формуле «шаг вперед – два шага назад». Принятые решения – законы, государственные программы и т. д. – этим выхолащивались, и сохранялся главным образом фасад»².

Цели и задачи ГМП сформулированы в «Основах государственной молодежной политики в Российской Федера-

¹ См.: Карпова Н.В. Политическая социализация молодежи современной России. Дисс. ...канд. социол. наук. М., 2003, с. 78-79.

² Государственная молодежная политика: уроки недавнего прошлого. Официальный сайт И.М. Ильинского. URL: <http://www.ilinskiy.ru/publications/gosmolpol.php>

ции на период до 2025 года»¹. Данный документ содержит стратегические планы реализации ГМП, но для их выполнения необходима системная работа соответствующих государственных и молодежных структур.

Без эффективного сотрудничества общественных организаций и государственных структур реализовать поставленные цели невозможно. Поэтому и взаимодействие с общественными организациями и движениями выступает одним из приоритетных направлений ГМП. Молодежные общественные объединения являются значимым институтом политической социализации молодых людей, способствуют формированию у них ценностей, определенных моделей поведения по отношению к государству, активной гражданской позиции.

Основным органом государственной власти, который осуществляет взаимодействие с общественными молодежными объединениями, является Федеральное агентство по делам молодежи (Росмолодежь). Деятельность агентства направлена на социализацию молодых людей, развитие у них творчества и инициативы, самоуправления и добровольчества, с ориентиром на такие ценности, как патриотизм, семья, здоровый образ жизни, карьера.

Примером такой деятельности являются молодежные форумы, предназначенные для развития творческого потенциала активной молодежи, вовлечения ее в реализацию ГМП через проектные инициативы. С каждым годом прослеживается увеличение количества участников всероссийских молодежных форумов, таких как «Территория смыслов на Клязьме», «Таврида», «Амур», «Арктика», «Балтийский Артек» и др. Форумы являются уникальной площадкой по отбору и развитию талантливой молодежи с оказанием государственной поддержки в реализации общественно-значимых проектов. Положительной тенденцией является ежегодное увеличение ассигнований на молодежные проекты (в 2016 г. по сравнению с 2015 г. у Росмолодежи они выросли на 72,97%²).

¹ Основы государственной молодежной политики на период до 2025 года. URL: <http://nasha-molodezh.ru/wp-content/uploads/osnovi-mgp-2014.pdf> (дата обращения 20.07.2018).

² См.: Отчет об итогах деятельности Федерального агентства по делам молодежи в 2016 году и планах по реализации государственной моло-

Для того, чтобы молодежь имела возможность представлять свои интересы и выражать свое мнение, необходимо развивать деятельность молодежных парламентов. Молодежные парламенты, действующие в составе органов государственной власти федерального и регионального уровней, являются значимым инструментом реализации принципов самоуправления, молодежных инициатив, повышения правовой и политической культуры молодежи. Они призваны представлять и защищать интересы молодых людей в различных сферах общества.

Помимо парламентской деятельности и при широкой поддержке государства активно развивается добровольческое (волонтерское) движение. В конце 2015 г. общее количество общественных волонтерских объединений, работающих в сфере вовлечения детей и молодежи в добровольческую деятельность в регионах, в том числе муниципального уровня, составляло 8 127 единиц. В конце 2016 г. общее количество таких объединений было уже 21 182 единицы¹. В 2017 г. число молодых россиян, вовлеченных в волонтерскую деятельность, достигло 5 283 778 человек².

Увеличение количества молодых людей, принимающих активное участие в волонтерских проектах, соответствует взаимным интересам государства и молодежи. Ярким примером этому является проведение в России спортивных мероприятий мирового уровня таких, как Олимпийские Игры в 2014 г. и чемпионат мира по футболу в 2018 г. Одним из самых больших впечатлений для участников и гостей этих мероприятий стала деятельность российских волонтеров. Результаты волонтерской деятельности получили высокую оценку руководства страны.

Перечисленные примеры свидетельствуют о попытке государства сформировать структуру ГМП таким образом, чтобы она смогла обеспечить качественную социализацию молодого поколения и одновременно имела общественно-полезный характер деятельности. Следует заметить, что одной из задач ГМП является осознанное и добровольное участие молодежи в общественно-политической жизни

дежной политики на 2017 год, с. 4. URL: http://molod.rgub.ru/files/rm_03-1120-2.pdf (дата обращения 23.07.2018).

¹ См. там же.

² Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2017 год. Общественная палата РФ. М., 2017, с. 51.

страны. А это подразумевает наличие некой идейной основы, мотивирующей молодежь. В чем ее смысл? Ответ на этот вопрос сформулировал Президент РФ В.В. Путин: «У нас нет никакой, и не может быть никакой другой объединяющей идеи, кроме патриотизма»¹.

По мнению автора, в настоящее время патриотическое воспитание молодежи является ключевым направлением ГМП. Но у российской молодежи нет четкого представления о смысле патриотизма. Например, в 2005 г. 50% молодых людей считали, что истинный патриотизм проявляется в укреплении семьи и воспитании детей, 18% – в праздновании исторических событий и юбилеев, 12% – в голосовании на выборах, 11% – в участии в патриотических организациях².

Спустя 12 лет ситуация не изменилась. В феврале-апреле 2017 г. в 28 подшефных школах Международной Ассоциации ветеранов подразделения антитеррора «Альфа» было проведено авторское социологическое исследование при содействии Ассоциации ветеранов «Альфа» на тему «Уровень патриотизма у школьников общеобразовательных учебных заведений». Было опрошено 2910 респондентов из 14 регионов РФ: Москва, Московская область, Воронеж, Екатеринбург, г. Красноуральск Свердловской области, Республика Башкортостан, г. Александров Владимирской области, г. Балаково Саратовской области, с. Пехлец Рязанской области, с. Васильевка Липецкой области, Калуга, г. Чусовой Пермского края, станица Чепигинская и г. Лабинск Краснодарского края. Объектом исследования явилась молодежь в возрасте 14-18 лет. 69% молодых респондентов считают, что патриотизм – это любовь к Отечеству, месту, где человек родился, к природе. Для 28% это верность, преданность, служение Отечеству и его защита, вплоть до самопожертвования. 13% ответили, что это уважение к стране, ее традициям, культуре, к народу, к героям Отечества. И всего лишь 6% считают, что это желание вносить свой вклад в развитие страны, выполнять долг, исправлять недостатки страны. Можно

¹ Владимир Путин встретился с активом Клуба лидеров – неформального объединения средних и мелких предпринимателей. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/51263> (дата обращения 14.07.2018).

² В чем, на ваш взгляд, проявляется истинный патриотизм? ВЦИОМ. 2005. URL: https://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=144&q_id=12061&date=14.12.2005 (дата обращения 20.07.2018)

констатировать, что у молодежи преобладает «чувственный патриотизм» над «деятельностным». Большинство молодых людей считают, что можно любить Родину почти ничего не делая. Следовательно, у большинства нет четкого понимания, что такое патриотизм и в чем он проявляется.

В заключение, можно сказать, что российское общество находится только в начале пути построения системной работы ГМП. В настоящее время существует государственный заказ на человека нового типа: активного, творческого, мобильного, интеллектуально развитого. Такого человека можно воспитать, развивая традиционные ценности семьи и патриотизма. Ни полюбить, ни разлюбить Родину по приказу невозможно¹, поэтому российскому обществу и государству необходимо найти идейную базу для реализации приоритетных направлений развития ГМП. В основе этой идеи может лежать чувство патриотизма.

Зиненко В.Е. Приоритетные направления современной государственной молодежной политики. В статье анализируются приоритетные направления современной государственной молодежной политики, которые содействуют успешной политической социализации молодежи. В основе реализации приоритетных направлений ГМП должна лежать идейная база, которая может выстраиваться на чувстве патриотизма.

Ключевые слова: российская молодежь, государственная молодежная политика, патриотизм, политическая социализация.

Zinenko V.E. Priority directions of modern state youth policy. The article analyzes the priority directions of the modern state youth policy, which contribute to the successful political socialization of young people. The basis for the implementation of the priority directions of the GMP should be the ideological base, which can be built on a sense of patriotism.

Keywords: the Russian youth, state youth policy, patriotism, political socialization.

¹ См.: Ильин И.А. Соч. В 2 т. М., 2001, т. 1, с. 154-156.

«Социологический ренессанс...» в русле проекта «Аргументы ИСТИНЫ»

Кто-то из знаменитых, выступая недавно по телевидению, изрек: «Перед Историей, как и перед Богом нужно говорить только правду». Жизнь убеждает, что сделать это непросто. Особенно, когда речь идет о прошлом. 2018 год – год юбилея Института социологии РАН (50 лет) и Советской социологической ассоциации (60 лет). Вполне понятно, что история создания и функционирования этих организаций приобретает новую актуальность. Тем заметнее в этой связи выход в свет книги известного ученого, политика и дипломата, зав. кафедрой социальных и гуманитарных наук ЮНЕСКО при ИСПИ РАН доктора социологических наук А.С. Капто «Социологический ренессанс: о том, как на самом деле это было и как не было»¹.

Поставленная автором двуединая задача предполагала серьезный экскурс в историю возрождения социологии как науки в нашей стране, анализ того, что уже написано на эту тему, с акцентом на те публикации, в которых были допущены разного рода искажения и фальсификации.

С самого начала своего повествования автор погружает читателя в историю отечественной науки, в обширных рамках которой рассматривается и история социологии, история ее возрождения в советское время.

Повествуя о том, что «на самом деле было», автор скрупулёзно, со ссылкой на архивные документы, прослеживает путь создания Советской социологической ассоциации, Института конкретных социальных исследований (Институт социологических исследований, Институт социологии), первых образовательных учреждений, называет имена тех, кто действительно стоял у истоков этого процесса.

¹ Капто А.С. Социологический ренессанс: о том, как на самом деле это было и как не было. М.: Издательство "У Никитских ворот", 2018. - 656 с.

В этом повествовании содержится много уже известного, рассказанного другими авторами в многочисленных публикациях (Тощенко Ж.Т., Ядов В.А., Голосенко И.А., Горшков М.К., Новикова С.С., Батыгин Г.С., Осипов Г.В., Москвичев Л.Н.). Но есть и новый материал, почерпнутый автором из различных архивов. Все, о чем говорит А.С. Капто, имеет документальное подтверждение, снабжено соответствующими ссылками, все доказательно.

Обращает на себя внимание информация автора о становлении и развитии не только академической социологии, но и «партийной», «комсомольской», «региональной».

Интересно и достаточно подробно рассказано о преодолении советскими социологами международного изоляционизма, о первых всемирных социологических конгрессах с их участием.

В отличие от многих публикаций по истории социологии, носивших сугубо информационный характер, в книге А.С. Капто особое внимание уделено содержательной стороне дела, раскрытию проблем процесса интеграции отечественной социологии в международную научную среду, реальному взаимодействию советской и западной систем социальных наук в сложных условиях идеологического противоборства. Автор показал, что в институционализации отечественной социологии большую роль сыграло осуществление советскими учеными с их зарубежными коллегами совместных международных исследовательских проектов.

Большое значение имели также формы двустороннего сотрудничества, ориентированные на целенаправленное и профессиональное изучение сторонами сотрудничества реального положения дел в тех или иных областях жизнедеятельности, раскрытие тенденций в социальных изменениях, роли субъективных и объективных факторов в социальной реконструкции общества.

Не менее убедительно выглядит повествование автора о том, чего «на самом деле не было», развенчание мифов, легенд, откровенных искажений и фальсификаций, связанных с историей возрождения социологии в нашей стране. Здесь, как это ни прискорбно, главным действующим лицом является Г.В. Осипов. Автор последовательно и доказательно говорит о его неверных оценках основополагающих событий и роли отдельных личностей в процессе возрождения отечественной

социологии. При этом речь идет как о партийных руководителях высокого ранга, так и об академических ученых.

Одной из центральных проблем в этой связи является проблема взаимодействия социологов и власти. Автор критикует сделанный в свое время Г.В. Осиповым вывод о том, что партийной власти социология не нужна. Доказать подобный вывод, находясь на почве реальных фактов, было попросту невозможно. Но Г.В. Осипов делает этот вывод, опираясь сугубо на свое видение происходившего и на свои представления о мотивах и целях руководителей академической науки (вице-президент АН СССР академик П.Н. Федосеев, академик Ф.В. Константинов, академик А.М. Румянцев, зав. отделом науки и высших учебных заведений С.П. Трапезников, инструктор этого же отдела Г.Г. Квасов и др.). Сокрушив «сопротивление» своих оппонентов, Осипов заявил о создании им социологической ассоциации и двух социологических институтов. А.С. Капто убедительно показывает, как на самом деле проходил процесс создания этих организаций и какую роль сыграли в этом критикуемые Осиповым партийные функционеры и академические руководители.

Автор обоснованно критикует Г.В. Осипова за его оценки реальной роли исторических персонажей, за проявленное им своеволие и фактическое очернительство при этом. В частности речь идет о взаимоотношениях В.И. Ленина и П. Сорокина, о «расстрельной» резолюции В.И. Ленина по делу П. Сорокина. На основе анализа значительного количества архивных материалов А.С. Капто показывает, что подобной резолюции в природе не было. Естественно, что и не могла возникнуть отрицательная реакция Л.И. Брежнева на приглашение Сорокину посетить Москву в 60-е гг. По свидетельству самого Сорокина, о котором говорится в книге, единственной причиной несостоявшихся его поездок в Москву, были препятствия, чинимые американскими властями, а отнюдь не сверхосторожность советских руководителей.

В целом следует отметить, что автору удалось доказать, что предложенная Г.В. Осиповым социологическому сообществу конфронтационная модель взаимодействия социологов и власти несостоятельна.

Автором показано «избирательное» отношение Г.В. Осипова к характеристике тех или иных событий в истории возрождения отечественной социологии. Он справедливо критикует последнего за то, что тот в своих публикациях «не

заметил» такого важного знакового события в жизни социологического сообщества, как первое Всесоюзное совещание, посвященное развитию социологических исследований в стране (ноябрь 1984, Киев), участниками которого были не только ведущие социологи страны, но и партийные руководители, руководители ведомств, образовательных учреждений и заводские социологи. Получилось, как в басне Крылова: «Слона-то он и не заметил». Даже то обстоятельство, что Г.В. Осипов на этом совещании не присутствовал, игнорирование его в своих публикациях по истории возрождения отечественной социологии не может быть оправдано. Более того, в книге «Социология и власть (как это было на самом деле)» он говорит о том, что материалы этого Совещания «касаются частных эпизодов и малоинтересных для научного общества, широкой публики событий»¹. В то время как его результаты обсуждались на Секции Президиума АН СССР, Президиуме Советской социологической ассоциации, Президиуме Всесоюзного общества знаний, о нем писали газеты, ему были посвящены передачи на Центральном телевидении. В таких случаях говорят, что «вся рота шагает не в ногу, а в ногу шагает один поручик».

В книге уделено значительное внимание проблемам этики социолога («этические доспехи» институционализирующейся социологии), раскрыты истоки и предпосылки появления и принятия социологическим сообществом Профессионального кодекса социолога (1987 г., VI Всесоюзная конференция Советской социологической ассоциации). Автор предлагает оригинальную периодизацию процесса становления социологической этики, анализирует основополагающие работы исследователей в этой области, на базе которых формировались этические нормы и стандарты «социологической работы», ее нравственные регуляторы.

В книге обращено внимание на гражданскую и нравственную ответственность социолога за достоверность и корректность предлагаемых обществу результатов исследований. Тем убедительней выглядит на этом фоне критика позиций Г.В. Осипова по целому ряду принципиальных вопросов, связанных с предметом и методологией социологической науки в период ренессанса и в последующее

¹ Осипов Г.В., Москвичев Л.Н. Социология и власть (как это было на самом деле). М., 2008, с. 4.

время (социология и исторический материализм, теории среднего уровня, эмпирические исследования и т.п.).

Некоторые факты из разносторонней деятельности Г.В. Осипова трудно поддаются объяснению и автор достаточно лаконичен, говоря о них. Действительно, как можно объяснить рассказ Г.В. Осипова о встрече с социологом П. Сорокиным на VI Всемирном социологическом конгрессе в 1966 г. в г. Эвиане (Франция), когда последний на Конгрессе не присутствовал, или его утверждение, что при обсуждении вопроса о его избрании действительным членом РАН его кандидатуру якобы поддержал член Политбюро и секретарь ЦК КПСС Л.Ф. Ильичев, уже почивший к тому времени (декабрь 1991 г.) в бозе, или его рассуждения о репрессиях по отношению к социологам, официальном запрете социологии как науки, или его утверждение, что "вопреки роли партийного руководства в стране стихийно сложилось мощное социологическое движение", или его широко растиражированные версии о "запретах", "разгромах", "упразднениях" и тому подобные, отнюдь не безобидные фантазии. «Став академиком, – пишет А.С. Капто, – и пользуясь колоссальной поддержкой Президента РАН Ю.С. Осипова (о близких связях с которым он нередко давал понять окружающим), он стал обладать фактически неограниченными возможностями влиять на ситуацию в социологии в выгодном для себя направлении – в продвижении в состав РАН нужных ему людей, в создании без всякой надобности, но в угоду себе различных структур, в собирании вокруг себя жаждущих «остепениться» или получить для своего имиджа академическое звание высокоранжированных чиновников и даже в отдельных случаях криминально запятанных личностей и т.д., и т.п., – достаточно вспомнить о П. Лазаренко, ставшем академиком Академии социальных наук сразу же после утверждения его премьером Украины, многолетнее пребывание которого в американской тюрьме за преступную деятельность согрелось дипломом академика за подписью Г.В. Осипова» (с. 571).

В мотивах допускаемых Г.В. Осиповым искажений, фальсификаций и мифотворчества А.С. Капто пытается разобраться и не безуспешно. Он приходит к выводу, что эта своего рода «социологическая хлестаковщина» является результатом непомерного тщеславия, «жажды руководящего честолюбия» и эгоцентризма. Очевидна и известная доля зазнайства и самовосхваления в его многочисленных

публикациях и интервью. Почти 10 лет тому назад в книге «Моя эпоха. Люди и события» я попытался, критикуя Г.В. Осипова за несоответствие истине некоторых его выводов и суждений, призвать его к самокритике, подчеркивая, что это «только прибавило бы ему уважения коллег»¹. Но Г.В. Осипов никак не отреагировал на мой призыв.

В свое время на Г.В. Осипова была написана мною дружеская эпиграмма:

*В научных преуспел делах
И неспроста считают многие,
Что он и нынче патриарх
Зачтой им социологии.*

Искреннее удивление вызвало появление к 80-летию Г.В. Осипова книги с названием «Академик Г.В. Осипов – патриарх социологии». Содержание рецензируемой книги А.С. Капто убедительно говорит о том, что Г.В. Осипов был одним из «отцов-возродителей» отечественной социологии наряду с такими учеными, как Ю.П. Францев, В.А. Ядов, А.Г. Здравомыслов, Б.А. Грушин, А.Г. Харчев. Кстати, автор справедливо указывает на до сих пор не оценённую должным образом роль А.А. Зиновьева в становлении и развитии отечественной социологии. Ему посвящён в книге целый параграф, где в частности указывается, что на основе собственных исследований А.А. Зиновьевым было разработано новое направление теоретической социологии – теория логической социологии, изложенная в ряде его работ и особенно в обобщающем труде «На пути к сверхобществу» (2000 г.).

Нельзя сказать, прочитав книгу А.С. Капто, что «патриарх» – совсем уж голый, но то, что патриаршие одежды не совсем чисты – очевидно. Книга не умаляет той положительной роли, которую сыграл Г.В. Осипов на разных этапах возрождения и развития социологической науки. Но позволяет увидеть и те факты, на которые не было в своё время обращено внимание социологами-профессионалами. И потому картина в целом получалась далекой от истины.

Автор подвергает критике и ряд других ученых, допустивших искажение исторической правды в показе различных перипетий, возникавших в процессе социологического ренессанса (И. Земцов, В.И. Жуков, И.Б. Орлова, Л.Н.

¹ См. подробнее: *Иванов В.Н.* Моя эпоха. Люди и события. М., 2009, с. 246.

Москвичёв и др.). Как и в случае с Г.В. Осиповым, она обоснована и аргументирована.

Следует заметить, что некоторые оценки и выводы, сделанные в разное время Г.В. Осиповым, принимались на веру его коллегами и попадали таким образом в их публикации. Это сегодня многое объясняет.

В завершение размышлений «на тему» родилась эпиграмма:

*Его по случаю спрошу,
Пусть нам как на духу ответит:
Зачем в течение десятилетий
Всем вешал на уши лапшу.*

Теперь общая задача – привести в соответствие с обоснованными, документально доказанными выводами все написанное ранее по истории возрождения отечественной социологии. Решительно освободиться от всякого рода предвзятости, теоретической неряшливости, досужих домыслов и мифотворчества. В первую очередь следует внести необходимые коррективы в учебную литературу.

О самом авторе рецензируемой книги хочется сказать как о талантливом исследователе. Еще в 60-е гг. прошлого столетия он организовал первое на Украине и одно из первых в стране исследование проблем общественной активности рабочей молодежи на предприятиях Юга Украины. И все последующие годы в своей разносторонней деятельности он всячески способствовал развитию социологической науки (Разработка концепции единой республиканской социологической службы – один из убедительных примеров тому). И результаты данного труда – это тоже серьезный вклад в историю возрождения и развития социологии в нашем Отечестве.

Уверен, рецензируемая книга А.С. Капто займет достойное место и в реализации исследовательского проекта «Аргументы истины».

В.Н. ИВАНОВ
доктор философских наук, профессор,
советник РАН, член-корреспондент РАН,
член Союза писателей России*

* Иванов Вилен Николаевич, e-mail: vilen_ivanov@bk.ru

Информация для авторов

Направляемые в журнал статьи необходимо оформлять в соответствии со следующими правилами:

- Необходимые сведения об авторе:
 - Фамилия, имя, отчество; ученая степень; ученое звание; место работы; должность; адрес электронной почты; контактные телефоны.
 - Аспиранты, в том числе заочной формы обучения, полностью указывают место учебы (работы).
 - Объем статей не должен превышать:
 - 7 страниц для соискателей степени кандидата наук;
 - 17 страниц для соискателей степени доктора наук.
 - Статьи должны быть напечатаны в формате Microsoft Word (2003-2007), интервал 1,5, кегль 14, шрифт «Arial» на одной стороне листа, форматирование по ширине (поля: верхнее и нижнее – 2, левое – 2,5, правое – 1,5);
 - ссылки (сноски) даются в конце каждой страницы (кегель 10);
 - таблицы, схемы, диаграммы должны быть выполнены в черно-белом изображении и сопровождаться сквозной нумерацией.
 - В конце статьи **обязательно** прилагаются:
 - аннотации на **русском и английском языках** (не более 5 строк); в аннотациях указывать ФИО автора, название статьи и ключевые слова.
 - Статьи должны сопровождаться заверенной рецензией (отзывом) специалиста и рекомендацией кафедры (отдела) по месту работы.
 - Статьи в редакцию направлять по электронной почте.
 - Решение о публикации принимается в течение 30 дней со дня регистрации статьи в редакции.
 - Авторы несут ответственность за достоверность приведенных фактов, цитат и других данных. Мнение редакции журнала может не совпадать с позицией авторов публикаций.
 - Редакция оставляет за собой право на научное редактирование статей. Рукописи не возвращаются. Редакция в переписку с авторами не вступает.

Вниманию подписчиков журнала!

Журнал «Социально-гуманитарные знания» является научно-образовательным изданием, предназначенным для преподавателей, студентов и учащихся высших, средних специальных и средних учебных заведений, всех, интересующихся социально-гуманитарными науками и образованием.

Подписка и доставка периодических изданий осуществляется всеми отделениями **Группы компаний "Урал-Пресс"** в офисах агентства в вашем городе. Информацию можно получить на сайте ГК "Урал-Пресс" www.uralpress.ru или по телефону **8(499) 700-05-07**.

Кроме того подписка осуществляется всеми отделениями связи. Индекс подписки – 70652 (Каталог «**Пресса России**»), телефон **8 (495) 995-95-70**.

Подписная цена за один номер во втором полугодии 2018 г. – 300 руб., в продаже – цена свободная.

Подписка на электронную версию журнала осуществляется в Научной электронной библиотеке www.elibrary.ru

Information for authors

Articles sent to the magazine should be drawn up according to the following rules:

1. Necessary information about the author:
 - Surname, name, patronymic; academic degree; academic rank; the place of work; the post; e-mail address; contact phones.
 - Graduate students, including the correspondence form of training, fully indicate the place of work (study).
2. The volume of articles should not exceed:
 - 7 pages for candidates degree;
 - 17 pages for competitors for Doctor of Science degree.
3. Articles should be printed in Microsoft Word format (2003-2007), space 1.5, point type 14, font "Arial" on the one side of the worksheet, the align block (fields: top and bottom-2, left-2.5, right-1.5);
 - references (footnotes) are given at the end of each page (point type 10);
 - tables, charts, diagrams should be in black and white and accompanied by continuous numbering.
4. At the end of the article are necessarily attached:
 - annotations in English and Russian (no more than 5 lines); with indicating the author's name, the title of the article, main content and key words.
5. Articles should be accompanied by specialist's certified reviews and the recommendation of the Department (Office) at the place of work.
6. The article sent by e-mail.
7. The decision to publish is made within 30 days from the date of the articles registration by the editors.
8. The authors are responsible for accuracy of the facts, quotes and other data. Editorial opinion may not coincide with the position of the authors of publications.
9. The Editorial board reserves the right to scientific editing of the articles.
10. Manuscripts will not be returned.
11. The Editorial board does not enter in correspondence with the authors.

To the subscribers of the magazine attention!

Journal "Socio-humanitarian knowledge" is a scientific and educational edition, designed for teachers, students and pupils in higher, specialized secondary and secondary schools, all with an interest in social and humane sciences, and education.

Subscription and delivery of periodicals is realized by all the chapters of the **Group of companies "Ural-Press"** in agency offices in your city. Information can be obtained on the website www.ural-press.ru or by phone **8 (499) 700-05-07**.

Besides subscription is available in all post-offices. Subscription index – 70652 (catalogue "**Press of Russia**"), phone **8 (495) 995-95-70**.

The subscription price for one issue in the second half of 2018 – 300 rubles, free of control price for sale..

Subscription to the electronic version of the magazine is carried out in the Scientific Electronic Library www.elibrary.ru

Подписано в печать 27.07.2018 г.
Формат 84x108/32. Гарнитура «Arial».
Печать офсетная. Объем 19,0 печ. л.
Тираж 1000 экз. Заказ

Отпечатано с готовых оригинал-макетов